

Творческая Мастерская «Альтернатива – Арт»

в рамках реализации проекта с использованием гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом президентских грантов

«История. Люди. Память» – серия видеофильмов и репортажей об историческом наследии и об объектах, находящихся под угрозой исчезновения на территории Калининградской области»

№ 22-1-005642

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

туристический маршрут по

Озёрскому району

«Надровия – Даркемен – Анграпа – Камни и Кресты Первой мировой»

Примерно в 120 км на юго-восток от Калининграда на реке Анграпа, в 8 км от государственной границы с Польшей, с её северными рубежами, находится небольшой город Озёрск. На территории Озёрского района действует пограничный переход Гусев—Голдап. Ближайший город — Гусев, на расстоянии 21 км, одновременно является ближайшей железнодорожной станцией. Озёрск является центром сельскохозяйственного района, однако, железнодорожного сообщения не имеет.

Своё имя город Озёрск получил в 1946 году. До этого он был известен как Даркемен, но с 1938 по 1946 год, немецкие власти, стремясь искоренить

географические названия, имеющие в названиях корни литовского языка, переименовали его в Ангерапп.

Площадь Озёрского района составляет 871 км², чуть больше 12% территории составляют лесные массивы. Общая численность жителей района по состоянию на 01 января 2022 года составила чуть больше 13 тысяч человек и лишь третья часть проживает в городе, поэтому с давних пор район имеет сельскохозяйственный уклон, а наличие реки, озёр и множества холмов создает привлекательный для туристов облик.

Современный Озёрский муниципальный округ полностью расположен в одной из исторических областей древней Пруссии под именем Надровия.

В Первую мировую войну с осени 1914 года до 10 февраля 1915 года здесь проходила линия Ангераппского фронта.

Сильно разрушенный город уже во время войны восстанавливался при помощи города-патрона Дрездена. В 1922 году восстановительные работы были завершены, и Даркемен приобрел облик красивого города-сада.

Маршрут проекта пролегает по некоторым захоронениям Первой мировой войны, в которых упокоены и русские солдаты.

Первым знаком-камнем Первой мировой на маршруте по Озёрскому району станет мощная пирамида из обработанных камней в посёлке Новостроево, её возвели в селе Тремпен в память о погибших жителях церковного прихода в 1920-х годах. Поставили этот 3-х метровый памятник недалеко от церкви. От самой церкви не осталось ни следа, а от памятника исчезла только мраморная плита с надписью, да вывалилось несколько камней от

постоянного лазания по нему местной детворы. Камни укрепили, а вместо утраченной плиты установили новую с надписью на немецком и русском языках. Ремонтно-реставрационные работы произведены Народным Союзом Германии по уходу за военными захоронениями.

А надпись здесь краткая, но выразительная: "Память – павшим, мир – живым".

Этими словами мы начнём путешествие, ибо что ещё можно пожелать всем нам: ныне живущим?

По пути в Озёрский район нам повстречаются мосты через живописные овраги, например, по дороге между посёлками Пеньки и Угрюмово Черняховского района.

А въедем на территорию Озёрского района близ посёлка Крушинино, минуя речку Удельная, и отметим, что прежнее название посёлка абсолютно созвучно с нынешним – Крушиннен. В 1938 году его переименовали в Альтлинде, а в 1946 году вернули созвучное первому названию – Крушинино. Поселение было образовано в начале XIX века.

Однако мы поспешим в Тремпен, второй по значению населённый пункт в бывшем округе Даркемена, после самого Даркемена.

Итак, представляем наш маршрут.

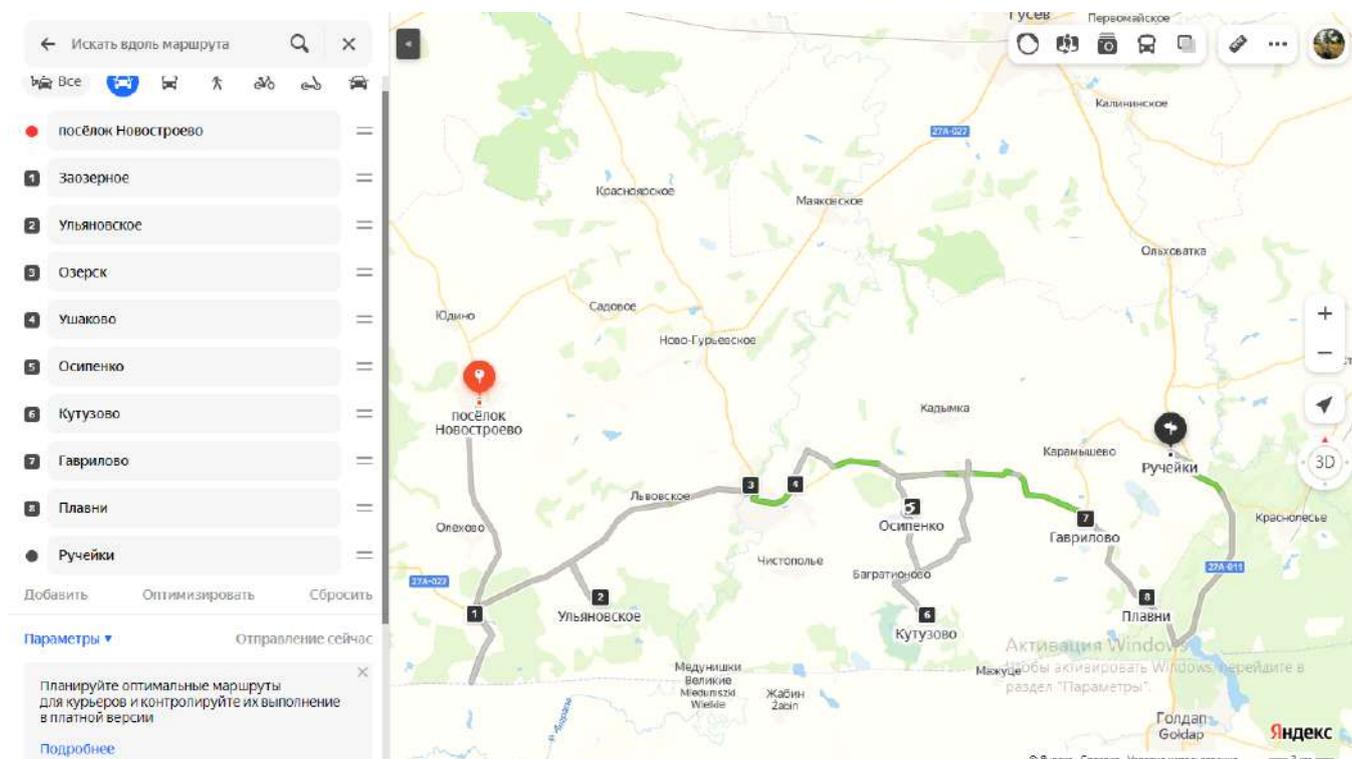
www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 011636
Trempen, Ort, Kreis Angerapp, MT15097-7. Dorfstraße. (1935-1941), © H. Gerhard, Königsberg

Из посёлка Новостроево отправимся в сторону посёлка Заозёрное на перекрёсток дорог, а от посёлка Заозёрное – в посёлок Ульяновское, бывший Байнунен некогда с прекрасным дворцом и парком имения. Жарким и кровопролитным был бой у Кляйн-Байнунена 11 сентября 1914 года. В районе посёлка Ульяновское расположено 5 захоронений воинов Первой мировой войны – два заросли травой, а на трёх поддерживается порядок.

Далее – в Озёрск, где задержимся на его улицах, зайдём в местный краеведческий музей, и направимся ближе к загадочной Роминте. Примерно в 5 км от Озёрска в посёлке Суворовка нас встретит роскошный конный завод «Веедерн». Из Озёрска через Ушаково, где рядом с Даркеменом шли сильные бои в конце ноября – начале декабря 1914 года, проедем к посёлку Осипенко. Много полегло здесь солдат русских и немецких в Первую мировую...

Ушаково – Осипенко – Кутузово – Гаврилово – Плавни – Ручейки... Эти посёлки маршрута завершат путешествие по Озёрскому району, а мы, в свою очередь, приглашаем познакомиться с нашим сопроводительным материалом, который, возможно, станет основой или помощником в составлении собственных маршрутов по мало знакомому живописному уголку нашей Калининградской области.

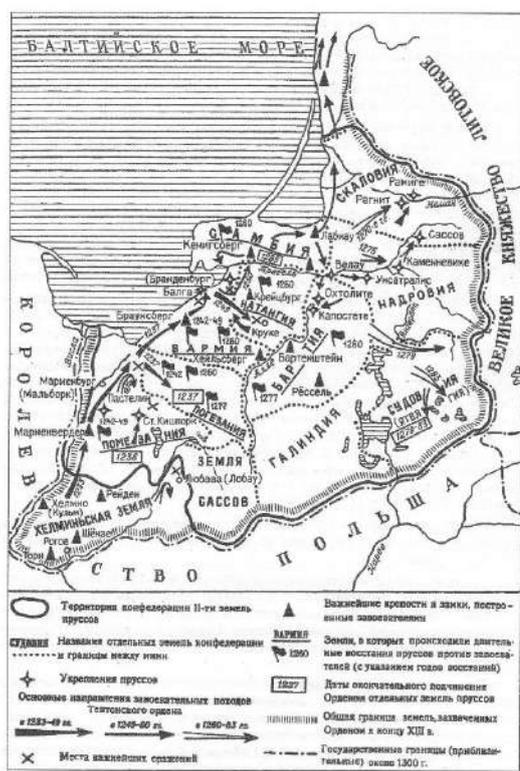
Надровия – Надравия

Единого мнения лингвистов о происхождении этнонима надровов не существует.

Литовский лингвист Казимир Буга считал, что имя *nadravo* является составным из прусских слов *na* (на) и *dravo* (дерево), что литературно можно перевести как Полесье. Зинкевичюс возводит вторую часть в *nadravo* к гипотетической индоевропейской основе *dhreu* (поток). В этом случае литературный перевод будет Поречье. Вилюс Петерайтис считает, что слово *drava* — это не дошедшее до наших дней

имя одного из притоков Преголи. Наконец, существует народно-этимологическое толкование слова Надровия как производного от личного имени Надро, принадлежавшего сыну прусского вождя Вейдевута.

Захват Тевтонским орденом земель западных балтов в 1233–1283 годах. (Из кн. В.Пашуто.)

Основные события ранней истории Надровии относятся к середине XIII века и борьбе пруссов с крестоносцами. Древнейшие же сведения о пруссах представлены в «Прусской хронике» Симона Грунау, опубликовавшего свой труд в 1526 году, на основе данных Петра из Дусбурга и на не дошедших до нас рукописях прусского епископа Христиана Оливского. В начале XIII века, крестя пруссов, Христиан общался с их языческими жрецами, передававшими ему древнейшие местные сказания. Вся эта информация отражена в книге Марциана Мариниуса «Хроника магистров прусских», изданной в Торне в 1582 году.

О смерти Вейдевута, короля прусского, и назначении на царство его сына и об участии остальных сыновей.

«Года 573 Вейдевута, король прусский, имел преклонные года, ибо жил 116 лет, умыслил для спокойствия поделить землю между своими сыновьями. Для этого собрал всю шляхту и господ прусских, которых ознакомил с тем, что первый сын Саймо назван господином прусским. К святому дубу, туда, где находились их боги, собрались все, а Криве Кривейто, их высочайший епископ, забив козла, принес богу огненную жертву за грехи всего народа».

Затем был призван на собрание первородный сын королевский Саймо, которому отец сказал: *«Дорогой сын, клянись милостивыми богами нашими, воздай с подобающим боголюбием, что нашему Криве Кривейто обязан ты послушанием, будешь воздавать ему достойные почести, а богов наших и Криве Кривейто с его слугами вместе с братьями своими станешь оборонять от врагов, чтобы как в здоровье безопасны, так и чести не посрамлены были, и в достатке чтобы не потерпели, и чтобы умножались, и начатая набожность множилась!»* На что Саймо, первородный сын королевский, ответил: *«Клянусь под страхом бога моего Перкуна кары, который пусть убьет меня своим огнем, если всего того, что ты сказал, не исполню».* Сказал ему Криве Кривейто: *«Положи руку свою на голову отца своего и коснись дуба своих всемогущих богов».* Тогда король Вейдеуто и Криве Кривейто в присутствии всей шляхты проговорили: *«Будешь ты уже властителем земли Гойко и Немо».*

Таким же образом и с подобными церемониями другие сыновья короля получили определенные им надель. *«Надровия, четвертая земля, – от Надра (сына)... То есть имена сынов Вейдеуто, владыки прусского, и уделы их, то есть землицы, от их имен названы».*

Более подробная информация о первом легендарном властителе Надровии содержится в древнейшем своде прусской устной традиции – в тексте Симона Грунау: *«Надро, четвертый сын Видеуто, присягнувший, как и его братья, получил страну между реками Преголла, или Скара, Бойки и Куртоно (то есть между Преголей, Путиловкой и Швентойей), и он взял её и в ней построил укрепление, названное Стаймло, и назвали страну Надровией, и является она сегодня по большей части пустой и заросшей, ибо мощью Тевтонского ордена уничтожена была, и не захотели крестоносцы вновь ее отстраивать, дабы надровиты против них воевали и с другими соседними народами на них нападали. Этот Надро был убит литовцами по воле Кривайто, так как Надро назвал своей женой дочь Брутена (верховного жреца) перед своим Криве Кривайто, как рассказывали вайделоты, призывая богов, однако другие вайделоты и он (верховный Криве) не согласились, ведь они хотели назвать его женой дочь брата Апелес Литфо, и по их воле обе пошли в темницу, а Надро был пойман воинами Литфо в Бойки и умерщвлен».*

В следующих письменных источниках сведения более достоверны, ибо составлялись в основном современниками упоминаемых событий.

На завершающем этапе третьего прусского восстания, длившегося с 1260 по 1283 год, Надровия подверглась сокрушительному разгрому. Отступавшие сюда из западной части прусской территории местные ополчения в 70-х годах XIII века терпели одно поражение за другим.

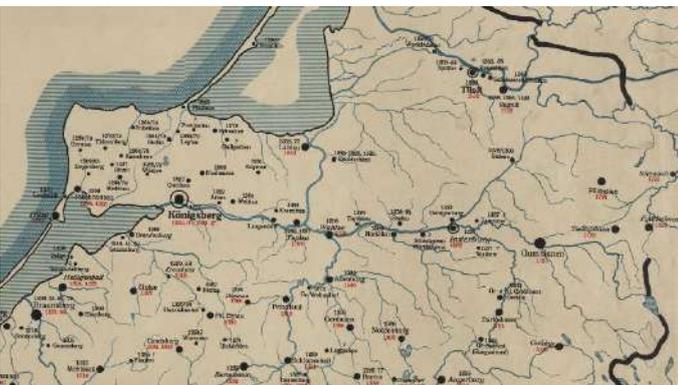
Этот период борьбы пруссов за независимость излагается орденским летописцем Петром из Дусбурга в написанной в 1340 году «Хронике земли Прусской».

«После ухода этого правителя (графа Дитриха фон Мейсена, орденского военачальника) натангов, как никогда, обуял страх. Нигде не было настолько потаенного места, где бы они чувствовали себя в безопасности. Вот почему случилось так, что, когда Генрих Монте (Геркус Монтас), вождь их, с некоторыми союзниками ушел в леса и остался один в шатре своем, в то время как товарищи его пошли на охоту, к

этому месту неожиданно подошли братья Генрих из Сконеберга, комтур Кристбурга и Хельвик из Гольтбаха с несколькими воинами, и при виде Генриха Монте они обрадовались и, схватив его, повесили на дереве и повешенного пронзили мечом» (Было это в Надровии, где сейчас расположен поселок Междуречье).

О войне с надровитами и крещении многих из этой земли.

«В год от Рождества Господня 1274, когда погезаны, вармийцы, натанги, барты и самбиты (пруссские народы) вернулись к единой святой Церкви и дали, как водится, заложников, чтобы впредь не предпринимать ничего противозаконного, но смиренно подчиниться вере и власти братьев, магистр и братья, радеющие о расширении пределов христианских,

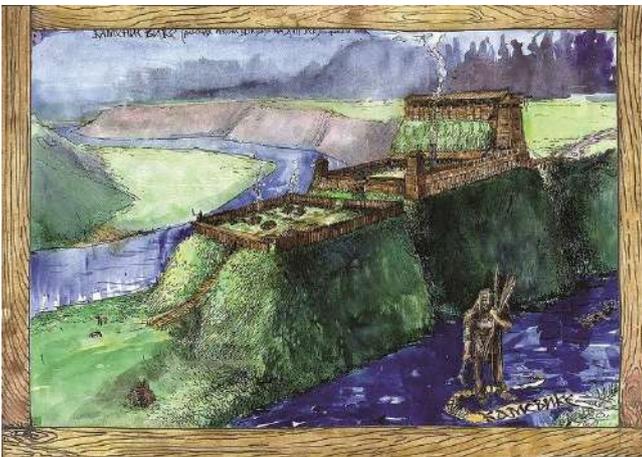
вооружились против племени надровитов. Ведь после того как Турско, отец Маудело, возглавлявший замок в Вилове (ныне Знаменск), со всеми примкнувшими к нему подчинился вере и братьям, многие властительные и знатные люди из Надровии пришли постепенно к братьям со всей челядью своей и, возродившись в источнике крещения, оставив идолов, служили живому богу Иисусу Христу».

О взятии двух замков земли Надровия в волости Ретовы (1274 год).

«Брат Конрад из Тирберга, магистр, учитывая благоразумие и верность этих надровитов и то, что из-за ухода земля Надровия потеряла значительные силы, послал брата Теодорика, фогта земли Самбийской, и войско с ним в упомянутую землю Надровия. Они, войдя, разорили область Ретовы огнем и мечом и, пройдя дальше к двум замкам упомянутой волости, после долгого сражения, разгоревшегося между ними, наконец с Божьей помощью взяли их оба и, убив и взяв в плен многих людей, замки вместе с предместьями предали огню; они захватили столько добычи из коней, скота и прочего добра, что едва могли все унести» (Этим «замкам», видимо, соответствуют городища Синявино и Журавлево Гусевского района).

О взятии замка Каменисвике (1274 год).

«Затем (после захвата прусского укрепления Каттенава – Отолихия; ныне пос. Фурманово Гусевского района), повернув от него на юго-запад, магистр с большим войском прошел по земле Надровии с огнем и мечом и, придя к замку Каменисвике (пос. Тимофеевка Черняховского района), стоящему на реке Арсе, разместив, как полагается, все необходимое для штурма, он пошел на замок, и с обеих сторон многие

были ранены, а так как в вышеупомянутом замке было 200 храбрых воинов, наконец после долгого сражения братья стремительно ворвались и, убив всех вышеупомянутых мужчин, взяв в плен женщин и детей и захватив огромную добычу, самый замок целиком сожгли».

Об опустошении земли Надровия (1274 год).

«Славно велась против этой земли Надровия многие битвы, которые не описаны в этой книге, ибо было бы чрезвычайно долго повествовать о каждой в отдельности. Вот почему надровиты, хотя до сих пор располагали большой воинской силой и многими укреплениями, наконец, оставив всякую дикость, подчинились вере и братьям, за исключением немногих, ушедших в землю

Литовскую; и так вышеупомянутая земля Надровия вплоть до нынешнего времени остается в запустении».

Однако, несмотря на разгром и разрушение основных крупных поселений в западной Надровии, пруссы не все были уничтожены и передали своим потомкам устную традицию, в виде легенд просуществовавшую вплоть до XIX века. За это время прусские сказания и были записаны фольклористами.

Примерно в пяти километрах на северо-восток от Озёрска, бывшего Даркемена, находилась орденская крепость Гребин (Grebin), основанная в 1360 году комтуром Бальги для прикрытия брода через реку Ангерапп. Одни историки полагают, что в XV веке замок Гребин был уже заброшен. Другие говорят, что Гребин упоминается в завещании герцога Альбрехта, а значит, во второй половине XVI века крепость еще имела оборонительное значение. Как конкретно она выглядела — неизвестно.

Чтобы уточнить хотя бы расположение исчезнувшего замка, археологами с 1998 года было проведено 6 «разведок» в районе, прилегающем к реке Анграпа. Ближе к реке и нашлось большое количество керамики, относящейся к орденскому периоду.

Скорее всего, замок был сложен из кирпича, а впоследствии разобран до фундамента. На его месте образовалась деревня Гросс Гробинен, которую в 1947 году переименовали в Малую Климовку. Поселок просуществовал до начала 80-х годов XX века.

По материалам статей <https://www.angrapa.ru/insterburg/istoriya-insterburga/2756-nadroviya.html>
<https://ozyorsk.ru/istoricheskaya-spravka-o-gorode/>

Как мы уже успели пояснить, Озёрский район расположился на древней земле Надровия, живописность району придаёт холмистый рельеф, по которому причудливо протекает река Анграпа.

Мы попытались перевести название древней местности, однако, единого мнения лингвистов о происхождении этнонима надровов не существует, но привели пару предполагаемых литературных переводов nadravo – Полесье и Поречье, и предположение, что, возможно, это не дошедшее до наших дней имя одного из притоков Преголи.

Однако есть ещё одно мнение – советского этнографа, доктора исторических наук Павла Ивановича Кушнера, который считал, что название "Надровия" можно вывести от прусского слова "дравис", то есть "борть", связанное со сбором дикого мёда. Кстати, ряд словарей соглашаются с этой трактовкой слова: словарь прусского языка Эрика Бернеккера приводит слово "дравине" (drawine) в значении "улей,

борть"; этимологический словарь русского языка М. Фасмера увязывает общеславянское слово "дрова" (иногда в значении "дерево") с родственными балтийскими языками, в частности, с прусским словом "дравине" – улей, бочонок для мёда.

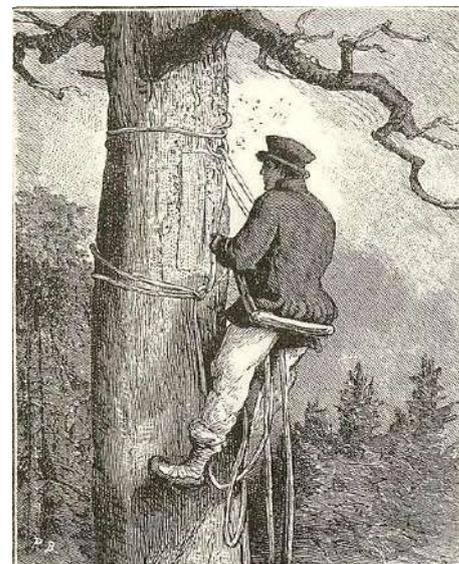
Принимая во внимание одинаковое значение приставки "на" в прусском и в русском языках, можно растолковать слово "На-дравия" как "территория на месте пчелиных ульев".

Пчеловодство в Восточной Пруссии.

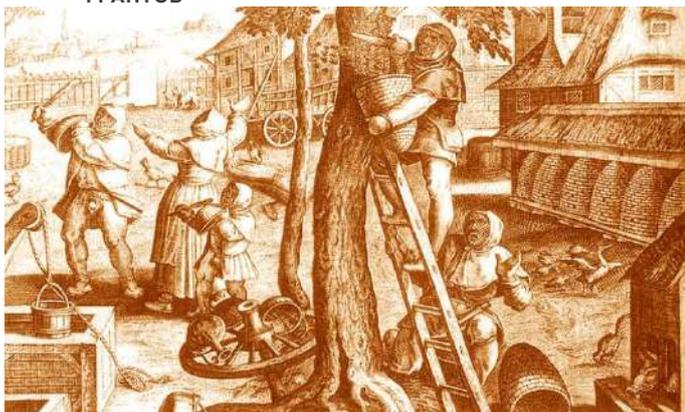
Помимо собственного потребления, пруссаки мёд даже вывозили. Говорят, что греческие и римские торговцы ездили в Пруссию только для того, чтобы купить мёд. Во времена Ордена в лесах, в безопасной зоне охвата замков были созданы «деревни Бейтнера», жители которых преимущественно занимались пчеловодством. В то время мёд был единственным подсластителем. Так было до 1575 года, когда в Германии были построены первые заводы по переработке тростникового сахара. Первый сахарный завод по производству сахара из сахарной свеклы был построен в Силезии около 1800 года.

Первоначально ульи располагались в старых дуплах деревьев. Жители выдалбливали деревья и закрывали дупла доской, в которой отверстие использовалось как входное отверстие. Для привлечения пчелиных семей в полость доски втирали мёд. Во время сбора урожая пчеловод зажигал деревянную коптилку и использовал ее, чтобы выкурить пчел. Половину сот он укладывал в переносную корзину, другая половина оставалась для пчел в качестве зимнего корма.

Подсчитано, что Орден ежегодно собирал таким образом около 600 центнеров мёда.

Bartnik, siedzący na leżiwie, podbierający miód.

Большая часть мёда продавалась партнерам по Ганзейскому союзу. Товарооборот занимал третье место после зерна и древесины. Во времена Фридриха Великого, когда мёд был товаром внешней торговли, доход от него и воска был выше, чем от продажи древесины. Кража мёда и воска сурово наказывалась на протяжении веков.

Со временем люди стали срезать медовые палочки с деревьев и сажать их в своих садах. Эти части дерева назывались «Клотцбойтен» («Klotzbeuten»). Их все больше и больше заменяли соломенные ульи, в частности, корзины из соломы. До 1900 года в рядовом хозяйстве обычно было от 12 до 20 ульев. 30 000 пчеловодов Восточной Пруссии ухаживали за примерно 200 000 пчелиных семей. Это было больше, чем во всей Нижней Саксонии. Породы пчел были старогерманскими – «нигра» и «крайнер». Известная как «нигра» из-за своего темного цвета — единственная пчела, способная пережить долгие холодные зимы северо-восточной Европы.

Пчеловоды проходили обучение в государственной пчеловодческой школе в Коршене в районе Растенбурга (населённый пункт Корше, Польша).

По материалам статьи https://vk.com/wall-128773382_607527?hash=e5d9ac415a62e12443

Поясним наше стремление растолковать древнее слово. Возможно, в нём кроется истинное представление об Озёрском районе, который, словно, пчелиный улей зароиился между Правдинским, Черняховским, Гусевским и Нестеровским районами и попасть к нему удастся, естественно, через соседние с ним районы. Мы же отправимся в гости к городу на Анграпе, следуя вдоль реки Преголя в сторону Черняховска и свернув на юг за посёлком Междуречье и Подгорное.

Любопытно, что первые немецкие переселенцы – колонисты во времена Ордена, вначале заселили земли Надровии с запада в верхней долине Прегеля, и некоторое время оставался только маленький кусочек от её древней территории нетронутым новыми пришельцами.

Посёлок Новостроево, бывший Тремпен

В своё время в Тремпене были развиты скотоводство и земледелие, находился молокозавод, функционировали три банка, работала школа, детский сад, мельница, действовала железная дорога (вокзал), располагался торговый павильон, аптека, магазин, портной, парикмахерская, гинекологический кабинет, почта, полицейский, дорожный рабочий, ветеринар, стрелковый тир,

трансформаторная станция, сберегательная касса, малярная мастерская, пожарная часть, отель и даже тюрьма. Имеющегося списка достаточно, чтобы представить масштабы и кипучую жизнь, казалось бы, небольшого посёлка, ведь сейчас из всего этого списка нет и пятой части. К тому же конце 1930-х годов в Тремпене располагалась заправочная станция, а у жителей во владении было 35 автомобилей (действовал таксопарк).

Когда-то в Тремпене жила Анна Портациус – легендарная героиня песни "Анке из Тарау".

В 1946 году этот посёлок переименовали в Новостроево и началась его новая жизнь – создали колхоз имени Сталина (в 1946 году), после его переименовали в имени Энгельса... В 1946 году была образована начальная школа, с 1954 года по 1963 год – она была семилетней, с 1963 года и по настоящее время – средняя.

Но вернёмся к первому письменному упоминанию о Тремпене, которое восходит к 1510 году. Связано оно было со спором с Инстербургом (город Черняховск) о правах бортничества...

Хотя есть другая, точная дата — 3 апреля 1510 года Тремпен наряду с другими посёлками упоминается в документах семьи фон Шлибен при разделах своих владений.

В 1576 году появляется первая подробная карта Пруссии пастора и картографа Каспара Хененбергера (1529-1600гг.), где однозначно подтверждается нахождение посёлка. Тремпен основан на месте прусского городища и является одним из старейших сёл в юго-восточной части Калининградской области.

Название посёлка прусско-литовского происхождения и в переводе означает как «застывший в тумане».

Исследователи прусской мифологии название "Тремпей" связывают с именем бога Патримпаса – божества хлебов и военной удачи. Примерно в 12-ти километрах к юго-востоку от Новостроево в Озёрске находится "холм Патримпаса".

Найти его нелегко, так как сегодняшние жители не знают холма под таким названием, да и сам холм выглядит невыразительно и стал песчаным карьером...

С литовской же письменностью Тремпей впервые связал Йонас Партициус (1610-1646), священник и лингвист, сочинитель псалмов на литовском языке, первый муж Анны Неандер – Анке фон Тарау.

Имеются данные, что на холме, где была построена кирха, производились раскопки захоронений надравов, где были обнаружены урны с бронзовыми украшениями, а также латунная корона покойника. Однако, немецкие источники говорят нам, что во время Семилетней войны (1756-1763гг.) территория была занята русскими солдатами и после их ухода коллекция пропала...

Точной даты основания кирхи нет, пасторские записи отсылают нас к «около 1550 г.». Что она из себя представляла в этот период доподлинно не известно. Возможно в более ранний период стояла деревянная капелла, куда для богослужения приезжали духовные лица из Норденбурга (посёлок Крылово Правдинского городского округа). Затем появилась небольшая фахверковая кирха по воспоминаниям старожилов, записанных пастором Остермайером.

Готфрид Остермайер родился в Мариенбурге 24 апреля 1715 года. Он был немцем, но когда в 1737-1740 годах учился в Кёнигсберге, то посещал семинар литовского языка. Некоторое время работал частным учителем в Литве (на тот момент в составе Речи Посполитой).

В 1744 году Г.Остермайер приехал в Тремкай (Тремпей, ныне Новостроево), где прожил почти 56 лет.

Здесь в 1747 году Остермайер женился на Анне Регине Калау фом Хоф, дочери немецкого пастора, знающей литовский язык, и создал чисто литовскую семью, члены трёх поколений которой работали в области литовской литературы.

В Тремкае Г. Остермайер несколько лет учительствовал, затем в 1752 году стал лютеранским пастором.

Его могилу (он скончался 13 марта 1800 года) следовало бы искать на церковном дворе. Но найти даже сам двор сейчас нелегко, так как остатки фундамента бывшей церкви находятся глубоко под землёй. А где находилась церковь, местные жители старшего возраста, может быть, могут показать.

Вся культурная деятельность Г. Остермайера была, в сущности, отпором германизации. Хотя все свои работы он писал по-немецки.

Г. Остермайер опубликовал несколько статей по истории древних пруссов и этим дал понять, что нация литовцев – старожил этого края – имеет право на существование.

В 1780 году Г. Остермайер подготовил новую литовскую псалтырь, в которую входило 508 псалмов. Во вступительном слове составитель писал, что больше всего его волновали чистота языка и стихосложения. Эта псалтырь стала причиной языковой полемики.

Результатом этой полемики стала "Новая литовская грамматика" (1791), написанная Г. Остермайером, в которой был раздел о стихосложении. Это была первая литовская поэтика.

Языковая полемика поощрила Г. Остермайера написать и "Первую историю литовских песенников" (1793). Это, по сути, была первая история литовской литературы, потому что в ней, начиная с Мажвидаса (пастор Рагнита, ныне город Неман), даются краткие биографические данные о 48-ми переводчиках, создателях и издателях литовских псалмов.

Посёлок Тремпай известен не только благодаря Готфриду Остермайеру.

Евангелическая приходская кирха была освящена 1 ноября 1695 года — это уже внушительное оштукатуренное каменное здание 28 метров в длину и 12 метров в ширину позднесредневекового стиля с декоративной башней и за свою историю неоднократно перестраивавшееся. Располагалась она на морённом (ледниковое отложение) холме — её мы и видим на дошедших до наших дней открытках и фотографиях.

Первым известным проповедником из всех 23-х был Иоганн Тортилович, ставший священником прихода в 1582 году.

Службы проходили как на немецком, так и литовском языках. Помимо немцев и литовцев, небольшую часть жителей этих мест составляли поляки и уцелевшее прусское население.

Заметной фигурой был священник Иоганн Портациус (1610-1646гг.), который занимал должность в Тремпене с 1630 (по другим данным с 1636 года) по 1641 годы и трудился как лингвист. Он отыскал и подтвердил родство греческого и литовского языка в 400 корнях слов. Наибольшую известность ему принесла женитьба в 1636 году на Анне Неандер (1619-1689гг.), дочери священника из Тарау (посёлок Владимирово в Багратионовском районе). Воспетая поэтом и профессором Кёнигсбергского университета Симоном Дахом (1605-1659гг.) в его знаменитом стихотворении «Анхен из Тарау», ставшее почти через 100 лет после его смерти народной песней в немецкоговорящих странах. Не только песня получила широкую известность, но также и липа перед домом пастора в Тремпене.

В начале XVIII столетия чума не обошла и северо-восток Пруссии, по разным оценкам она унесла не менее 4/5 сельского населения. Многие деревни вымерли полностью. В епархии Тремпена из 533 дворов вымерло 332. Король Фридрих Вильгельм I принял акт о поощрении переселения в опустошённые земли, об этом небольшой рассказ впереди. Большой приток населения приходился с литовских земель, а также с центральных немецких областей гонимые протестанты — зальцбуржцы и некоторое число швейцарцев. За счёт большого притока литовского населения в официальном языке появился термин «Прусская Литва». Ярким примером является пастор Кристионас Донелайтис (1714-1780гг.), который фактически основал литовскую литературу.

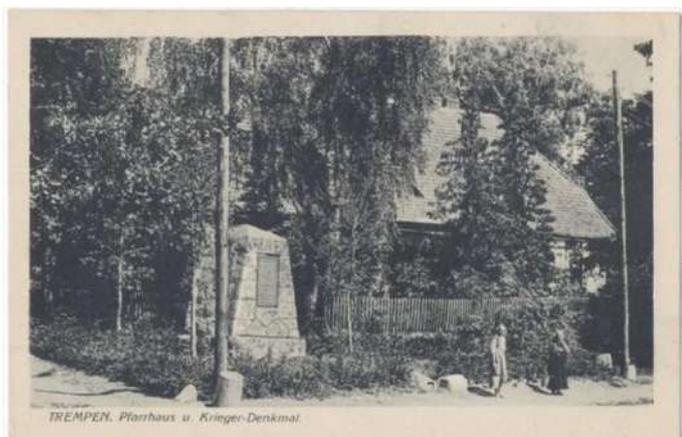
Возможно после издания в 1717 году «Школьного эдикта» Фридриха Вильгельма I в Треммене появляется народная школа. Благодаря этому и другим эдиктам образование стало обязательным. С 1723 года и до своей кончины в 1744 году здесь работал учителем Йокубас Бродовскис (родился в 1692 году), известный собиратель литовского фольклора и составитель словаря.

В период с 1831 по 1880 год пастором был Иоганн Леманн, который написал хронику епархии Тремпен. Рукопись до наших дней не дошла, хотя у отдельных авторов встречаются цитаты из неё. Не только хроника, но и местонахождение церковных книг (регистры крещения и смертей) не известно. Возможно всё уже уничтожено, но верится, что они находятся в надёжном месте и ждут своего исследователя.

Число жителей деревни вместе с дворянским имением Тремпен в 1818 году составляло 162 человека, в 1912 году 491 человек (к Церковному приходу в этом году относилось 4000 душ, 8 школ и 11 учителей) и в 1925 году уже 638 человек. Возможно быстрому росту населения и развитию данной территории способствовала проложенная узкоколейная железная дорога из Инстербурга. В начале

XX века в Тремпенской школе было 4 класса (большая часть народных школ были одна-двух классными) с годовым бюджетом в 18.000 марок. Школа располагала служебным жильём для учителей и была обеспечена служебной землёй.

В период Первой Мировой войны (1914-1918 гг.) в районе Треммена шли активные боевые действия. Примерно в 20-е годы XX столетия недалеко от кирхи прихожане соорудили монумент из камней в форме пирамиды в память о погибших. Имеются данные, что где-то в Треммене были похоронены три русских солдата, местонахождение могил(ы) не известно.

Монумент в конце 1990-х годов был восстановлен по инициативе уроженца Тремпена Куртом Вендландом и бывшими жителями.

Во время Второй Мировой войны посёлок пострадал не сильно, многие здания остались невредимыми. В 1947 году кирха была разграблена. В 1960-е годы от неё остались уже руины, в 1970-е годы на её месте организован парк. В настоящее время, по инициативе бывшей жительницы посёлка Бригитты Адам, был восстановлен дом пастора и передан Новостроевской средней школе (сейчас там располагаются школьная библиотека и тренажёрный зал), на месте кирхи организовано разворотное кольцо школьных автобусов.

В последние годы количество населения в посёлке уменьшается, тому причиной социально-экономическая ситуация (на 2002 год — 691 человек, 2010 год — 613 человек, на сегодня ждём результатов Всероссийской переписи населения 2020 года, по предварительным данным население России увеличилось на 1,4%, значит, есть основания считать, что 8-9 человек прибавилось в посёлке).

Говорят, когда едешь по трассе в осеннее и весеннее время года, то на подъезде к посёлку попадаешь в плотную пелену тумана, который охраняет покой и богатую историю этих мест...

По материалам статей Юргиса Малинаускаса «Пастор Остермайер и Тремкай» и на дзен-канале «Тридевятое царство».

1914 год стал началом Первой мировой войны.

17 августа 1914 года наступлением 1-й русской армии под командованием генерала от кавалерии П.К. Ренненкампа (1854-1918) началась Восточно-Прусская операция русских войск.

Восточно-пруссский фронт Первой мировой войны (краткий очерк)

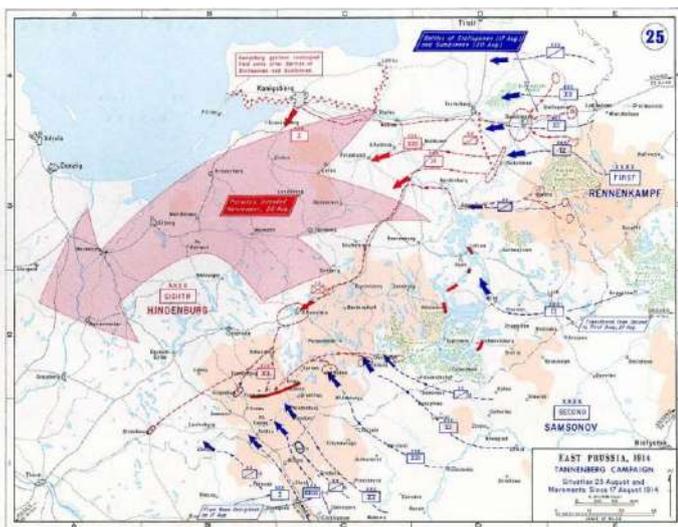
Два наступления и три поражения — вот сколь плачевен для русских войск итог сражений на полях Восточной Пруссии в 1914-15 гг. Все три армии, в разное время воевавшие здесь, были вынуждены покинуть провинцию, понеся тяжелейшие потери...

С началом войны русские предполагали начать вторжение в Восточную Пруссию силами двух армий. Первой следовало наступать из-за р. Неман, второй — из-за р. Нарев (река в Польше).

Действуя в обход Мазурских озер с обеих сторон, в результате они должны были взять противника в гигантские «клещи» и уничтожить.

В директиве главнокомандующего Северо-Западным фронтом Я.Г. Жилинского от 13 августа (31 июля) 1-й армии предписывалось наступать на фронт Ангербург — Инстербург (т.е. в обход Мазурских озер с севера, современные города Вангежово — Черняховск), а 2-й армии — на фронт Руджаны — Пассенгейм (поселения в районе современных польских городов Гижицко и Ольштын), далее на Зеебург, Растенбург (совр. польские города Езёраны и Кентшин).

Целью было разбить противника, «отрезать от Кёнигсберга и захватить его пути отступления к Висле». Причем 1-й армии предписывалось перейти границу 17 августа и оттянуть на себя вражеские войска, охватив как можно глубже их левый фланг и отрезав противника от Кёнигсберга, а 2-й армии — 18-19-го августа, с целью удара по неприятельским тылам. Отметим, что не все дивизии успели сосредоточиться к сроку, поэтому оставшиеся (в основном второочередные)

прибывали на фронт постепенно уже во время операции. Главным недостатком директивы стало направление удара 2-й армии, который приводил не к окружению противника, а к его вытеснению из провинции.

Ошибочным было и предположение, будто противник располагает «несомненно, за линией озер». Этот грубейший просчет вызывал и до сих пор вызывает гневные отклики многих военных историков, ибо, оставаясь «за линией озер», даже на укрепленных позициях, немцы рисковали оказаться в стратегическом «мешке».

Реально же германцы же предполагали держать активную оборону силами 8-й армии (командующий — генерал М. фон Притвиц, начальник штаба — генерал граф Вальдерзее) и постараться поодиночке разбить вражеские армии. Восточная Пруссия специально для этих целей имела достаточно развитую сеть железных дорог, что позволяло маневрировать силами. В случае опасности окружения разрешалось даже отойти за р. Вислу, чтобы сохранить войска, ибо основной удар в это время Германия наносила по Франции, планируя «к осеннему листопаду» заставить её капитулировать.

Обе русские армии были разъединены между собой Мазурскими озерами, а потому успех напрямую зависел от оперативности наступающих войск и слаженности действий.

Недаром были назначены и командующие: 1-ю (т.н. Неманскую) армию возглавил генерал-адъютант П.К. фон Ренненкампф, 2-ю — генерал А.В. Самсонов.

Звание генерал-адъютанта является свитским званием, т.е. давалось тем, кто входил в Свиту Его императорского величества. Это звание, считавшееся почетным (ибо обладатель таким образом становился один из приближенных его величества), могли получить военные чины II и III классов по Табели о рангах (т.е. давалось генералам по родам войск или генерал-лейтенантам) за особые заслуги. Всего к началу Первой мировой войны в Свите состоял 51 генерал-адъютант. П.К. фон Ренненкампф стал им в 1912 г., будучи уже в звании генерала от кавалерии.

Павел Карлович фон Ренненкампф прославился как лихой кавалерийский начальник в Китайскую кампанию 1900 г. и русско-японскую войну 1904-1905 гг., за которую был награжден орденом Св. Станислава 1-й ст. и Золотым оружием. В 1905-06 гг. командовал 7-м, а затем 3-м Сибирскими корпусами. Во главе карательной экспедиции в начале 1906 г. участвовал в подавлении революционных выступлений в районе Читы и Иркутска, за что снискал награды, благодарность императора (а заодно и ненависть либералов). В конце 1906 г. назначен командиром 3-го армейского корпуса, а в 1913 г. стал командующим войсками Виленского военного округа.

Командующий Забайкальской кав. див. ген.-лейт. П. К. фон-Ренненкампф со своим штабом.

«Это назначение многими, — писал генерал В.И. Гурко, — критиковалось по причине не лучшего с точки зрения нравственности реноме генерала, но одновременного и приветствовалось как назначение человека, способного в случае войны достойно послужить родине... всякий, кому приходилось с ним общаться, неизбежно проникался убеждением, что все его симпатии отданы России, в особенности —

ее армии, в которой он прослужил сорок лет и приобрел репутацию блестящего военачальника». Образ генерала, который существовал в высшем обществе, хорошо рисует эпизод из дневников Н.Н. Врангеля (брата «черного барона»), где он пересказывал слух про полковника Веденяпина: *«Несколько дней он не спал и не ел, обремененный невероятной, невыносимой работой... В последнюю минуту им был получен приказ от Командующего армией взорвать какой-то мост после перехода через него немцев. Полумертвый от усталости, он не вполне точно понял смысл приказа и взорвал мост до перехода его неприятелем. Генерал Ренненкампф призвал полковника Веденяпина приказал ему застрелиться, что полковник и исполнил».*

Александр Васильевич Самсонов был не менее известной личностью. Славу он снискал в годы русско-японской войны, о чем свидетельствуют не только награды, но и громадная популярность в войсках, превратившая его в героя.

*«Генерал Самсонов с нами,
Дай Бог здравие ему!
Он орел перед полками,
Рады мы всегда ему», —*

пели солдаты в одной из сибирских казачьих дивизий.

После окончания боевых действий А.В. Самсонов стал начальником штаба Варшавского военного округа (так что театр предстоящих в 1914 г. военных действий знал), в 1907 г. его назначили наказным атаманом Донского казачьего войска, а в 1909 г. — Туркестанским генерал-губернатором, командующим войсками Туркестанского Военного округа и войсковым наказным атаманом Семиреченского казачьего войска. Правда, генерал был болен астмой и перед началом

Первой мировой находился на лечении на курорте.

Стоит несколько слов сказать и о **Якове Григорьевиче Жилинском**. Он в японскую кампанию состоял в должности начальника Полевого штаба Наместника на Дальнем Востоке, потом находился в распоряжении у военного министра. Уже в мирное время командовал кавалерийской дивизией и армейским корпусом, затем три года (до того, как в марте 1914 г. стал командующим войсками Варшавского военного округа и Варшавским генерал-губернатором) возглавлял Генеральный штаб, хотя, по сути, был больше дипломатом, нежели полководцем.

Как видно, командующими армиями были выбраны самые известные на то время генералы, в чьей компетентности мало кто сомневался. Поэтому упреки, будто во главе русских войск в Восточной Пруссии стояли случайные люди, без опыта командования войсками, являются домыслом и не соответствуют действительности.

Да и кто на начало войны имел должный опыт командования армиями в боевой обстановке? Возьмем того же генерала А.А. Брусилова. 23 года он проработал в офицерской кавалерийской школе (четыре года будучи ее начальником), затем в 1906 г. получил в командование 2-ю гвардейскую кавалерийскую дивизию, потом — 14-й корпус. В 1912 году

стал помощником командующего войсками Варшавского военного округа, а с 1913 г. — командиром 12-го корпуса. Говорить, что у этого генерала был опыт командования армией, язык не повернется, однако проявить себя талантливым полководцем он смог с первых же дней войны.

Кстати, у немцев «опыта» вождения войск в боевой обстановке было еще меньше, чем у русских, которые за плечами имели русско-японскую войну. Даже по послужному списку многие германские генералы отставали.

Максимилиан фон Притвиц с 1906 по 1913 г. был командиром 16-го корпуса, а накануне войны оказался на «великой должности» генерал-инспектора 1-й армейской инспекции. Э. Людендорф карьеру сделал в германском штабе, где, кстати, участвовал в разработке плана Шлиффена, а также прикладывал все усилия, чтобы подготовить армию к войне. А «спаситель» П. фон Гинденбург на фронт попал, находясь уже в отставке. В свою бытность он также не поднялся выше командира корпуса.

На начало операции в совокупности армии Северо-западного фронта (а располагал он примерно 296 батальонами (около 19 дивизий), 196 эскадронами (около 9,5 кавалерийских дивизий) и 1 140 орудиями) – если из состава полевых войск выделить ту часть, которая «была оставлена для несения различных видов караульной службы, фактическая численность армий Северо-западного фронта в общей сложности не превышала 254 батальона, 178 эскадронов, 1 140 орудий...» – превосходили немцев.

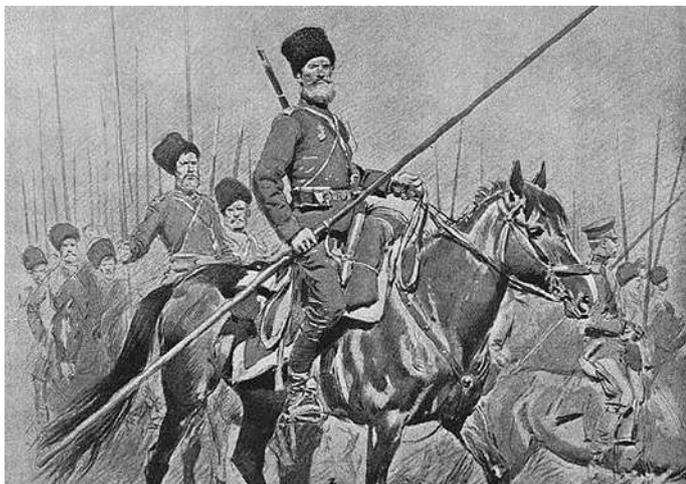
Зато противник (имея примерно 192 батальона и 95 эскадронов при 1 131 орудии), искусно маневрируя, старался добиться превосходства на необходимых участках фронта, не только по численности, но и по огневой мощи. Однако нельзя забывать, что немцы активно

использовали соединения ландвера (категория военнообязанных граждан 2-й очереди), уступавшие по силе и выучке войскам первой линии.

Интересно, что русское командование оценивало силы противника в три – четыре корпуса, несколько резервных дивизий и ландштурменных бригад, что несколько приуменьшало, но, в общем, соответствовало реальной обстановке (1-й, 17-й, 20-й армейские и 1-й резервные корпуса, 3-я и 35-я резервные, 1-я ландверная дивизии, 2-я, 9-я, 6-я, 70-я и 5-я ландверные бригады, 1-я кавалерийская дивизия и некоторые другие крепостные соединения).

Первые пограничные столкновения произошли вскоре после официального объявления войны в августе 1914 года. К примеру, 3 августа русская конница вошла в Эйткунен (пос. Чернышевское). Впоследствии в этом районе кипели бои. 9 августа 2-я гвардейская кавалерийская дивизия генерала Г.О. Рауха взяла Ширвиндт (пос. Кутузово). А 14 августа 1-я кавалерийская дивизия В.И. Гурко совершила набег на г. Маркграбова. В

пограничный период войны, к сожалению, не удалось ни помешать противнику провести мобилизацию, ни раздобыть точных сведений о нём, однако набег генерала Гурко смог на некоторое время ввести в заблуждение командование 8-й армией по поводу основного удара 1-й русской армии.

Интересно и то, что 12 августа (30 июля) недалеко от границы с Восточной Пруссией казак Кузьма Фирсович Крючков совершил знаменитый подвиг, за который стал первым георгиевским кавалером в начавшейся войне. Вместе со своими товарищами (В.А. Астаховым, И.Н. Щегольковым и П.П. Иванковым) он вступил в бой с немецким разъездом, численностью в 27 человек, из которых собственноручно убил 11 солдат, получив

16 ранений.

В один день простой казак превратился в национального героя. Имя К.Ф. Крюčkова гремело по всей России, о нем писали в книгах, выходили брошюры и плакаты, статьи и заметки, ему посвящались стихи. Ф.И. Шестаков писал:

*«Донской казак Крючков удалый!
Едва над Русскою землей
Раздался гром войны кровавой,*

*Как ты достойно новой славой
Успел прославить Дон родной».*

Генераль-майоръ П. К. РЕННЕНКАМПФЪ во время сраженія. №14

Полномасштабное вторжение в Восточную Пруссию началось 17 августа, когда 1-я армия (6,5 пехотных, сосредоточенные от левого фланга к правому 4-й, 3-й и 20-й армейские корпуса, кроме того, одна кавалерийская дивизия располагалась на левом фланге, а все остальные — на правом, и 5,5 кавалерийских дивизий при 402 орудиях) генерала П.К. фон Ренненкампа, дислоцировавшаяся на территории нынешней Литвы, перешла границу.

Русские войска не окончили мобилизацию и не были полностью готовы к наступлению: ведь еще не наладили ни связь, ни тылы. Однако решение о начале операции приняли не только из-за желания захватить инициативу, надежды на скорую победу, но и под давлением Франции, чьи армии отступали под мощнейшим напором германцев, стремительно двигавшихся к Парижу.

Но не стоит рассматривать развернувшиеся события в Восточной Пруссии как некий безвольный придаток к боям во Франции, когда русское командование лишь из-за требований союзников бросает более двух десятков дивизий на верную гибель. Как покажут события, у 1-й и 2-й армий были все возможности разгромить противника. В случае успеха снималась опасность с севера для русских войск, сражавшихся в Польше, а также открывалась дорога на Берлин. Не сложно понять и позицию союзников, против которых развернулась вся ударная мощь кайзеровских армий.

А разгром Франции для России имел бы непоправимые последствия. Более того, многие забывают, что в это время на западе немцы только начинали охватывать левый фланг французов, которые, кстати, недооценивали развернувшуюся там вражескую группировку и сами вели активные действия в Эльзасе и Лотарингии. Положение еще не стало критичным, и наши союзники пока питали надежду на благополучный исход. А потому заявления некоторых историков, будто русские армии начали наступление ввиду критической обстановки на западе (или тем более сказки о «слезных стояниях на коленях» союзных послов), являются, по крайней мере, неточными.

Несмотря на то, что операция действительно зависела от оперативности и слаженности действий обеих армий, вероятность её успеха была относительно высокой, особенно если бы русское командование более внимательно отнеслось к подготовке наступления (а также к его проведению). То с какой легкостью, вернее – беспечностью, оно отнеслось к боям в Восточной Пруссии, подтверждает то, что уже 26 августа (когда П.К. фон Ренненкампфу только отдадут приказ об обложении Кёнигсберга, а 2-я армия вступает в роковую Танненбергскую битву) генерал-квартирмейстер при ставке генерал Данилов в «Записке для памяти» рассматривает очищение от противника Восточной Пруссии лишь делом времени. А в это же время начинается конфликт между МВД, Ставкой и главнокомандованием Северо-Западным фронтом (разумеется, в лице Я.Г. Жилинского) по поводу будущего генерал-губернатора провинции.

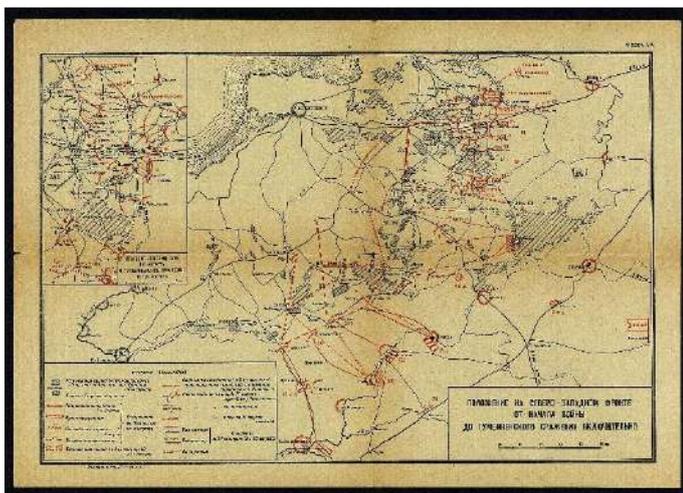

Русская армия в Восточной Пруссии. 1914 г.

Судя по тому, как готовилась в августе 1914 г. Восточно-Прусская операция, трудно сказать, что командование действительно опасалось поражения. Иначе бы оно не стало выдергивать уже с начала мобилизации части из 1-й и 2-й армий. Иначе бы оно не стало оставлять в крепостях, в т. ч. и в Варшаве, крупные силы. Иначе бы оно не стало начинать наступление, полностью не

подготовив войска. Иначе бы оно не стало параллельно формировать 10-ю армию для прямого удара на Берлин. И наконец, иначе бы оно не было так уверено, что после первого же поражения немцы захотят оставить всю Восточную Пруссию. Здесь, скорее всего, мы имеем дело с излишней самоуверенностью, граничившей чуть ли не с безрассудством, и легкомыслием одновременно, со стремлением осуществить грандиозные планы, даже с тщеславным и горячившем кровь желанием окутать себя славой спасителей Парижа и еще раз получить ключи от Берлина, что, безусловно, переплеталось и с чувством долга перед союзниками. Не стоит благородством прикрывать глупость и ошибки. А миф о «самоотверженности русских войск, приносящих себя в жертву во имя спасения Франции», скорее всего, был придуман постфактум для оправдания в глазах общественности гибели русских армий (а из газетных статей это быстро перекачивало в исследования как эмигрантских, так и в советских историков).

Итак, в середине августа 1914 года 8-я немецкая армия сосредотачивалась в районе р. Ангерапп, надеясь, как можно дальше заманить врага (в данном случае войска П.К. фон Ренненкампфа), затем, действуя в обход правого фланга, разгромить его прежде, чем другая русская армия (генерала А.В. Самсонова) успеет зайти в тыл. Препятствовать последней, прикрывая южные границы провинции, должен был усиленный 20-й корпус генерала Ф. фон Шольца.

Операция, кончившаяся для наступающих разгромом, «не заладилась» с первых же дней. Части 1-й армии перешли границу неравномерно. В результате центральный 3-й армейский корпус (25-я и 27-я пехотные дивизии) генерала Н.А. Епанчина выдвинулся вперед и **в районе Шталлупенена (город Нестеров) был** неожиданно атакован 1-м германским корпусом генерала Г. фон Франсуа. На приказ отступить, последовавший от командующего армией, он заносчиво

ответил: «Передайте генералу фон Притвицу, что генерал фон Франсуа прекратит бой, когда разобьет русских». Эта невероятная самоуверенность, основанная на неверном предположении, будто удар придется по правому флангу вражеской армии, чуть не обернулась трагедией, ведь растрачивать силы в мелких боях накануне общего сражения не просто бессмысленно, но и опасно.

Особо упорные бои завязались на фронте 27-й дивизии, которая поначалу стала теснить врага. Неожиданно во второй половине дня немцы ударили во фланг и тыл левофланговому 105-му Оренбургскому полку, шедшему без должной разведки и первоначально перепутавшему врага с частями соседней 40-й дивизии, которая на самом деле оторвалась в сторону и действовала без

связи с соседом справа. Германцы разгромили оренбуржцев, тем самым расстроив все наступление: бегущие солдаты внесли панику в некоторые другие полки. Командиру 27-й дивизии генералу А.М. Адариди пришлось собирать войска у границы.

Одновременно немцы пытались охватить и правый фланг 25-й дивизии (наступала справа от 27-й), но встретили жесткий отпор. А на помощь тут же подоспела соседняя русская 29-я дивизия, которая потеснила противника, и сама нависла над его флангом, а у Бильдервейчен (поселение близ пос. Чернышевское) взяла первые трофеи: 7 орудий, 12 зарядных ящиков и 2 пулемета. Их потеря объясняется преждевременным отходом немецкой пехоты (редкий случай проявления немецкой нерасторопности), а не геройскими действиями русских войск. Кроме того, удалось захватить и немецких пленных, в основном раненых, и интендантские запасы.

В это время М. фон Притвиц ещё раз отдал приказ отступить, и Г. фон Франсуа начал отходить на Гумбиннен. Промедли, он мог бы быть окружен сводным кавалерийским корпусом Хана Нахичеванского (более 3-х кавалерийских дивизий). Правда, находясь на правом фланге, генерал Нахичеванский 17 августа вообще ничего не знал о происходящем бое и в этот день ограничился лишь тем, что выбил из Пиллькаллена (пос. Добровольск Краснознаменского района) немецкую кавалерийскую дивизию. Но непосредственно над левым флангом корпуса Г. фон Франсуа уже висела 29-я дивизия. Как бы там ни было, немцам удалось благополучно отойти, во многом благодаря медлительности и нерешительности русских.

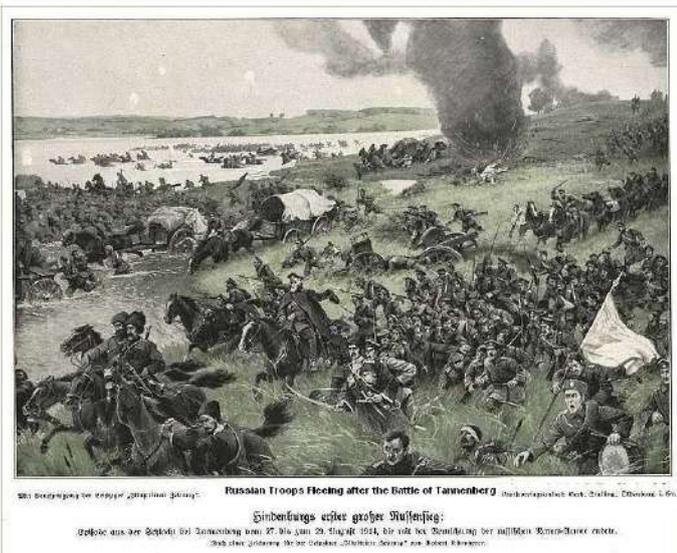

В чем же итог описанного боя, пусть и небольшого, но первого крупного столкновения с противником? Общие потери 27-й дивизии составили 63 офицера и 6 664 солдата; 1-я армия приостановила наступление до середины следующего дня, а германцы, что самое важное, окончательно установили истинное направление движения врага (в штабе 8-й армии первоначально предполагали, что

П.К. фон Ренненкампф направит удар несколько южнее). Вместе с тем остановка русских была не в интересах немцев, которые предполагали заманить противника как можно глубже и затем нанести ему сокрушительное поражение, прежде чем сами не получат удар с юга по тылам. Однако как ни странно, Шталлупененский бой, который велся русскими дивизиями без координации (т.е. без участия) со стороны командующего армией, де-факто стал успехом немцев. Если бы не трагедия со 105-м полком и более уверенные действия 29-й дивизии, корпус Г. фон Франсуа был бы разгромлен (а так потери составили свыше 1200 человек), а последующие успехи противника оказались бы попросту невозможны.

Возобновив наступление, 1-я русская армия начала продвигаться вперед, выйдя к исходу 19 августа к Гольдапу и Гумбиннену. П.К. фон Ренненкампф хотел на следующий день назначить дневку, но у М. фон Притвица на 20 августа были другие планы: опасаясь скорейшего вторжения 2-й русской армии, он решил разбить русских.

Первые столкновения на отдельных участках фронта начались еще накануне, однако само сражение, вошедшее в историю под названием Гумбинненского (или Гумбиннен-Гольдапского), развернулось 20 августа.

Непосредственно на поле боя (если учесть, что часть сил 1-й армии вообще не приняла в нем участие) немцы имели превосходство как по живой силе, так и по числу орудий.

1-му корпусу генерала Г. фон Франсуа удалось нанести поражение

правофланговой 28-й дивизии генерала Н.А. Лашкевича (из состава 20-го корпуса генерала В.В. Смирнова), которая была вынуждена отступить, понеся немалые потери.

Довольно неясная ситуация сложилась 20 августа 1914 года на левом фланге 1-й армии Ренненкампа, где располагались части 4-го армейского корпуса: в ходе тяжелых боев под конец дня ни одна сторона так и не смогла взять верх, хотя германцы все же немного потеснили левый фланг, что дало бы им преимущество на следующий день.

Но наиболее упорные бои шли в центре, где с самого утра 3-й русский корпус генерала Н.А. Епанчина выдерживал атаки войск 17-го немецкого корпуса генерала А. Макензена.

Многочисленные атаки в первой половине дня были отбиты, а во второй уже сами русские перешли в контрнаступление. Не выдержав натиска, противник покинул поле боя, прикрывая отход огнем артиллерии. 27-я русская дивизия в ходе недолгого преследования взяла 12 орудий, 25 зарядных ящика, 3 исправных и 10 разбитых пулеметов, 2 000 винтовок и около 1 000 пленных.

Под вечер М. фон Притвиц, получив сообщение о тяжелом положении на фронте и о том, что 2-я русская армия генерала А.В. Самсонова уже пересекла границу, неожиданно запаниковал и приказал отступать. П.К. фон Ренненкампа не преследовал. Первые распоряжения гнать неприятеля он сразу же отменил, ведь войска устали, тоже понесли потери (в 28-й дивизии они составили до 60% личного состава, считая, что в бою могло участвовать только 12 батальонов), тылы были не налажены.

Известно, что от победы до поражения — один шаг, а в успехе преследования никто из русских генералов не мог быть уверен. Сомнительно, чтобы какие-либо части, кроме дивизий Нахичеванского, Гурко и Епанчина (27-я пехотная дивизия), могли бы физически вести преследование. А если учесть огромный расход артиллерии, то становится ясно: было бы самоубийством кидаться вслед противнику. Генерал П.К. фон Ренненкампф, видимо, прекрасно понимал это, в отличие от его последующих критиков.

М. фон Притвиц, находясь под впечатлением от успехов противника, поначалу решил оставить всю Восточную Пруссию, чтобы только сохранить войска. В противовес квартирмейстер армии Грюнерт и начальник оперативного управления М. Гофман доказывали, что положение на поле боя благоприятное, и если продолжить сражение на следующий день, то противника удастся разбить. Но М. фон Притвиц настоял на отходе.

Если бы германцы решились 21 августа атаковать, то оказались бы полностью разгромлены. Ведь русская кавалерия 20 августа отдыхала в тылу и на следующий день могла бы изменить ситуацию, оказавшись на поле боя.

Вскоре командующий 8-й армией успокоился, увидел, что нет необходимости оставлять Восточную Пруссию, и уже собрался атаковать русскую наревскую армию, соглашаясь с подобным предложением М. Гофмана. Но было поздно... Верховному командованию паника на востоке оказалась не нужна. М. фон Притвиц и граф Вальдерзее неожиданно для себя лишились своих постов. Они даже узнали об этом позже, нежели подчиненные им генералы.

Новым германским командующим (официальное назначение пришло во второй половине дня 22 августа) стал генерал П. фон Гинденбург, вызванный из отставки, а должность начальника штаба занял один из талантливейших немецких генералов Э. Людендорф, уже успевший отличиться взятием сильнейшей бельгийской крепости Льеж. Начальник генштаба Г. фон Мольтке (фактический главнокомандующий, номинальным же считался кайзер Вильгельм II) в письме Э. Людендорфу говорил: «Может быть, вы ещё спасёте положение на Востоке». В сложившемся дуэте, как в августе 1914 г., так и в дальнейшем, первенствовал все же генерал Э. Людендорф: именно он внес большой вклад в предстоящие победы.

Новоиспеченные командующие прибыли на театр военных действий днем 23 августа и сразу начали осуществлять переброску всей 8-й армии против войск генерала А.В. Самсонова, оставив перед П.К. фон Ренненкампом небольшой заслон.

После того, как немцы отступили из-под Гумбиннена, 1-я армия два дня простояла на занятых позициях, налаживая управление и работу тылов, но дав противнику возможность успешно отойти, ошибочно предполагая, будто он отходит на рубежи р. Инстер. В приказе по армии от 22 августа говорилось: «7 августа неприятель отбит на всем фронте, отошел на несколько верст назад и укрепляется».

Хотя, если быть предельно точным, небольшие бои шли на фронте 4-го корпуса, который в результате утром 22 августа взял г. Даркемен (город Озёрск). Кстати, в этот же день из состава 2-й армии П.К. фон Ренненкампу отдали правофланговый 2-й армейский корпус генерала С.М. Шейдемана. А 23 августа в наступление двинулась вся 1-я армия, однако она потеряла соприкосновение с

противником, а восстановить его не удалось.

Её внимание было больше приковано к крепости Кёнигсберг. На следующий день русские заняли Инстербург, вечером 25-го — Велау, к исходу 27 августа вплотную подошли к р. Дейма (хотя 2-я гвардейская кавалерийская дивизия вышла в этот район раньше).

Левифланговый 2-й корпус, который командующий 1-й армией стал притягивать к основным войскам, сначала был в районе Летцена (город Гижицко) и Ангесбурга (город Венгожево), а 27 августа авангардами занял Растенбург (город Кетцин) и Луизенгоф. Рядом действовала 1-я кавалерийская дивизия В.И. Гурко, части которой тогда же (27 августа) столкнулись с противником у ст. Коршен, а один из разведывательных эскадронов вошел в Рессель.

П.К. фон Ренненкампу действовал приказу Я.Г. Жилинского от 26 августа, который предписывал: «1) обложение Кенигсберг частью сил, примерно, двумя корпусами, впредь до замены их резервными дивизиями; 2) преследование остальными силами армии той части войск противника, которая, не укryвшись в Кенигсберг, стала бы отступать к Висле».

Как видно, русское командование не знало о переброске противником основных сил против А.В. Самсонова. В 1-й армии разведка, несмотря на большие массы конницы, была организована довольно слабо. В штабе получали отрывочные сведения об отходе немцев на Растенбург и Кёнигсберг, но, как 26 августа (когда начались первые атаки против войск А.В. Самсонова) П.К. фон Ренненкампф сообщал Я.Г. Жилинскому: «донесений о том, куда отошли разбитые части 1-го и 17-го корпусов, еще не поступало».

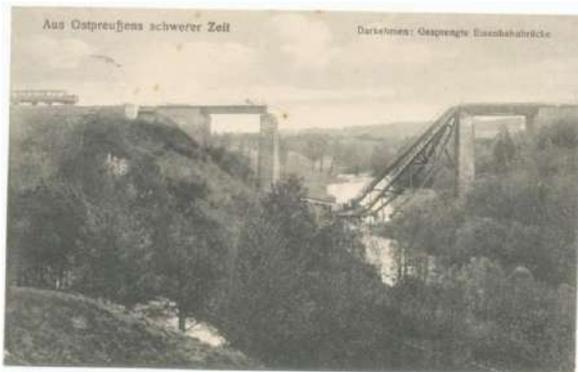
Впрочем, немцы действительно отступали в указанных направлениях, только русское командование неправильно интерпретировало поступающие сведения. Упившись первыми успехами, оно до конца не осознало, что действия противника не бегство, а выполнение четкого плана, когда вся 8-я армия должна появиться на фронте 2-й русской армии, которая в эти дни развивала наступление с

целью охватить противника.

В распоряжении у А.В. Самсонова находилось больше войск, чем у П.К. фон Ренненкампфа (считая с левого фланга на правый, силы располагались следующим образом: 15-я и 6-я кавалерийские дивизии, 1-й, 23-й, 15-й, 13-й и 6-й армейские корпуса, 4-я кавалерийская дивизия), но они тоже не были полностью готовы к наступлению. Особенный раздрай был в тылах, поэтому нет ничего удивительно, что порою войскам приходилось голодать, а вернее питаться «местными средствами». Кроме того, 1-й армейский корпус хоть и подчинялся генералу А.В. Самсонову, но в состав армии не входил и должен был находиться в районе Сольдау, обеспечивая левых фланг армии. Из состава 23-го корпуса к началу операции на фронте оказалась одна дивизия. Другая, 3-я гвардейская, прибыла только через неделю, хотя успела принять участие в Танненбергском сражении.

23 августа командующий 2-й армией представил в штаб фронта соображения о том, чтобы перенести удар западнее, на железнодорожную ветвь Аллейштайн — Остероде. Это помогло бы глубже охватить противника, а само решение отвечало складывающейся обстановке. Да и войска могли базироваться на железной дороге от Млавы, что помогло бы лучше устроить тыл. Однако это предложение было отклонено.

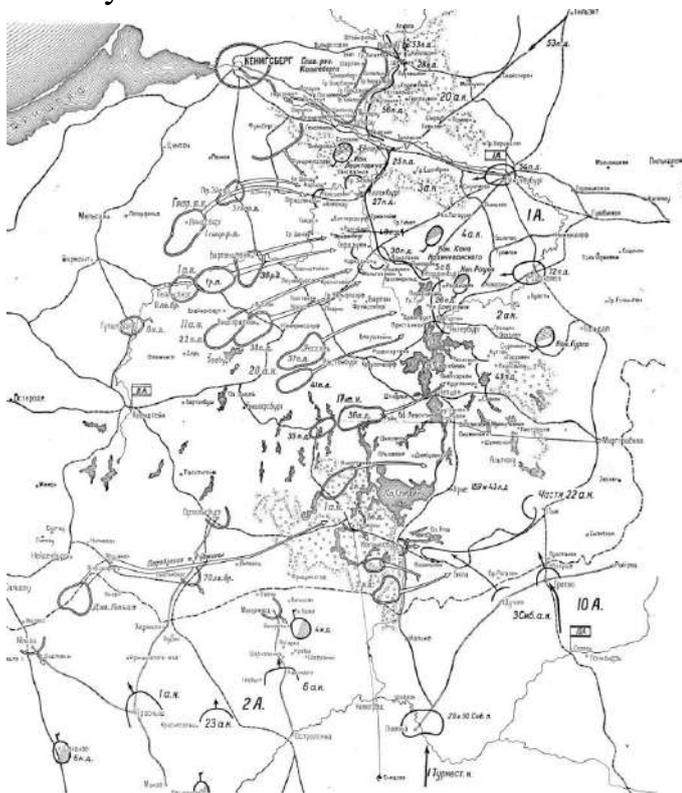

Хотя тогда же 23 августа в 4 часа 20 минут дня А.В. Самсонов получил от Я.Г. Жилинского известие, что «германские войска после тяжелых боев, окончившихся победой над ними армией ген. Ренненкампа, поспешно отступают, взрывая за собой мосты».

В связи с этим было приказано наступать на фронт Зенсбург — Алленштайн. Подобный компромисс вряд ли полностью отвечал обстановке.

Позиция главнокомандующего фронтом вполне понятна. Он опасался отрыва друг от друга 1-й и 2-й армий и хотел, чтобы внутренние фланги как можно скорее сомкнулись.

Однако взаимодействие можно было обеспечить за счет не только 2-й армии, но и 1-й. В то время, когда Я.Г. Жилинский разрешил 2-й армии все-таки перенести удар западнее (25 августа), он приковал внимание войск П.К. фон Ренненкампа к крепости Кёнигсберг (26 августа). К тому же распоряжения Я.Г. Жилинского вели лишь к вытеснению немцев из Восточной Пруссии, а также ставили центральные корпуса А.В. Самсонова в крайне опасное положение в случае удара по левому флангу армии и прорыва в тыл. Вообще, крепости как магниты притягивали внимание русского командования, играя с ним злую шутку, заставляя на них обращать излишне большое внимание.

Двигаясь практически вслепую, А.В. Самсонов не знал, что враг уже сосредоточил перед ним основные силы. Во многом основываясь на неточных сведениях штаба фронта об обстановке и слепо подгоняемое им вперед, командование армии до конца не понимало ситуацию, сложившуюся 26 августа 1914 года. Командующий, правда, исходя из по большей части ошибочных сведений, справедливо опасался за левый фланг. Он менее оптимистично оценивал обстановку и в итоге принял решение – усилить левый фланг примерно 1,5 дивизиями (что явно не хватало бы на задержку противника), продолжив общее наступление: останавливаться ему строжайше запретили, а из всех вариантов, выбранный казался оптимальным (учитывая приказы сверху).

Говоря о причинах поражения 2-й армии, отметим, что сыграла роль и нераспорядительность ближнего начальства: приказы о дальнейшем движении присылались довольно поздно, если не утром следующего дня, в результате полки не только задерживались в выступлении, но и не всегда успевали выбрать удачную дорогу. Более того, ненадежность русского радио (многие

сообщения передавались прямым текстом) помогла немцам правильно ориентироваться в сложившейся обстановке: германцам удалось перехватить русские телеграммы, откуда они узнали о планах и расположениях противника.

И это не единственный случай на протяжении всей войны.

Так что Танненбергское сражение противник начинал, имея достаточно точные сведения о намерениях противника. Военному везению П. фон Гинденбурга и Э. Людендорфа в этой операции мог бы позавидовать сам Наполеон!

Отметим, что в это время в Кобленце, где находилась немецкая Ставка, достаточно серьезно оценивали события в Восточной Пруссии. Ведь судьба Европы (если не всего мира), как полагали германцы, сейчас решалась на западе, в боях против Франции, Бельгии и Англии. А захват Восточной Пруссии с дальнейшим ударом на Берлин мог спутать все карты.

В связи с этим Г. фон Мольтке 26 августа отдал приказ перебросить на восток Гвардейский резервный и 11-й корпуса, высвободившиеся после падения одной из сильнейших бельгийских крепостей Намюр. Также на восток стала перекидываться и 8-я кавалерийская дивизия.

26 августа немцы силами двух корпусов и одной ландверной бригады атаковали 6-й корпус, находящийся в районе севернее Бишофсбурга. В итоге русская 4-я пехотная дивизия потерпела поражение, и остальные войска стали отступать.

27 августа 1914 года решающие сражения развернулись на левом фланге армии в районе г. Уздау, позиции у которого занимал 1-й корпус генерала Л.К. Артамонова. Против него наступал усиленный 1-й немецкий корпус. Первые бои завязались накануне, но только назавтра они продолжились с новой силой. Германцам вскоре удалось занять Уздау, но одновременно противник смял их правый фланг.

Казалось: достигнут большой успех. Однако случилось непредвиденное: русские начали отступать.

Историки спорят о причинах отхода. Одни утверждают, что Л.К. Артамонов, командир корпуса, просто струсил. Другие доказывают, что здесь поработали немецкие радисты, которые послали ложный приказ об отходе. Во что, кстати, существует немало оснований верить (ибо не понятно, чего было бояться Л.К. Артамонову), т.к. ранее немцы уже передавали подобные «приказы», пытаясь расстроить наступление 2-й армии.

В итоге части 1-го корпуса перемешались, некоторые из них оказались к концу 27 августа не только у Зольдау (хотя отдельные полки здесь все же смогли занять оборону), но даже южнее. Однако еще в середине дня Л.К. Артамонов доносил, что «стоит как скала».

Хотя вполне возможно, это отражает полное непонимание обстановки на фронте своего корпуса. Когда вечером А.В. Самсонов узнал об отступлении корпуса, он отстранил от должности командира, назначив взамен генерала А.А. Душкевича. Впрочем, немцы, сами понесшие потери и достаточно расстроенные, не сразу поверили в такой успех, думая, будто русские имеют хорошо подготовленные к обороне позиции, а потому не решались кидаться в преследование.

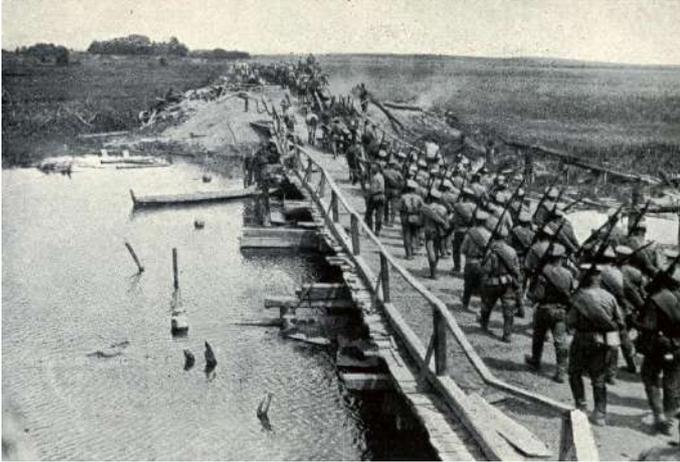
В результате к концу второго дня сражения и левый фланг 2-й армии откатился назад. С отступлением войск, подчиненных генералу Л.К. Артамонову, вырвавшиеся вперед центральные корпуса (чьи командиры не были в курсе развернувшихся событий) оказались в особенно тяжелом положении. Вообще, армия распалась на три группировки, ведущих несвязанные бои по широкому выпуклому фронту (с флангами около границы, а центром — в глубине Восточной Пруссии).

28 августа А.В. Самсонов, осознавая, что положение тяжелое, однако слабо понимая обстановку, совершил грубейшую ошибку: он решил организовать наступление центральными корпусами (из-за неверного представления о расположении противника, генерал думал, что удар будто бы придется во фланг) и для этого поехал в штаб 15-го корпуса, сняв телеграфный аппарат. В итоге армия лишилась управления в целом и связи с фронтовым командованием.

Сопоставив свою «картину мира» и факты, командование, видимо, увидело резкий контраст, что позволило быстро уяснить, в какое тяжелое положение оно загнало войска А.В. Самсонова. В итоге, Я.Г. Жилинский выслал распоряжение П.К. фон Ренненкампу спешить на помощь соседу, а затем (как только выяснилось положение на флангах 2-й армии) приказал командующему 2-й армии отходить к границе. Но до него эта телеграмма так и не дошла.

П.К. фон Ренненкампу стал разворачивать корпуса и направил конницу Нахичеванского и Гурко в тылы противника, а днем 29 августа выявил готовность лично организовать наступление во фланг и тыл неприятеля. Для этого под свою ответственность командующий 1-й армией хотел нарушить приказ верховного главнокомандующего о выдвигании в район Граево 2-го корпуса,

желая использовать его в общем ударе. Правда, вскоре последовал приказ оставаться на месте, т.к. в штабе фронта думали, будто войска А.В. Самсонова отошли к границе. Реальную обстановку уяснили только к ночи на 30 августа, но было поздно. Кавалерия же совершила набег, но особой помощи гибнущим оказать не смогла, хотя вызвала у немцев немало беспокойства и паники.

Тем не менее, для А.В. Самсонова утром 28 августа было не все потеряно. Германцы еще полностью не разгромили фланги, а центральные дивизии пока не только держались, но и на отдельных участках успешно отражали натиск. Например, утром у Ваплица удалось нанести поражение 41-й немецкой дивизии.

Можно было еще отвести центральные корпуса, попутно оказав вспомогательные удары со стороны фланговых частей. К тому же дня через два П.К. фон Ренненкампу непосредственным образом оказал бы поддержку. К сожалению, время было упущено. Отсутствие твердого командования, точных сведений о противнике, хорошо налаженной связи и ошибки сыграли свое дело. Но, говоря о недостатках, ни в коем случае нельзя забывать о довольно сильном и удачливом противнике.

Теперь легко осуждать действия русских генералов, но, как писал Э. Людендорф, *«непосвященный человек слишком легко начинает представлять себе, что на войне все идет так, как будто решается арифметическая задача с определенными данными. Но война представляет все что угодно, только не математическую задачу... Люди, которые критикуют полководца, но сами не участвовали в войне на руководящем посту, должны сначала изучить военную историю. Я могу только пожелать, чтобы им когда-нибудь пришлось самостоятельно провести хоть один бой. Они испугались бы невыясненности обстановки и огромных требований, которые ставит эта ответственная задача».*

Но все же: генералы на то и стоят во главе армий, чтобы суметь во всем разобраться и привести войска к победе.

Немцам это удалось, а А.В. Самсонову, к сожалению, — нет.

Owen: General Samsonow kommandierte die russische Narew-Armee, die in die Falle von Tannenberg ging.

Когда он прибыл в расположение 15-го корпуса, его ждало разочарование: солдаты сражались из последних сил. Несмотря на то, что 28 августа частям 13-го корпуса удалось нанести поражение одной ландверной дивизии под Гогенштейном, общее положение не улучшилось. Русские тоже несли потери, с трудом отбивая наседающего противника. В результате генерал А.В. Самсонов, видя, что ни о каком решительном наступлении ни во фланг, ни в лоб, ни куда-либо еще речи идти не может, вечером того же дня приказал отступить. Но тогда же 1-й немецкий корпус взял Нейденбург, оказавшись в тылу центра 2-й армии (5 пехотных дивизий).

Правда, полного окружения пока еще не было. Находившиеся на левом фланге немецкой армии корпуса из-за разногласия командиров и споров, кто здесь главный, больше протоптались на месте, и поэтому выход на юго-восток от Гогенштейна не закрыли. Да и в центре особый успех германцам не сопутствовал. А с получением известий о движении П.К. фон Ренненкампа штаб 8-й армии, итак опасавшийся удара по тылам, решил направить для прикрытия операции два левофланговых корпуса к Алленштайну. Затем, более четко разобравшись в обстановке, решили, что хватит и одного (ведь противник еще не окружен).

Но из-за отсутствия связи приказ до него не дошел и поэтому 29 августа он продолжил действовать согласно прежнему распоряжению. В итоге пять дивизий 2-й армии попали «в котел». Осуществить же отход и пробиться к границе им не удалось. Русские арьергарды, на некоторых участках оказывавшие достаточно упорное сопротивление, в итоге оказались

разгромлены. Колонны отступающих были атакованы, окончательно рассеяны, пленены или уничтожены. А.В. Самсонов долго плутал, потом, впав в отчаяние, в ночь на 30 августа застрелился.

Попытки со стороны других частей оказать помощь не увенчались успехом.

В конце августа 1914 года начальник штаба 1-й армии генерал Г.Г. Милеант и генерал-квартирмейстер генерал К.К. Байов высказались за отход на линию Инстербурга, что дало бы армии больше маневренности и устойчивости. С этим согласился и начальник штаба фронта В.А. Орановский. Однако П.К. фон Ренненкампф решил остаться на занимаемых позициях, в чем был поддержан

Я.Г. Жилинским. Главной аргументацией стало то, что отход мог негативно сказаться на боевом духе войск. Дальнейшие события покажут, что начальники штабов оказались правы, однако в сложившейся ситуации логика П.К. фон Ренненкампфа имела рациональное зерно. Следует учесть, что одновременно в районе Сувалок и Бялы собирались войска 10-й армии, которая в случае опасности, как думал П.К. фон Ренненкампф и заверял Я.Г. Жилинский, могла оказать помощь его левому флангу. А примерно 14 сентября планировалось начать новое наступление. Но противник не медлил: он сам сосредотачивался против 1-й армии.

Немцы предполагали охватить обходной группой левый фланг фон Ренненкампфа, быстрым наступлением отрезать ему отход и, прижав к болотистой местности нижнего течения Немана, уничтожить. Германцам удалось добиться не только численного перевеса на направлении главного удара, но и подавляющего огневого превосходства почти что по всему фронту (1 086 орудий у немцев против 724 — у русских).

Уже 7 сентября части обходной группы вступили в соприкосновение с левофланговой 43-й пехотной дивизией, рядом с которой сражались части второочередной 76-й дивизии (302-й полк с 76-й артбригадой). 3-я же резервная дивизия уже достигла района Бялы, оттеснив части 22-го корпуса (вернее, его 1-й финляндской дивизии). Первоначально

наличие у немцев тяжелой артиллерии против правого фланга (в районе р. Дейма), а также перехваченная ложная телеграмма заставили П.К. фон Ренненкампа думать, что там сосредоточены основные вражеские силы. Да и сама Ставка рекомендовала обратить внимание на район Тильзит — Мемель, боясь оттуда сюрпризов. Только на следующий день выяснилось «сильное наступление» против левого флага.

«Приказал 72-й дивизии рассветом 27-го августа выступить Бенкгейм ваше расположение. Приказываю крайне упорно держаться», – писал командующий 1-й армией 8 сентября (26 августа) командиру 2-го корпуса генералу В.А. Слюсаренко, чьи войска доблестно сдерживали противника. Также П.К. фон Ренненкампа направил 54-ю дивизию в район Даркемена при этом, ожидая, что соседняя 10-я армия окажет содействие. Но ее войска (22-й корпус и разрозненные части 3-го Сибирского) сами были сильно расстроены и не могли наступать. Когда 9 сентября это окончательно выяснилось, П.К. фон Ренненкампа отреагировал быстро: приказал перебросить с правого фланга на левый 20-й корпус (три дивизии) и стал стягивать туда же конницу, чем смог спасти войска от готовящегося «Танненберга». Попытки же со стороны спешно приведенной в порядок 2-й армии оказать поддержку также не имели успеха. Однако и сами немцы действовали не без ошибок и недостаточно решительно, боясь напороться на крупные русские силы, призрак которых витал перед командованием 8-й армии, что не позволило им достичь большего.

После ряда ожесточенных сражений корпуса П.К. фон Ренненкампа к 13 сентября отошли из Восточной Пруссии. К 19 сентября 1-я русская армия оказалась на р. Неман. 2-я и 10-я армии (последней командовал генерал В.Е. Флуг) в эти дни заняли оборону по рр. Нарев и Бобр соответственно. Немцы продвинулись на территорию Российской Империи, взяв Августов и Сувалки. Общие потери 1-й

армии по некоторым оценкам составили около 150 орудий и 80 000 человек.

Хотя в эту цифру входят и многие легкораненные, вскоре вернувшиеся в строй. Достаточно сомнительно, чтобы 1-я армия понесла почти такие же потери, что и разгромленные войска А.В. Самсонова.

Несмотря на то, что русские потерпели поражение, предпринятое наступление оттянуло часть немецких сил с западного фронта на восточный, тем самым ослабив напор на Францию и внеся свою немаловажную лепту в победу англо-французов в битве на Марне (5–12 сентября 1914 г.), в результате которой немецкие войска, двигавшиеся на Париж, были остановлены.

Немецкий план молниеносной войны провалился. Заслугу русского наступления в том, что оно оттянуло на себя часть вражеских сил, впоследствии отмечали многие западные военачальники, участники марнских боев, и историки. Хотя, конечно же, общие причины поражения немцев были намного глубже, нежели просто недостаток на западе двух корпусов и одной кавалерийской дивизии, перекинутых на восточный фронт. И заявления, будто судьба Парижа решалась на полях Восточной Пруссии, выглядят несколько странно.

За провал операции в Восточной Пруссии Я.Г. Жилинский был заменен генералом Н.В. Рузским, который успел отличиться в происходившей параллельно Галицийской битве, где удачно командовал 3-й армией. А за П.К. фон Ренненкампом никакой вины не нашли, и он сохранил должность.

После изгнания русских немцы перебросили основные силы в Польшу на помощь разбитым австрийцам, оставив на восточно-пруссском фронте лишь небольшие части под командованием генерала Р. фон Шуберта (до 100 000 человек). Перед его армией стояла задача прикрывать границы провинции и вести демонстративные действия, что, кстати, удалось сделать с успехом.

25 сентября 1914 года противник начал демонстративные бои у Сопецкина, на следующий день атаковал Друскеники (территория Российской Империи). Русские силами 1-й и 10-й армий перешли в наступление и в начале октября оказались близ границ Восточной Пруссии. «Вода в Немане покраснела от вражеской крови», «немецкая битва окончилась полной победой наших доблестных войск и разгромом армии генерала Гинденбурга»,

«кровавопролитная битва на берегах Немана относится к самым крупным в эпоху настоящей войны», — писалось тогда об этих боях.

Последующие исследователи оказались более скептически. «Стратегическим недоразумением» окрестили Первую августовскую операцию уже в 1919 г. Может, это сказано несколько громко, но действительно, эти демонстративные действия немецкой армии на небольшое время смогли ввести русское командование в заблуждение, по крайней мере, Н.В. Рузского. Или, можно предположить, он пытался действовать лишь в узких интересах своего фронта.

Говоря о боях именно в Восточной Пруссии в период Первой мировой войны, хотелось бы отметить, что в ноябре 1914 года на некоторое время 1-я армия заняла Зольдау. Одновременно крупные сражения проходили в Польше на фронтах 5-й, 2-й и 1-й армий (т.н. Лодзинская операция). После успешных октябрьских боев под Варшавой русские войска, готовясь к общему наступлению в Германию,

потеряли наступательную инициативу, и немцы атаковали первыми (11 ноября), пытаясь окружить 2-ю армию. Однако обходная группа генерала Шеффера сама едва не попала в «котел» и с большими потерями смогла прорваться к своим.

Одной из причин выхода противника стала ошибка П.К. фон Ренненкампа, за что его отстранили от командования, а осенью 1915 г. вообще уволили со службы. В глазах многих он был немцем, а, значит, предателем (не забудем антинемецкую истерию, поднятую в прессе и в обществе с началом войны). Князь Гавриил Константинович писал: «Ренненкампа обвиняли в неудачах на фронте и в том, что он выпустил окруженную нами армию Гинденбурга. Конечно, мнения разделились, и одни были против него, а другие за. Так, генерал Ермолинский, находившийся в его штабе, стоял за него и утверждал, что Ренненкампа несправедливо осужден. Говорили, между прочим, что Ренненкампа – немец и что будто его родной брат командует немецкими войсками против нас. Все это были досужие выдумки».

Обратим внимание на явное преувеличение оценки положения на фронте. Обходная группа генерала Шеффера из трех пехотных и двух кавалерийских дивизии

была общей численностью примерно в 48 000 человек и названа армией.

Конечно, командующий 1-й армией, чье полководческое искусство, надобно признать, на полях Восточной Пруссии оказалось далеко не на высоте, не был гениальным военачальником, но и назвать его бездарностью язык не повернется. Кроме всего прочего, по свидетельству очевидцев, П.К. фон Ренненкампф не сумел наладить нормальную работу своего штаба. Офицер П.А. Аккерман, непосредственно служивший в штабе 1-й армии, оценивал ближайшее окружение не только как людей, далеких от военного искусства, но и как интриганов: «Атмосфера штаба сделалась, благодаря этому, просто невыносимой».

Возможно, генерал проявил бы себя лучше, командуя корпусом или дивизией. По крайней мере, полного разгрома П.К. фон Ренненкампфу так или иначе удалось избежать. Хотя, безусловно, на нем, как на командующем, лежит довольно тяжелый груз ответственности за поражение и тяжелые потери.

Вообще, русским катастрофически «не везло» в Восточной Пруссии. Катастрофой окончилось и Второе наступление. 7 февраля ударная группа К. Литцмана 8-й немецкой армии (командующий генерал О. Белов) обрушилась на левый фланг 10-й русской. На следующий день перешла в наступление и 10-я (новая) немецкая армия генерала Г. фон Эйхгорна в обход русского правого фланга. Трафаретный германский план

— удар по обоим флангам с целью окружения центра – разгадали слишком поздно.

Это оказалось роковым для центрального 20-го корпуса генерала П.И. Булгакова, который в результате задержки на позициях и ошибок в управлении попал в окружение и после ожесточенного сопротивления к 21 февраля почти полностью погиб в Августовских лесах. Прорваться удалось лишь некоторым соединениям, попытки выволить корпус из окружения со стороны подтянутых сюда свежих сил успеха не имели.

Среди причин поражения помимо достаточно плохого управления корпусом генералом П.И. Булгаковым, следует отметить слабое использование (а вернее — неумение использовать) авиации в 10-й армии, не сумевшей организовать воздушной разведки, а после прекращения связи с 20-м корпусом, не использовавшей находящиеся в ее расположении крепостные авиационные отряды для его поиска.

Впрочем, сама связь также была устроена достаточно плохо. Во время отступления П.И. Булгаков снял радиостанцию и отправил ее вперед вместе с обозами, «благодаря чему» штаб армии не мог связаться с ним. Как помним, сходная ошибка привела к поражению 2-й армии.

Немцы праздновали еще одну тактическую победу, но вместе с тем им не удалось уничтожить русскую армию и выйти на оперативный простор. В результате сравнительно большей устойчивости левофланговых частей, фактически не давших 8-й армии развить широкое наступление (как это удалось сделать войскам генерала Г. фон Эйхгорна), и героического (что признавали и сами

германцы) сопротивления окруженных в Августовских лесах русское командование успело подтянуть резервы и остановить противника.

Параллельно к середине февраля генерал фон Папприц (губернатор Кёнигсберга), располагая соединениями ландштурма и крепостной артиллерией, во время боев севернее Тильзита взял Тауроген, отгеснив врага за границу.

Последние сражения в Восточной Пруссии состоялись в марте 1915 г. Отряд генерала Потапова (4 000 ополченцев с батареей и 10 пулеметами) 17 марта неожиданно вторгся в Восточную Пруссию и взял Мемель. Это, по признанию М. Гофмана, застало немецкое командование врасплох. 20 марта бригада 68-й пехотной дивизии заняла Лаузарген.

Немцам срочно пришлось перебросить сюда силы. 21 марта был возвращен Мемель, а 29-го противнику удалось взять Тауроген. В итоге германцы полностью очистили свою территорию от противника.

А в этот район направилась 6-й кавалерийская дивизия, которая прикрывала провинцию от неприятельских «сюрпризов», действуя уже на российской земле.

К сожалению, перейти в «третье наступление» так и не удалось. В годы Первой мировой войны эта провинция осталась не расколотым «орешком». В мае 1915 г. противник прорвал русский фронт у м. Горлица. Так началось Великое отступление.

В результате к середине осени 1915 г. были потеряны Польша, Литва, юг Латвии, Западная Белоруссия и часть Галиции. О Восточной Пруссии пришлось надолго забыть. Несмотря на проявленные отвагу, мужество, доблесть, русские войска потерпели три сокрушительных поражения – под Танненбергом, на Мазурских озерах и в Августовских лесах. Не следует преувеличивать вражеские победы: ни одну из них по тем или иным причинам не удалось широко развить.

Но все же урон русским армиям был нанесен достаточно чувствительный: тяжелейший потери легли в первую очередь на кадровый состав, ибо в начале войны (которую предполагалось тогда вести всего несколько месяцев, а не лет) многих унтер-офицеров слали простыми солдатами, что приводило к их лишней гибели. И в дальнейшем на протяжении

1915-16 гг. в русской армии ощущался недостаток нижнего офицерского солдата.

События в Восточной Пруссии в годы Первой мировой войны выявили многие недостатки русской армии.

Во-первых, это достаточно слабое управление со стороны высшего командного состава, что проявилось уже в первом же бою под Шталлупененом. Не смог обеспечить оперативность наступления и координацию действий обеих армий в ходе Восточно-Прусской операции генерал Я.Г. Жилинский. Уже с самого начала оперативное планирование операции оказалось не на высоте, равно как не было четкого понимания возможностей и положения противника (в глаза бросается наивное предположение главнокомандующего Северо-Западным фронтом, будто враг будет прикован к укрепленному району Мазурских озер). Не составляет честь русскому командованию и постоянное противостояние Самсонова и Жилинского по поводу направления главного удара.

Во-вторых, необходимо отметить недостаток артиллерии. Огневое превосходство обеспечило немцам победы на полях Восточной Пруссии. В годы Первой мировой войны именно на артиллерийский огонь ложилась большая доля потерь. В общем, если на одну германскую пехотную дивизию приходилось примерно 14 батарей дивизионной и корпусной артиллерии, то на русскую – всего 7.

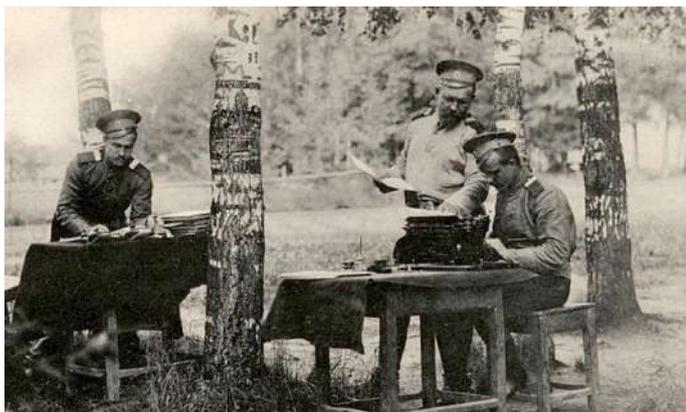

Несмотря на то, что на начало войны мы имели 8-ми орудийные батареи (немцы 6-ти орудийные) как показал опыт боев, наличие двух лишних орудий не увеличивало огневую силу батареи. Произошедший переход в течение войны на 6-ти орудийные батареи ни в коей мере не уменьшил огневую силу линейных дивизий.

Однако, в противовес перевесу в огневой силе, русские превосходили противника в численности. Если противник имел дивизии 12-ти батальонного состава, то русские — 16-ти. Но первые же бои в Восточной Пруссии показали, что лишнее загромождение первой линии людьми при достаточно слабой артиллерии ведет лишь к лишним потерям. Не оправдали себя и

крупные соединения конницы (группа Хана Нахичеванского), которые не придали войскам должной мобильности. Впрочем, противник сам часто наступал сомкнутым строем, становясь прекрасной мишенью для русской артиллерии.

В-третьих, русское командование (и не только на восточно-прусском фронте) было подведено ненадежностью радио, по которому оперативные приказы зачастую передавались открытым текстом, что позволяло противнику быть в курсе всех событий на чужой стороне.

Это облегчало работу немецким штабам.

В-четвертых, русские войска сами весьма слабо организовывали разведку и ни разу не были полностью в курсе всех событий. Уже сразу после Гумбинненского сражения противник оказался потерян, его появление против правого фланга 2-й армии стало неожиданностью.

Воздушная разведка смогла донести о передвижениях каких-то крупных сил, но все почему-то подумали, что это наши же войска. В сентябре штаб 1-й армии также не смог определить основное направление вражеского удара. Во второй половине сентября штаб Северо-Западного фронта тоже не сразу распознал, что немецкая активность в Августовских лесах носит лишь отвлекающий характер. А в феврале 1915 г. командование 10-й армии так и не смогло заблаговременно для себя обнаружить две крупные немецкие группировки на флангах. А слабость разведки означает слепоту командования относительно противника.

Особенно ярко это проявилось в августе 1914 г. От точности картины происходящего, сконструированной в голове военачальника, зависит качество принятия решений. Но не будем забывать и о великой роли предубеждений и общего настроения, которые заставляют трактовать происходящее и скудные сведения именно в этом, а не каком-либо другом ключе. Один раз сделанный неправильный вывод (неправильно нарисованная в голове «картина мира») при определенном складе человека и отсутствии достаточного количества информации может оказать решающее воздействие на все последующее оперативное творчество. Так, можно предположить: изначально оптимистично настроенное командование фронта восприняло победу под Гумбинненом как крупный успех, эта иллюзия обусловила как интерпретацию данных разведки, так и последующее принятие решений в отношении армии А.В. Самсонова.

О влиянии этого успеха свидетельствуют хотя бы мемуары Ю.Н. Данилова: *«Население оставляло свои насиженные места и... запрудило дороги вглубь страны. Получалось впечатление полной эвакуации немцами Восточной Пруссии.... Впечатление от победы генерала Ренненкампа и спешного отступления германцев было столь сильным, что одно время возникла даже мысль о переброске 1-й армии к Варшаве».*

Только события на флангах 27 августа стали «кризисным ударом» для понимания в штабе о фронте всего, что происходит: несовпадение реального и мыслимого «холодным душем» окатило Я.Г. Жилинского, в результате он начал принимать верные решения (но уже запоздало). Его картина мира сумела преодолеть пагубную зависимость от первоначальных предубеждений и трансформироваться, согласуясь с реальностью. С командующим 2-й армией получилось все сложнее. А.В. Самсонов, изначально глубже разбиравшийся в ситуации, не был подвержен царившему оптимизму. Таким образом, события 26-27 августа не сломали его понимание происходящего, а интегрировались в общую картину мира (ибо резко ей не противоречили), благодаря чему он и не смог (или не захотел) признавать реальную опасность, а потому решил 28 августа последний раз попытать удачу. Разбери он обстановку более критично и детально, отказавшись от всех прежних размышлений, возможно, А.В. Самсонов нашел бы множество других, более удачных вариантов действий.

В-пятых, уже зимою 1914/15 гг. русские стали страдать от недокомплекта частей и недостатка вооружений, а моральный дух в войсках начал постепенно падать, хотя оборона 20-го корпуса в Августовских лесах позволят сказать, что стойкости, героизма и выносливости отдельным частям было не занимать.

И наконец, следует особо отметить, что причина наших неудач кроется не только в недостатках армейской системы, но и в достаточно сильном и решительном противнике, который в итоге на своей стороне не только смог в нужный момент обеспечить огневое и численное превосходство на необходимых участках фронта, но и на стороне которого была военная удача (в ряде случаев явившейся обратной стороной русской медлительности, как под Шталлупененом, или русских просчетов, как под Гумбинненом).

Вместе с тем нельзя не отметить отвагу, силу и выучку русских солдат и офицеров, а также порою умелые действия дивизионных и корпусных командиров. Однако отдельные тактические успехи не имели должного развития.

Как видно поражения в Восточной Пруссии в годы Первой мировой войны 1914 – 1918 гг. не были абсолютной случайностью, а являлись прямым следствием пороков всей русской военной машины в целом. Однако следует признать, что в августе, несмотря на все недостатки, русские войска имели шансы захватить провинцию. И здесь сыграло множество субъективных факторов, лежащих в области интуиции и характера военачальников. В этот перечень следует внести:

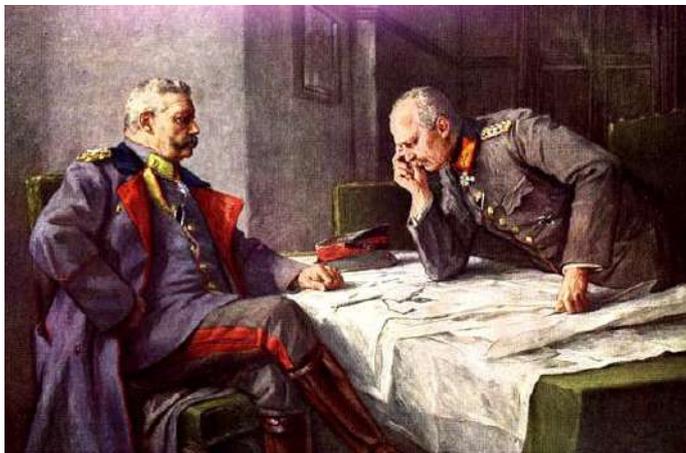

медлительность конницы и ряда дивизий в бою под Шталлупененом 17 августа, отвод конницы Нахичеванским после Каушенского боя 19 августа (ориентирование на сохранение собственных сил), нерешительность действий 6-го корпуса в боях 26-27 августа и запоздалое донесение в штаб армии, неверное понимание обстановки А.В. Самсоновым и решение предпринять атаку

центральными корпусами, а не фланговыми, и наконец, нежелание Жилинского и Ренненкампа отводить (вопреки советам начальников штабов) 1-ю армию на линию Инстербурга.

Существует и другой субъективный фактор: немецкое командование по уровню таланта и энергии превосходило русское. Действительно, почти никто из командующих армий, начальников их штабов, корпусных и дивизионных командиров не смог выдвинуться в эту войну и в будущем одержать какие-либо значимые победы.

Это контрастирует с немецкими командирами. Генералы П. фон Гинденбург и Э. Людендорф стали самыми известными полководцами в годы Первой мировой войны. Именно на них лежит большая доля всех успехов немецкие вооруженных сил. Карьера П. фон Гинденбурга, ставшего национальным героем, продолжилась и после войны, когда он смог занять пост президента

Веймарской республики и фактически привести к власти А. Гитлера.

По материалам статьи Константина Александровича Пахалюка, ведущего специалиста научного сектора Российского военно-исторического общества, «Восточно-пруссский фронт Первой мировой войны (краткий очерк)».

Утром 11 сентября 1914 года разгорелся бой на всей ширине фронта линии Ангерапп, занимаемого немецким XI-м армейским корпусом, прибывшим в Восточную Пруссию с западного фронта в начале сентября.

На перекрёстке дорог меж прилегающих стратегических возвышенностей находится посёлок Заозёрное, бывшая деревня Коваррен. Потому и был очень жарким и упорным бой 11 сентября 1914 года за эту деревню в ходе наступления немецкого корпуса под командованием генерала фон Штольца на позиции русской армии, обороняемые под командованием генерала Смирнова. Свидетельством чему остались многочисленные захоронения в близлежащих населённых пунктах – кладбищ с русскими и немецкими солдатами в окрестностях четыре. Самое массовое захоронение было на возвышенности непосредственно у деревни Коваррен.

Здесь лежат на одном воинском кладбище, примирённые смертью, 188 немецких и 204 русских воинов. Во время отступления русской 1-й армии из Восточной Пруссии у Коваррена оборонялись части русского 20-го армейского корпуса. Им противостояли части немецких 146-й, 147-й и 150-й пехотных полков 37-й пехотной дивизии XX-го армейского корпуса.

Широкая проторённая дорожка ведёт наверх, к каменной ограде и металлической калитке. Отсюда центральная каменистая, со ступеньками, дорожка ведёт к насыпанному холмику и большому камню, живописно расположившемуся на самом высоком месте в обнимку с наклонёнными к земле стволами липы. На отполированной поверхности камня высечена надпись: "Здесь покоятся немецкие воины, которые геройской смертью умерли за освобождение Родины в бою за Коваррен 11.9.1914". Не все их имена известны и нанесены на надгробные плиты. Большинство их легло в могилу безымянными, как и все русские воины.

По материалам статьи Члена Правления Калининградского клуба краеведов Бориса Николаевича Адамова «Памятники Первой Мировой войны».

В посёлке Заозерном около часовни Святого Георгия Победоносца, построенной в 2005 году на средства ЗАО им. Суворова в честь пограничников России, установлен памятный знак Аралову Семёну Ивановичу – участнику Первой мировой войны, дипломату, стоявшему у истоков создания спецслужб России.

Здесь же на валуне и надпись: "В память ратных заслуг, проявленных в боях 1914 года под Даркеменом, командира роты 215-го пехотного Сухаревского полка 54-й пехотной дивизии 1-ой армии Северо-Западного фронта прапорщика Семёна Ивановича Аралова – первого руководителя Регистрационного управления Полевого штаба Реввоенсовета Республики,

впоследствии ГРУ ГШ Вооруженных Сил СССР и Российской Федерации".

Боевой путь Семёна Ивановича как доблестного русского офицера дважды пролегал через Восточную Пруссию – в Первую мировую и Великую Отечественную.

Родился Семён Иванович Аралов 30 декабря 1880 года в городе Москве в "средней купеческой замоскворецкой семье". Учился в Московском коммерческом училище, перешёл в Московское частное реальное училище Карла Мазинга. В 1902–1903 годах – в первый раз на военной службе в Русской императорской армии. Уже в первые недели солдатской службы примкнул к революционному движению и, находясь под влиянием молодёжных социал-демократических лидеров, занимался в рабочих кружках, изучал, хранил и распространял нелегальную литературу.

Это во многом и определило дальнейшую судьбу: уволившись в 1903 году в запас, целиком отдался нелегальной партийной работе.

До лета 1914 года Семён Аралов зарабатывал на жизнь профессиональной педагогической деятельностью: наставник в стенах Рукавишниковского исправительного приюта для малолетних преступников, сотрудник банка, преподаватель Пречистенских вечерних курсов для рабочих, частный репетитор. В этот же период он и женился.

Первая мировая – особая строка в биографии офицера: воевал доблестно, не щадя живота своего, о чём убедительно свидетельствуют боевые награды. Одних только орденов заслужил пять штук, в том числе один из первых удостоился ордена Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом!

С июля 1914 года мобилизован как прапорщик сначала в 7-м гренадерском Самогитском генерал-адъютанта графа Тотлебена полку 2-й гренадерской дивизии Гренадерского корпуса, а через несколько дней в 215-м пехотном Сухаревском.

Боевое крещение принял в конце августа 1914 года под восточно-прусским городом Даркеменом (ныне – Озёрск) в качестве командира роты 215-го пехотного Сухаревского полка 54-й пехотной дивизии 1-й армии Северо-Западного фронта.

После разгрома русских войск в Восточной Пруссии становится прапорщиком в 114-м пехотном Новоторжском полку 1-й пехотной бригады 28-й пехотной дивизии 20-го армейского корпуса 1-й армии Северо-Западного фронта.

После разгрома русских войск в Восточной Пруссии, оказался в окружении, в качестве командира роты прапорщик Семён Аралов сумел выйти сам, вывел своё подразделение из окружения и благополучно перевёл его через линию фронта.

В своей биографии он писал о том времени так: *«На западном фронте был переброшен в 28-ю дивизию в Новоторжский полк в Восточной Пруссии,*

где сразу же принял участие в сражении. Во время войны пришлось участвовать более чем в 20 сражениях».

Первого боевого ордена из пяти удостоился в мае 1915 года, а последнего – в декабре 1916-го.

Ко второй половине февраля 1917 года уже адъютант старший штаба (говоря современным языком, – начальник штаба) 174-й пехотной дивизии 20-го армейского корпуса 3-й армии по занимаемой в армии должности и штабс-капитан (равно ныне капитану) по военному чину.

Революционные события 1917 года штабс-капитан Аралов встретил с воодушевлением. Революция закружила офицера. Он участвует в различных советах, заседает в разных ЦИК. Но самое главное, он разочаровывается в говорильне, многообразии партий и решает примкнуть к большевикам: *«вскоре, однако, разочаровался в бесплодной работе демократических совещаний, оставил их и вернулся вновь в полк»*. С этого момента Семёна Ивановича интересует только реальное дело. Осенью 1917-го он избран помощником командира 114-го пехотного Новоторжского полка.

Демобилизован из армии в январе 1918 года как старослужащий и как учитель по основной гражданской специальности откомандирован в распоряжение Московского уездного воинского начальника. В данный период имел планы вернуться к педагогической деятельности, но по прибытии в Москву как военспец с революционным прошлым был рекомендован своим бывшим соратником по подполью, а теперь уже комиссаром Московского военного округа Е.М. Ярославским (он же – М.И. Губельман) на пост начальника Фронтowego (оперативного) отдела Московского областного военного комиссариата с задачей осуществлять непосредственное руководство процессом формирования отрядов Красной Гвардии.

В апреле 1918 года становится начальником Оперативного отдела Народного Комиссариата по военным делам. Этот орган на тот момент объединял всю войсковую и агентурную разведку молодой Советской Республики. *«Я в то время заведовал оперативным отделом Наркомвоена. В сферу моей деятельности входили разведывательная работа, организация особых групп для переправки за рубеж, соби́рание сведений о состоянии враждебных нам сил, организация подрывных отрядов и прочее»*.

Уже с мая 1918 года Оперотд Наркомвоена непосредственно участвует в процессе планирования и проведения операций на фронтах начавшейся в стране Гражданской войны. С 8 октября 1918 года С.И. Аралов – член Революционного Военного Совета Республики (РВСР) – коллегиального органа высшей военной власти Советской Республики в годы Гражданской войны.

9 (по другим данным – 14) октября 1918 года по совместительству избран членом Военно-Революционного Трибунала при РВСР. А с 24 октября 1918 года вдобавок – военный комиссар Полевого штаба РВСР. С 30 ноября 1918 года – один из двух, наряду с главкомом И.И. Вацетисом, членов Бюро РВСР (председатель – Л.Д. Троцкий).

С 5 ноября 1918 года (также по совместительству) – начальник вновь образованного Регистрационного управления Полевого штаба Рабоче-крестьянской Красной Армии (РУПШКА, оно же Региструп) – разведывательного органа, образованного секретным приказом РВСР № 197/27 от 5 ноября 1918 года и ставшего с момента создания предшественником современного Главного разведывательного управления Генерального штаба Вооруженных Сил России.

"В муках и тяжёлых боях родилась эта армия, – вспоминал потом Семён Иванович. – С первых дней её существования я был свидетелем того, как она мужала, росла и закалялась, приумножая свои ратные дела".

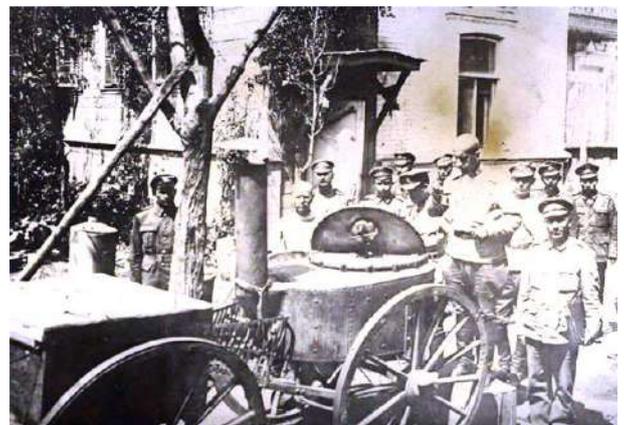
С этого момента Семён Иванович – непосредственный участник боев и сражений Гражданской войны на Украине.

В октябре 1920 года – председатель делегации Главного командования армиями РСФСР на переговорах в Бердичеве с поляками по вопросу установления демаркационной линии. Во многом благодаря дипломатическим способностям С.И. Аралова тогда удалось несколько отодвинуть на запад линию границы с Польшей и вынудить

белополяков без боя оставить часть сопредельной к Польше территории советской Украины.

С 1 декабря 1920 года – член Реввоенсовета Юго-Западного фронта. В данной должности, в частности, участвовал в работе комиссии по созданию Киевского военного округа. Однако уже со второй половины того же декабря – член Реввоенсовета и одновременно – помощник по политической части командующего войсками Киевского военного округа.

18 января 1921 года получил телеграмму об откомандировании в Москву в распоряжение Народного комиссариата по иностранным делам РСФСР. Однако, не желая уходить с военной службы, через М.В. Фрунзе, командующего войсками Украины и Крыма, добился отмены вызова.

И всё же Москва на своём настояла: с апреля 1921 года и вплоть до октября 1927 года – на дипломатической работе:

- в апреле-ноябре 1921 года – Полномочный представитель РСФСР в Литве;
- в декабре 1921-апреле 1923 годов – Полномочный представитель сначала РСФСР, а затем СССР в Турции. На данном посту – первый в статусе полпреда советский дипломат в этом государстве;
- в мае 1923-апреле 1925 годов – Полномочный представитель СССР в Латвии;
- в мае 1925 года был назначен членом коллегии Народного Комиссариата по иностранным делам СССР и одновременно — уполномоченным НКВД СССР при правительстве РСФСР. Находясь на этой должности, направил в Моссовет письмо, решившее судьбу церкви Введения во Храм Пресвятой Богородицы на Большой Лубянке;
- в декабре 1926 – октябре 1927 годов – Полномочный представитель СССР при правительстве Китая.

Монумент Республики на стамбульской площади Таксим в Турции. Правее расположенной в центре скульптуры Ататюрка стоят Климент Ворошилов и Семён Аралов

По личному распоряжению первого турецкого президента Мустафы Кемала (Ататюрка) в 1928 году на площади Таксим в Стамбуле увековечена признательность за политическую, военную и финансовую помощь, оказанную Советской Россией в деле обретения Турцией независимости в 1923 году. Скульптуру полномочного представителя РСФСР С. И. Аралова, расположенную позади скульптуры К. Е. Ворошилова, нередко ошибочно называют памятником Фрунзе.

В конце 1927 – 1938 годов – на ответственных хозяйственных постах: член президиума Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ), председатель акционерного общества "Экспортлес", а затем в Наркомфине – член коллегии сектора культуры и начальник Главного управления государственного страхования.

По неофициальным данным, во второй половине 1930-х годов арестовывался, в ходе допросов подвергался так называемым "мерам физического воздействия", но документальных подтверждений данному факту в открытой печати отыскать не удалось.

В 1938 – 1941 годах – заместитель директора Государственного Литературного музея В. Д. Бонч-Бруевича.

В июле 1941 года в качестве добровольца в возрасте 60 лет вступил в ряды 21-й Московской стрелковой дивизии народного ополчения, ставшей с 26 сентября 1941 года кадровым соединением Красной Армии – 173-й стрелковой дивизией (2-го формирования): сначала рядовой боец, а затем помощник начальника оперативного отделения штаба дивизии. В данном качестве участвовал в боях с немецко-фашистскими захватчиками с 30 июля 1941 года: в Смоленском сражении и в битве под Москвой в полосе боевых действий 33-й армии Резервного (1-го формирования) и Западного фронтов.

В боях под Наро-Фоминском в декабре 1941 года под непрерывными обстрелами и бомбардировками, практически с передовой Аралов сумел эвакуировать: 40 тракторов, около 100 тонн зерна, около 100 вагонов цветных металлов и оборудования, 130 вагонов трофейной техники, танков, боеприпасов, мотоциклов, велосипедов.

Но возраст дал о себе знать, поэтому с декабря 1941 года и до сентября 1945 года – начальник трофейного отдела управления тыла 33-й армии. Вскоре после перевода в штаб армии был произведён в полковники.

Как офицер Полевого управления 33-й армии 3-го Белорусского фронта в августе 1944 года на заключительном этапе Белорусской стратегической наступательной операции принимал участие в боях за Восточную Пруссию.

Победу встретил в центральной Германии.

С сентября 1945 года и на протяжении последующих нескольких месяцев – командир 23-й отдельной бригады по сбору трофейного имущества.

Демобилизован был либо в самом конце 1945 года, либо в начале 1946 года и с этого момента – полковник в отставке. В 1946-1957 годах – на партийной работе, но послужной список данного периода времени неизвестен.

С 1957 года – пенсионер, постоянно проживающий в Москве. Автор многочисленных мемуарных книг и рукописей, а также многочисленных публикаций в советской прессе.

Скончался Семён Иванович Аралов 22 мая 1969 года. Прах его покоится на Новодевичьем кладбище в родной для него Москве...

В память бессмертного подвига советских разведгрупп Генштаба РККА (Рабоче-Крестьянская Красная Армия) и НКГБ (Народный Комитет государственной Безопасности) СССР, совершённого в тылу немецко-фашистских войск в июле 1944-го – январе 1945-го годов в районе Норденбург (Крылово) – Даркемен (Озёрск) – Гольдап (Голдап): "Джек", "Восход", "Максим", "Олень", "Орион", "Штык" и других в посёлке Заозёрном в 2007 году установлен большой валун по инициативе КРОО "Союз работников правоохранительных органов" и ЗАО им. Суворова при поддержке Правительства Калининградской области.

В библиотеке храма в свободном пользовании для всех прихожан помимо Священного Писания и книг богословского содержания – объёмный справочный материал о всех тех воинских частях и соединениях пограничных и внутренних войск НКВД – МВД – МГБ СССР, которые своей боевой историей кровно связаны с современной калининградской землей. Кстати, небезынтересный факт: из четырёх пограничных военных частей, принявших в октябре 1945 года в бывшей Восточной Пруссии под свою надёжную охрану российско-польский участок государственной границы, одна, что называется, стопроцентно родом из внутренних войск – в январе 1942 года была сформирована на базе 88-го отдельного батальона войск НКВД СССР по охране железнодорожных сооружений, а ещё две, хотя изначально и были рождены как пограничные отряды, но в годы Великой Отечественной длительное время входили в состав не ГУПВ, а именно Главного управления войск НКВД СССР по охране тыла действующей армии.

Воины пограничных частей войск НКВД СССР по охране тыла действующей армии по своему статусу не являлись военнослужащими пограничных войск. Говоря по-другому, это были представители внутренних войск, но носившие в силу специфики своей особой службы пограничные петлицы и фуражки зелёного цвета. Кстати, именно с учётом этого малоизвестного исторического факта Храм в посёлке Заозёрье посвящён всем пограничникам России, а не только, если говорить более узко, исключительно воинам бывших пограничных войск или современной Пограничной службы. То есть это ёмкое понятие "Пограничники России" применительно к событиям Великой Отечественной войны максимально аккумулирует в себе благодарную людскую память о павших в битве с фашизмом солдатах, сержантах и офицерах всех существовавших на тот момент внутри союзного Наркомата внутренних дел.

По материалам статьи Юрия Ржевцева, полковника милиции, военного журналиста, историка спецслужб «Пограничная вахта Православного храма».

Первая мировая война безжалостным катком прокатилась по всей линии фронта Ангерапп, оставляя свои следы: разрушения, окопы, разбитые орудия, трупы и могилы. Не избежал этого и Кляйн-Байнунен.

От посёлка Заозёрное направимся в посёлок Ульяновское, бывший Байнунен некогда с прекрасным дворцом и парком имения.

Байнунен – посёлок Ульяновское

Начнём с воспоминания одного преподавателя из Кёнигсберга, сердце которого было приковано к Гомеру и не менее – к Шиллеру. Он был первым, которому в тихий час пришла в голову мысль о создании памятника Шиллеру в Кёнигсберге. И он дожил до того дня, когда на площади Парадеплац перед городским театром в Кёнигсберге торжественно

открыли памятник его любимому поэту. Создатель скульптуры был Станислаус Кауэр. А инициатор – интеллектуал Макс Хехт (Max Hacht). После Первой мировой войны памятник перенесли в район Хуфен и установили напротив Нового драматического театра, где он стоит и по сей день в Калининграде.

На уроках доктора Макса Хехта велись переводы с греческого на немецкий язык, которые обсуждались на основе искусных вопросов преподавателя и также адресованных к нему – не было большего счастья для него, чтобы не восторгаться своим предметом преподавания и любимейшей из тем его жизни...

Одно из странных мест на территории Калининградской области, получившее широкую известность не только в Восточной Пруссии, но и во всей Германии не имеет ничего общего ни с Гомером, ни с Шиллером – Байнунен, его название.

И каким бы ни был преподаватель Макс Хехт идеалистом, на его пути случилось, в своём роде, необычное явление – именно он стал тем подходящим человеком для работы в качестве хранителя в одной из нерядовых усадеб в Восточной Пруссии, того самого Байнунена Фрица фон Фаренхейда, чья могила уже покоилась в тишине его необычного классического парка. Благодаря

составленным рассказам и текстам поклонника Гомера и Шиллера, отправимся в экскурс по Байнунену, чтобы передать дух необычной усадьбы для Восточной Пруссии.

Основатель музея в поместье Байнунен был настолько захвачен миром Древней Греции – он полностью жил в ней и ничего не желал, кроме как жить в Элладе своей мечты, но не только в мечтах.

Сияние белоснежных стен, симметрия четких форм и линий, созданных по образцу древнегреческой архитектуры, скульптуры на ступенях и на вытянутых фронтонах – всё это кажется странно чуждым посреди восточно-прусского пейзажа. Байнунен – это как маленький южно-европейский остров на родине готических соборов и замков. Многие называли его «Флоренцией Восточной Пруссии», имея в виду пристанище искусства, которое создал после 1850 года

богатый землевладелец Фриц фон Фаренхайд из своей антикварной коллекцией в самом центре провинции. Каждое лето в Байнунен приезжали многие сотни посетителей – любители искусства, друзья классиков и студенты, ученики начальной школы со своими учителями, ученики средней школы со своими советниками, чтобы увидеть необычайно богатые античные сокровища, которые хранил этот храм Муз.

Но лишь немногие смогли увидеть эту «окаменевшую мечту» с высоты птичьего полета, откуда на фотографии идеально просматривается общее впечатление имения.

«Красота и изящество, – говорил Фриц фон Фаренхайд, – самые любезные дисциплины». Он действовал соответствующим образом: привозил одну за другой вещи, в основном из Италии и Греции, одержимый коллекционированием

и идеей служения гуманному, прекрасному и доброму. У него были редкие картины и скульптуры из классической древности, из Эллады, из эпохи Возрождения, воспроизведенные руками специалистов, но он также привез домой множество драгоценных оригиналов из своих обширных путешествий по Югу.

В середине XIX века гипсовые отливки с известных греческих и римских скульптур не были массовым товаром, который можно было увидеть в каждом музее, и они ценились не меньше оригиналов. Идея собирания слепков с античных статуй получила в XIX веке широкую популярность. Собирательство Ф. фон Фаренхайда было знаковым для того времени, тем более, что с самого начала он задумался над возможностью публичной демонстрации своей постоянно пополнявшейся коллекции.

Для собирателя XIX века важнее было иметь повторение знаменитого произведения искусства, нежели малоценный подлинник. Эстетическая ценность копий (гипсовых, бронзовых, глиняных, живописных и т.д.), снятых с оригиналов с математической точностью, в век историзма не подвергалось сомнению. В это время понимали неизбежную необходимость муляжей и имитаций многочисленных памятников древности, рассеянных по разным странам и музеям, их просветительскую роль.

«Копии... внушают желание созерцания оригиналов. Они, просветляя неясные наши представления, продвигают любознательность, усиливают интенсивность стремлений, но не дают полного удовлетворения, не успокаивают.

Последнее достигается только оригиналом...», – писал в начале XX века создатель музея слепков в Москве Иван Владимирович Цветаев.

Такое обилие произведений искусства потребовало внесения нескольких изменений в унаследованное от предков поместье. Экстерьер все больше и больше подстраивался под интерьер, и таким образом, по общему признанию, благородная сельская усадьба превратилась в белый замок-музей, посвященный классическому искусству. Тот, кто входил в вестибюль, все еще помня о просторах Восточной Пруссии, внезапно переносился в восхитительный исторический мир, над которым прошли многие века и который теперь снова ожил в своих красках и формах, картинах и очертаниях.

Фриц фон Фаренхайд, как представитель своего поколения, выросшее после освободительной войны, был полон желания изменить жизнь к лучшему. Читая греческих философов, романтически настроенный землевладелец умело приумножал своё богатство. Вскоре он получил от отца имение, перешедшее тому от его отца – Иоганна Фридриха фон Фаренхайда (1747 – 1834), купившего в

1793 году имение у представителя известнейшего дворянского семейства Фридриха фон Дёнхофф. К тому времени в поместье стоял усадебный дом с двумя флигелями, возведённый бывшими владельцами по линии Дёнхофф–Байнунен. Из давних воспоминаний известно, что старый дом, изолированный от хозяйственных построек, был окружён парком, переходившим в холмистые поля.

В 1847 году на месте разросшегося громадного леса размером в 10 000 моргенов (2 500 га) восточно-пруссский землевладелец Фриц фон Фаренхайд начал обустройство парка с прудами и широкими аллеями, украшенными скульптурами. Тогда же он занялся перестройкой усадебного дома и начал собирать произведения искусства, в основном античные. Конечно, он не всегда

мог приобрести оригиналы – большинство экспонатов в его музее были копиями. Замок строился долго и был готов в 1864 году. Но первые посетители музея могли осматривать залы уже в 1854 году. Этот дворец был необычен для Восточной Пруссии, где предпочитали строить просто, экономично, без особых затей. Фриц фон Фаренхайд выразил в облике дворца своё восхищение античными классическими формами, украсив здание многочисленными портиками. Современники писали о доме как о сооружении, обладавшем «южной красотой под северным небом, демонстрирующим образ античной красоты, которому нет подобного в Восточной Пруссии». Имение было знаменито античными скульптурами, известными произведениями художников Европы.

Когда человек входил в парк, он испытывал странное чувство умиления – в парке между деревьями, в кустах у тропинки его ожидали молчаливые белые фигуры из камня, в нескольких шагах – другая богиня, неподвижная, как та, безмолвная и белая...

Посетитель, приближаясь к усадебному дому, уже забывал "место и время"

своего нахождения, терялся в пространстве...

Попадая во дворцовый музей, переходя из комнаты в другую, почти раздавленный обилием коллекции картин и скульптур, гость шёл из зала приёмов через зал Портикуса с огромной статуей Венеры и статуей императора Августа (оригиналы этих произведений находились в Лондоне и в Ватикане) в Зал древностей (Античный зал), где на стене с окном можно увидеть копию Аполлона Бельведерского, а затем попадал в кофейную комнату с множеством картин на стенах.

В комнате Европа находилась копия с оригинала Луки Джордано Юпитера в образе быка, похитившего прекрасную Европу, в Серой комнате, в Красном Зале – во всех этих комнатах стены исчезли под картинами и их рамами – стояли работы из бронзы и мрамора: в Серой комнате мраморный бюст Фрица фон Фаренхайда с задумчивым взглядом смотрел на посетителя, в Зале собрана коллекция гравюр на меди, в ней было около семидесяти листов, некоторые из них сделаны с картин известных художников.

В старом рабочем кабинете также коллекция картин сочетались со скульптурами из бронзы, мрамора и гипса. В большом банкетном зале находилось множество мраморных работ...

Выходя из дворца, посетитель столкнулся бы с двумя фигурами, приглашавшие осмотреть коллекцию в Зал для приёмов (парадный зал), они указывали путь в мир, который был домом, и в то же время они были символами Байнунена и человека, сделавшего это имение знаменитым. Это были две статуи – богини плодородия Цецеры и римского юноши Антиноя времён римского императора Адриана – хранители духа места...

Бесчисленные посетители Байнунена когда-то наслаждались, выходя из тенистого парка, видом замка, сияющего на солнце. Со всей провинции, и даже школьники, приезжали, чтобы полюбоваться коллекциями, которые Фриц фон Фаренхайд собрал за более чем три десятилетия.

После смерти коллекционера-идеалиста, Байнунен перешёл в государственную собственность провинции Восточная

Пруссия вместе со всеми художественными произведениями и десятью тысячами акров земли, как это было предусмотрено в завещании Фрица фон Фаренхайда.

В завещании графа было указано, чтобы господский дом, собрание скульптур и картин, парк и зоосад были бы доступными для людей всех сословий в течение четырёх месяцев в году. Согласно завещанию, были определены суммы для покупки новых экспонатов, поддержания в порядке дворца и парка, для оплаты сотрудников музея и других расходов. В 1888 году архитектурный комплекс дворца Байнунен и его коллекция вошли в перечень достопримечательностей Восточной Пруссии, а позднее и Германии. В 1929 году был создан фонд «Фаренхайдовское художественное собрание дворец Байнунен», который содержался за счёт доходов от хозяйственной части имения.

Посещение Байнунена как в XIX веке, так и теперь довольно затруднено. Прежде к имению можно было попасть по железной дороге Гумбиннен – Даркемен – Ангербург. Кёнигсбержцы посещали Байнунен только по базарным дням, по средам и субботам, когда ходили поезда до имения. Путь в одну сторону занимал 3 часа 15 минут. Тем не менее усадьба и её коллекция пользовались успехом среди

жителей Восточной Пруссии.

Вторая мировая война и последующие несколько лет прошли по Байнунену опустошительным смерчем. К сожалению, об этом периоде, охватывающем 1945-1960-е годы, известно гораздо меньше, чем о предшествующей трёхсотлетней истории.

Сведений о ведении боевых действий непосредственно в Байнунене нет, видимо из-за незначительности населённого пункта. Только известно, что городом Ангерапп (ныне Озёрск), до которого примерно 8 километров, войска 3-го Белорусского фронта овладели 23 января 1945 года.

О первых послевоенных годах свидетельствует Татьяна Никоноровна Надеждина: *«Приехали мы в Байнунен с мужем и двумя детьми из Брянской области в 1946 году по вербовке, как переселенцы. Поселили нас в доме бывшего администратора. Много лет прошло, но и сейчас помню, что мы увидели здесь. Прежде всего, нас поразило обилие цветов. Ухаживали за ними несколько монашек, живших в небольшой парковой*

церквушке. Парк нам казался жилым, с людьми, потому что везде стояли белоснежные скульптуры. Кладбище тоже было похоже на парк. Ухоженные деревья, беседки, подстриженные декоративные кустарники, памятники с цепями и разные надгробия из разноцветных камней. Всё это было ограждено красивыми решётками.

Дворец, когда мы приехали, ещё целый стоял, только в середине его были небольшие разрушения и следы пожара. Каждая комната дворца имела свой цвет. На полках ещё стояли статуэтки, вазы, чаши, кувшины и скульптурные портреты. А сколько всего этого лежало на полках разбитым, расстрелянным и раздавленным, вместе с мусором!

В подвалах дворца и погребях находилось тушёное мясо в кадушках, капуста в больших чанах, сгнивший картофель и различные соки в бутылках. Пригодной в пищу оказалась только капуста. Помню, тогда здесь была большая немецкая пасека с сотнями ульев. Не умея обращаться с ними, мы только воспользовались медом, запасы которого были значительными. Много посуды целой

и битой оставалось в разных шкафах, сундуках и ящиках и на полках.

К сожалению, не смогли мы это сберечь. Не наше всё было, не родное, не наживное, а главное – ничейное, никто не отвечал ни за что, всем всё было дозволено. Бесхозные дома разбирали пограничники, а материал увозили на обустройство границы с Польшей. Тогда же постепенно начали разбирать и дворец, ведь до сего дня мы считали и считаем, что здесь жил сам Геринг. Это имя окружено ненавистью и презрением, а потому и жалости ни к чему не было. Крушили и разбирали всё подряд. Гипсовые статуэтки и стенные лепные изображения дворца толкли в ступках, перемешивали с водой и белили квартиры. Потом зачастили к нам различные бригады и команды с предписаниями от военных. Грузили на машины и подводы всё, что можно было увезти. Вывозили сельскохозяйственный инвентарь, строительные конструкции, декоративные решётки и столбы, парковое оборудование, камины и сантехнические приборы, памятники, скульптуры, ёмкости для воды и топлива, мебель и дворцовое оборудование.

Ещё при немцах (до их депортации) слухи ходили. Речь шла о захоронениях больших ценностей на территории парковой зоны, но конкретных мест тогда никто не указывал. О ценностях говорили и немецкие военнопленные, которые работали под руководством военных на погрузке увозимого имущества. Речь шла о ящиках и бочках с неизвестным содержимым. В прошлые годы действительно в парке находили такие тайники, но всё это оставалось в частных руках».

Вплоть до 1950 года музей был по-прежнему открыт, но из экспонатов сохранились в основном массивные гипсовые слепки. В 1955 году было поручено взорвать дворец, который к тому времени в народе прозвали «дачей Геринга».

По материалам статей И. В. Белинцевой «Архитектурный комплекс бывшей усадьбы Байнунен (пос. Ульяново Озёрского района)», Авенира Овсянова, главного эксперта ГУК "НПЦ по охране памятников" «Сан-Суси на Востоке» и газеты "Das Ostpreußenblatt" от 17.05.1958 г.

Усадебное наследие Восточной Пруссии, которое в основном утрачено, да и процесс разрушения которого продолжается и сейчас, могло бы стать великолепным поводом создания музея прусской усадебной жизни. История, происхождение, архитектурная ценность, художественная значимость внутреннего убранства и культура усадебного быта – всё это имеет основание для изучения

усадебных комплексов, включавших господский дом и целый ряд различных хозяйственных построек.

Барские дворцы были окружены ухоженными парками с многочисленными садовыми павильонами, монументальными скульптурами, редкими породами растений, в числе которых встречались старые деревья, оформленные и подстриженные в виде храмовых зданий. Среди зелени располагались захоронения членов дворянских семей, отмеченные скульптурными памятниками, памятными колоннами, капеллами и мавзолеями.

Поместные жилища, не имевшие, в отличие от средневековых замков, фортификационных функций, в провинции начали строить в конце XVI – начале XVII века. Многие из них выросли на месте небольших орденских укреплений или охотничьих домиков, расположенных среди лесных угодий, принадлежавших прусским курфюрстам и их приближённым.

Расцвет строительства дворцов пришелся на первую половину XVIII века, что связано с коронованием в 1701 году курфюрста Фридриха III, переименованного в короля Фридриха I. Подданные нового правителя Пруссии призваны были вести соответствующий аристократический образ жизни, ориентиром для которого служил французский двор.

Немецкий искусствовед Антон Ульбрих писал в своей книге «История искусства Восточной Пруссии с Орденского времени до современности», изданной в 1932 году, что именно в период с 1680 по 1750 годы было построено наибольшее количество сельских поместий и дворцов, в облике которых было особенно заметно французское влияние.

В XIX – начале XX века продолжали строить новые усадьбы, но, главным образом, перестраивались старинные поместья, которые приспособлялись к растущим требованиям комфорта, новым эстетическим вкусам и экономическим запросам владельцев.

Долгое время усадьбы Восточной Пруссии, их архитектура, владельцы и создатели не были предметом значительного научного интереса ни в России, ни за рубежом. Первые исследования сельских усадебных дворцов Восточной Пруссии появились в межвоенное время XX века, но лишь на рубеже III тысячелетия возрос научный интерес к частично уже утраченному достоянию.

Фрагмент работы Ирины Викторовны Белинцевой, кандидата искусствоведения, ведущего научного сотрудника филиала ФГБУ «Научно-исследовательского института теории и истории архитектуры и градостроительства Минстроя России», «Усадьбы и дворцы бывшей Восточной Пруссии на территории Калининградской области: памятники и исследования» 2017 года.

Отправимся в прошлое посёлка Ульяновское и приглашаем познакомиться с историей былого величия имения Байнунен с дворцом и парком, издавна принадлежавшего самым богатым семьям в Пруссии Шлибен, затем Лендорфф, потом Дёнхофф, а в 1793 году – Фаренхайд.

«Сан – Суси на востоке» – называли в Восточной Пруссии музейный комплекс «Байнунен». Его организатором был Фриц фон Фаренхайд (1815-1888). Имея большие успехи в сельскохозяйственном производстве, он сосредоточил своё внимание на служении искусству и жизни в мире искусства.

Большую часть прибыли от своего богатого имения он расходовал на приобретение оригиналов скульптурных портретов, на заказы их копий и отливок в лучших мастерских Европы. Он был активным участником картинных аукционов, приобретая в основном, произведения художников XVI – XVIII веков.

Во время многочисленных поездок по различным странам Фриц Фаренхайд приобретал оригинальные произведения античной эпохи.

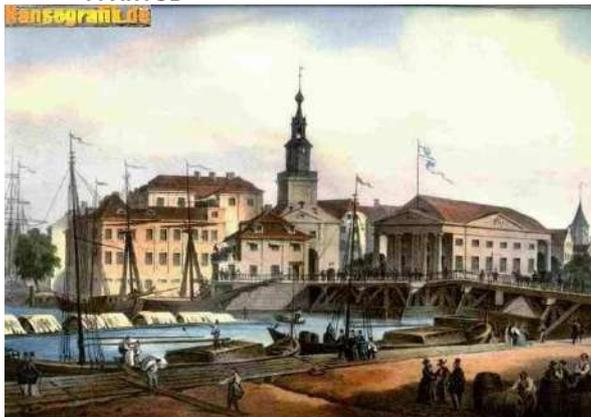
От бывшего музейного комплекса Байнунен, огромного дворца в позднеклассическом стиле, сейчас ничего не осталось. На его месте растут только лиственные деревья свидетели послевоенных событий. Вся территория бывшего комплекса покрыта следами прошлого и настоящего кладоискательства. Повсюду в зарослях лежат, покрытые тленом времени архитектурные фрагменты – остатки колонн, части междуэтажных поясков и карнизов, лестничных маршей и перил, всевозможной лепнины, керамические облицовочные плиты, фрагменты декоративной посуды и кузнечных изделий постаменты из-под исчезнувших скульптур. Такое же впечатление забытости и неприкаянности вызывает и бывший парк, который вместе с дворцом называли "восточным Сан-Суси" ("Без забот"). От него сохранились только заросшие кустарником дорожки, да заболоченные бывшие озёра. Парк несколько не отличается сейчас от окружающих его перелесков. Нарушение дренажной системы привело к повышению уровня грунтовых вод, а местами – к подтоплению и заболачиванию территории...

Дворец с роскошным старинным парком, зеркальными прудами и великолепной коллекцией произведений искусства служил родовым гнездом семьи Фаренхайд. Сейчас это руины в окрестностях поселка Ульяновское Озёрского района недалеко от польской границы.

Это селение впервые упоминается в хрониках и документах в 16 веке и называлось Бишунен, далее информации почти нет и лишь в 1773 году появляется под названием Байнунен.

В истории имения Байнунен до сих пор много тёмных пятен и тайн. Со времён Средневековья эта земля имела очень большую цену. Некогда она принадлежала семье Шлибен, затем Лендорф, Дёнхофф и, наконец, Фаренхайд – самой богатой из купеческого сословия во всей Восточной Пруссии.

Один из предков этого рода переехал в Кёнигсберг из Ростока предположительно в 1500 году и прочно обосновался в Кнайпхофе. К сожалению, его имя и даты рождения и смерти не сохранились. Первый, о ком упоминается в летописях, – «солевой» монополист и коммерческий советник Фридрих Райнхольд Фаренхайд. Торговля солью приносила большие деньги. Благодаря поставкам её на фронт во время Семилетней войны купец увеличил свой капитал. Тратил деньги он в основном на покупку земель и недвижимости на юго-востоке провинции.

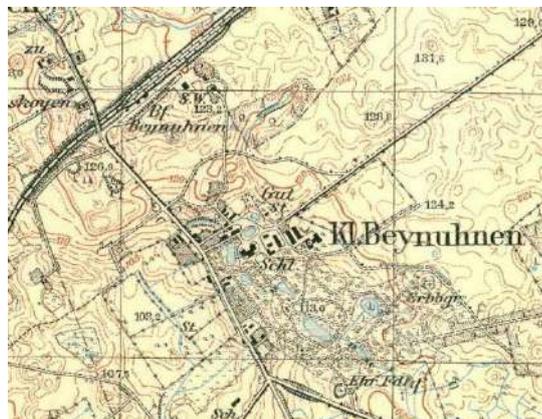
В 1760 году Фаренхайд был избран в правление городского совета, а ещё через три года за неординарность, эрудицию, дальновидность и знание коммерческого дела, а также за честность и добропорядочность король Фридрих II назначил его прусским коммерческим советником с местом и правом голоса в Коммерц-коллегии. Действительно, Райнхольд был человеком незаурядным. Доброжелательным по отношению к другим, но чрезвычайно требовательным к себе.

Активно занимаясь благотворительностью, он основал в Кёнигсберге приют для бедняков, взяв на себя все расходы по строительству, и пожертвовал на поддержку нуждающихся 50 тысяч гульденов – ощутимые по тем временам средства.

Единственному сыну и наследнику Фридриху Вильгельму Йоханну была уже уготована судьба госслужащего. Однако вопреки родительской воле он тайно завербовался в «чёрные гусары». За непослушание Райнхольд грозился лишить своего отрока наследства и всё своё состояние пустить на благотворительность и городские нужды. После усердных увещеваний родственников и просьб не карать сына так строго, отец смилостивился.

Благодаря усилиям друга семьи генерала фон Лоссов Фридрих был освобождён от дальнейшего прохождения службы и получил должность военного советника, а чуть позже вошёл в совет по управлению угодьями при правительстве Гумбиннена. Вскоре ему был пожалован титул дворянина.

Между тем, сельхозугодия Фаренхайдов расширялись и управление ими занимало так много времени, что Йоханн вынужден был отказаться от госслужбы. И без того семья была сказочно богата. Владения простирались с юга Даркеменского округа до центра Велауского. В Западной Пруссии им принадлежало ещё владение Флатов и земли в Польше. А в 1793 году Фридрих Вильгельм Йоханн приобрёл у Дёнхоффов за 75 тысяч талеров Кляйн Байнунен и поселился там, как выяснилось, навсегда.

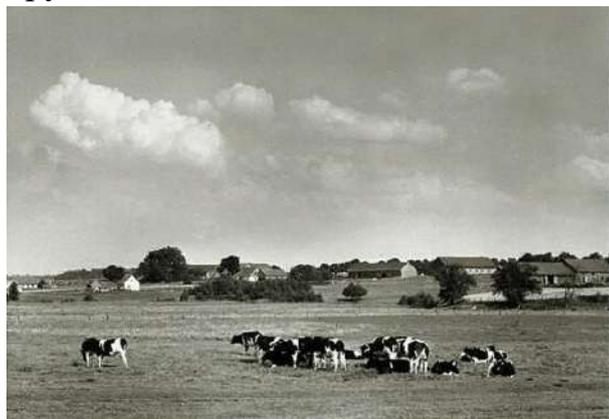

Кстати, в имении Байнунен родилась графиня София Юлиана Фридерика фон Денхофф (1768 – 1834), которая состояла в морганатическом браке с королём Пруссии Фридрихом Вильгельмом II.

София была талантливой пианисткой и певицей, слыла оригиналкой и выглядела молодо. Подобно греческой богине молодости Гебе, София предстаёт прилежной дочерью высокопоставленных родителей и прибывает к прусскому двору в качестве фрейлины королевы Фридерики Луизы. Спустя год, 11 апреля 1790 года во дворце Шарлоттенбург она вступила в морганатический брак с королём Пруссии Фридрихом Вильгельмом.

Вскоре у молодых супругов возникли непримиримые противоречия, и развод состоялся уже в июне 1792 года. Софии не удалось вывести супруга из-под влияния Ганса Рудольфа Бишофвердера и прекратить его отношения с Вильгельминой Энке, прозванной «прусской Помпадур». В тоже время король отвергал попытки вмешательства Софии в политические дела. Несмотря на непродолжительный брак, у пары, как у богини, разливающей нектар богам, и её супруга Геракла, родились двое детей. В 1805 году графиня София фон Дёнхофф приобрела поместье Бербаум в современном Хеккельберг-Брунове и посвятила себя сельскому хозяйству. Умерла в своём поместье и была похоронена на местном церковном кладбище.

В результате приобретения имения у Дёнхоффов о Фаренхайдах говорили, что они могли въехать в Кёнигсберг, не сворачивая со своей земли. В округе Даркемен, кроме Байнунена, Фридриху Вильгельму Йоханну Фаренхайду принадлежали унаследованные от отца угодья Медунишкен, Микальбуде, Ауэрфлус, Домбровкен и другие.

Наследник разумно занимался сельским хозяйством, имел самую современную на то время технику для возделывания зерновых и кормовых культур. Преуспел в животноводстве и прославился разведением племенных коров и чистокровных лошадей.

В личной жизни Фридриху Йоханну везло меньше. Из четверых детей трое умерли.

Потеря любимой супруги и вовсе подкосила его здоровье. А тут еще наполеоновские войны с ужасающими последствиями, существенно ухудшившие материальное положение. Пришлось отказаться от части своих угодий в Гердауском и Велауском округах. В 1820 году Фаренхайд продал прусскому королю Фридриху Вильгельму III имение Флатов (район города Креммен, земли Бранденбург).

7 сентября 1834 года Фридрих Вильгельм Йоханн фон Фаренхайд умер. Ему было 88. Наследство принял 54-летний сын – Фридрих Хайнрих Йоханн.

В 1799 году он поступил в Кёнигсбергский университет, но не окончил его. Известно лишь, что с рекомендательным письмом Канта студент поменял место учёбы и уехал в Гёттинген. Много путешествовал, знакомился не только с ведением сельского хозяйства в Северной Америке, Франции, Швейцарии, Италии, Англии, но и перенимал опыт коневодства и искусства верховой езды.

Любовь к лошадям передалась от отца и стала смыслом всей жизни Фаренхаида. Вернувшись на родину, он вплотную занялся разведением чистокровных пород и стал владельцем второго по величине (после герцога Хольштайн-Аугустенбургского) конного завода на континенте. Кроме того, был сооснователем ипподромов в Кёнигсберге и Данциге.

После длительного пребывания в Англии в 1804 году Фридрих Хайнрих Йоханн представил двух английских жеребцов, Трумпатора и Буссарда, несколько чистокровных кобыл и несколько превосходных английских полукровных кобыл, а также несколько йоркширских кобыл и идентичного жеребца. Последние появились в Гни, поместье его отца

(посёлки Гусево и Мозырь Правдинского района), а первые образовали породу в его собственном поместье Ангерапп, которое пользовалось большой репутацией в течение многих лет. Г-н фон Фаренхайд–Ангерапп, после г-на фон Шен-Блюмберга (1770), был вторым частным лицом, привезшим английскую чистокровную лошадь в провинцию, и с величайшим рвением и наилучшим успехом способствовал развитию не только собственного коневодства, но и местной породы.

Уже в то время Фридрих Хайнрих Йоханн Фаренхайд признавал огромное значение английской лошади, и если он не поддерживал чистое разведение английской крови в своем жеребце, а скрещивал ее с восточной кровью, то он лишь учитывал вкус того времени и необходимость, которая, при текущем недостатке других английских кровей в стране, заставляла его избегать слишком тесного родства своих собственных лошадей.

Основание местных скачек произошло в первую очередь благодаря усилиям Фаренхайда, и до конца своей жизни в 1849 году он с величайшей любовью посвящал себя всему, что имело к ним отношение. Он был первым, кто основал в округе Даркемен собственное учебное заведение, и его лошади пользовались заслуженной репутацией не только на провинциальных скачках, но и в Берлине, и в остальной Германии...

В военные годы Фридрих Хайнрих Йоханн отличался жертвенной готовностью помогать нуждающимся крестьянам, поднял в деревнях на должный уровень школьное образование и рентабельность сельского хозяйства. Он был истинным патриотом своего отечества. В 1821 году он основал "Сельскохозяйственное общество для Литвы" („Landwirtschaftliche

Gesellschaft für Litauen"). Этот энергичный человек, который также был членом провинциального совета, считается самым важным представителем своей семьи.

В 1822 году он уже был нотабли – личностью выдающейся, принадлежащей к высшим слоям общества. За свои заслуги получил звание «Мудрец Ангераппа». Король Пруссии привлекал Фаренхайда к рассмотрению новых законов, касающихся провинции.

Фридрих Хайнрих был женат на сестре университетского друга из Гёттингена Вильгельмине Леманн. В браке родилось четверо детей – сын и три дочери. Первая – Нинетта – умерла в раннем детстве и была похоронена в фамильном склепе в Ангераппе. В 1847 году рядом с ней упокоилась и супруга Фридриха Хайнриха. А двумя годами позже во время визита к Лендорфам (состоявших в родстве с Дёнхоффами) в имении Штайнорт внезапно скончался и сам глава семейства (в настоящее время бывшее поместье находится на территории Польши в Штынорте Варминско-Мазурского воеводства, недалеко от российской границы).

После его смерти угодья были поделены между тремя детьми. Сын Фритц фон Фаренхайд унаследовал владения Кляйн Байнунен и Ангерапп. Фредерика Шарлотта с мужем Зигмундом фон Буяком – Гросс Медунишкен (сельская община Медунен, на территории Польши, к которой был приписан в конце 16 века Гросс Даркемен) и Ошнагоррен (переименованный в Адлермарк в 1938 году, ныне не существует, располагался близ имения Кляйн Байнунен). Эмилии Генриетте фон Фаренхайд, состоявшей в браке со священником Войгтом, отошли владения Домбровкен (район Чершлинен, в настоящее время Цешпенты Варминско-Мазурского воеводства) и Ауэрфлус (пос. Межречье Озёрского района).

Единственный и последний наследник по мужской линии и представитель прославленного рода Фритц фон Фаренхайд родился 31 октября 1815 года в Даркемене (город Озёрск). Учился в королевском Фридрих-колледже в Кёнигсберге, изучал греческую литературу и историю религии. Кроме материальных благ он унаследовал от своих предков

интеллект и способность к искреннему человеколюбию. Большое влияние на его воспитание оказал учитель колледжа и знаток античности Карл Лер, а также труды немецкого искусствоведа Винкельманна. С тех пор древний мир стал для Фритца идеалом, а служение искусству – целью всей жизни.

Частые и продолжительные поездки в Грецию и Италию только утвердили его в желании посвятить свою жизнь классическому искусству. Но этого было мало. На своей родине – в имении Байнунен – Фритц решил воссоздать античный мир.

Лучший друг майор Ульрих фон Зальпиус всячески его поддерживал. Отец же наоборот – считал мечты сына несерьёзными. Но, тем не менее, после

окончания колледжа он отправил Фритца в Грецию, надеясь, что страсть к античности после длительного и утомительного путешествия у него поутихнет. Не тут-то было. Всё только начиналось. Ещё одна поездка в Грецию, затем в Константинополь, Малую Азию, Иерусалим...

В 1851 году, уже после смерти отца, Фритц впервые посетил Рим. С этого времени он и начал собирать свою коллекцию. Привозил из Италии, Парижа, Лондона гипсовые копии выдающихся произведений античной скульптуры.

В то время они еще не были массовым товаром, которые можно было бы увидеть в каждом музее. Хорошие старинные копии высоко ценились и были гордостью любого владельца.

Перевозить гипсовые фигуры из-за отсутствия железной дороги (в этой части Пруссии железная дорога появилась лишь в 1876 году) приходилось морем в Кёнигсберг, неся огромные транспортные издержки, затем тяжелые, громоздкие, хорошо завернутые произведения искусства довозили до имения на подводах – это стоило больших усилий.

Для размещения культурных ценностей Фриц Фаренхайд перестроил старый отцовский дом в роскошный дворец, стены комнат которого украшала французская парча с изображением цветов.

Со временем в имении Фритца Фаренхайда шедеврам стало тесно, и в 1854 году он пристроил к особняку крыло в стиле барокко. Так появился Античный зал, который положил начало большим преобразованиям усадьбы. В том же году Кляйн Байнунен посетил король Пруссии Фридрих Вильгельм IV, который пришёл в восторг как от самого зала, так и от собранной Фаренхайдом коллекции произведений античного искусства.

Вскоре Фритцем овладела новая страсть – он увлёкся живописью итальянского Ренессанса. Покупал копии и оригиналы известных мастеров. Коллекция увеличивалась, для неё требовалось всё больше и больше места.

С королевским размахом, с приглашением лучших мастеров в 1862 году началось строительство дворца. По некоторым сведениям, архитектором его был берлинец Кристиан Август Ханеманн. Он и назвал своё творение – Вилла Фаренхайда.

Существует и такая версия, что автором проекта дворца был друг Фритца – немецкий скульптор Карл Конрад Альберт фон Вольф, ученик Кристиана Даниэля Рауха и Карла Шинкеля, а позже – профессор Берлинской академии художеств, автор значительных монументальных скульптур, в том числе «самой красивой конной статуи XIX столетия» Фридриха Вильгельма III. Хотя, логичнее было бы полагать, что он был помощником и советчиком в обустройстве залов дворца и парковой территории.

Beynuhnen, das weiße Schloß

В 1866 году (по другим сведениям, в 1864-м) строительство дворца было закончено. Здание состояло из трех частей – центральной, с более низкими боковыми строениями, и двумя поперечными крыльями. Выполненное в стиле позднего классицизма, оно отличалось парадным великолепием, чёткостью и изысканностью геометрических форм.

Боковой поперечный флигель гармонично завершал архитектурную конструкцию и придавал ей пластичность. Белоснежные статуи, копии античных скульптур, чаши и акротерии украшали фронтоны и карнизы и словно парили над незатейливыми очертаниями здания. Внешняя его сторона гармонично сочеталась с внутренним содержанием.

Шедевры были распределены по залам, каждый из которых имел своё название: Колонный, Античный, Европа, Серый, Красный, Зал гравюр, Кори-зал, в котором нашли своё место древнегреческие статуи, и Кофейная комната. Стены её были выдержаны в дымчато-коричневых тонах. Коричневая мебель. Софа и кресла обиты узорчатым красным бархатом. Перед столом – два красивых стула в стиле позднего барокко. На стенах – 19 работ, часть которых – оригиналы Федерико Бароччи, Аньоло Бронзино, Гвидо Рени, Франческо Тревизани... В помещениях западного крыла располагался зал с кариатидами, где демонстрировались копии знаменитых фигур храма Эрехтейон из Афинского акрополя.

На втором этаже находился Зелёный зал или Зал героев, где были собраны портреты выдающихся личностей европейской истории, политики, науки и искусства того времени.

Каталог коллекции дворца Байнунен занимал более 400 страниц. Здесь числились, например, 10 гравюр Корреджо, 7 – Гвидо Рени, 4 – Тициана, 33 гравюры по работам Рафаэля,

созданные, скорее всего, Маркантонио Раймонди.

Кроме того, 67 оригинальных полотен украшали стены дворца: Гвидо Рени – «Распятие Петра», «Мадонна», Лука Джордано – «Похищение Европы», Хосе де Рибера – «Умиравший Себастьян», Карло Маратта – «Отдых при бегстве в Египет», Доменикино – «Иосиф с Христом-ребенком», Рафаэль Санти – «Святая Цецилия» (эта картина была в собственности папы Климента XIII). «Мона Лиза» великого Леонардо (лучшая копия) висела в рабочем кабинете фон Фаренхайда, которая для посетителей была открыта лишь в начале XX века. Здесь тоже было много предметов искусства. На мраморном полу лежал ковёр из древнегреческой Смирны, на белокаменном камине стоял бюст Афины. В кабинете было 35 картин. Среди них – оригиналы Анибалле Карраччи, Джорджоне и Франческо Солимене.

Фаренхайд покупал не только античные произведения искусства и живопись эпохи мастеров Возрождения и барокко, но и картины модных в то время художников, современников Фаренхайда – Ансельма Фойербаха (в русской интерпретации Фейербаха), Арнольда Бёдлера. Приобрёл и несколько прекрасных полотен последних немецких романтиков Карла Блехена и Иоганна Ширмера.

Вестибюль и девять залов восточного крыла, вместе с библиотекой и собранием гравюр, включая античный зал, с 1854 года стали музеем, открывающим свои двери для широкой публики в летнее время. Фритц Фаренхайд был прекрасным экскурсоводом и учителем. Зимы он проводил в Италии и возвращался оттуда, вдохновлённый прекрасными видами юга и благотворным воздухом, с

приобретёнными или полученными в дар произведениями искусства.

К середине 19 века в Байнунене накопилась большая коллекция произведений античной эпохи. Среди них были: торс молодого юноши, женский портрет, фрагмент ступни и головы этруска и многочисленная коллекция греческих и римских ваз. Кроме того, в большой и разнообразной нумизматической коллекции находились 122 уникальные греческие и римские монеты из серебра и меди. Эта коллекция была доступна для широкой публики.

Везде уже витал дух вычурного раннего барокко, а Фритц Фаренхайд всё еще не переставал восхищаться чистыми формами классического искусства. Теперь его не устраивал старинный французского стиля парк с его правильными буковыми дорожками и клумбами. С южной стороны дворца на площади в 150 гектаров он разбил новый, гораздо больший – в английском стиле.

С южной стороны дворца «Сан – Суци на востоке» – так называли музей в имении Байнунен – был заложен большой лесопарк, о котором с восторгом писал кёнигсбергский историк Луканус: *«Прекрасный парк с его произрастающими повсюду фруктовыми деревьями и растениями редчайших видов, фонтанами, большими и малыми статуями и скульптурами снискал себе славу одного из величайших творений; а его оранжереи, большие живые изгороди, обсаженные дикорастущими*

растениями, прогулочные дорожки и беседки, шпалерник, травяные и цветочные растения, а также высокие, высотой в четыре локтя, выдолбленные из камня солнечные часы – всё это поистине незабываемо».

На территории лесопарка функционировала сложная (частично сохранившаяся до наших дней) гидросистема с озёрами, ручьями, каналами и даже арыками. Вся гидросистема была регулируема, самоочищаема, закольцована с местными дренажными устройствами и подпитывалась из артезианского источника.

Центром парковой экспозиции Байнунена являлся храм с дорическими колоннами, построенный по проекту уже известного нам предполагаемого архитектора дворца Альберта Вольфа. Внутри храма возвышалась, освещённая желтоватым верхним светом, большая копия скульптурной группы Фидия «Лаокоон».

Лаокоон – мифический троянский герой, жрец Аполлона, был воспет Вергилием в поэме «Энеида». Смерть этого героя была излюбленной темой античных скульпторов. Наиболее известна мраморная скульптурная группа «Лаокоон» родоских ваятелей. Как известно, подлинная скульптура, которая была выполнена в бронзе в 200 году до н. э. в Пергаме, не сохранилась. Находящийся в ватиканском музее Пия-Климента «Лаокоон» работы греческих ваятелей Агесандра Родосского и его сыновей Полидора и Афинодора – тоже является мраморной копией, но с оригинала древнегреческой скульптуры Фидия (ок. 490 г. до н.э. – ок. 430 г. до н.э.) и датируется второй половиной I века до н.э.

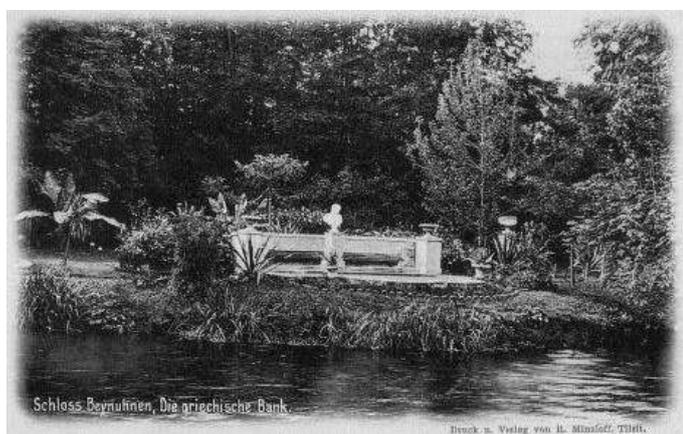

В мире существует несколько копий «Лаокоона», однако наиболее ценные только две – те, что в Ватикане и Байнунене. Последняя, к сожалению, безвозвратно утрачена.

Ландшафтная архитектура парка на протяжении многих десятилетий формировалась с помощью лучших «парковедов» Европы в стиле модного тогда Романтизма. Этот парковый стиль очень образно описал французский поэт Ж.Делиль:

*«Разделит с вами сад веселье и печали,
Художнику цвета найти поможет он,
Утешит грусть того, кто мрачен иль влюблён,
Поэту даст слова, полёт и вдохновенье,
Мудрец в его тиши найдёт отдохновенье,
Счастливый вспомнит дни восторгов и любви.
Несчастный выплачет страдания свои».*

В результате получился целостный архитектурный ансамбль анфиладного типа. Вековые деревья прекрасно сочетались с декоративно подстриженными кустарниками – боскетами и экзотическими деревьями, привезёнными со всех частей света.

Авенир Петрович Овсянов, калининградский краевед и историк, писал: *«Здесь и сооружения, посвящённые нимфам, архитектурно обработанные гроты, альпийские горки, беседки из*

живых деревьев, смотровые площадки, фонтанчики и перголы – открытые галереи, перекрытые легкими навесами с вьющейся зеленью. При этом вся территория парка «оживлялась» более чем двумя сотнями античных скульптур, установленных на разновысоких постаментах по берегам озёр, вдоль парковых дорожек и среди лесных полей».

Кроме скульптурной группы «Лаокоон» в парке Байнунена были установлены на постаментах мраморные вазы и около трёх десятков скульптур, привезённых в разные годы из Италии, Парижа и Лондона. В этом имении стояла статуя второй половины 19 века «Большая Геркуланка», богини Любви и Плодородия.

О культурных ценностях, находившихся в Байнунене, говорят и документы, которые обнаружил летом 1945 года в замке Кёнигсберг А.Я. Брюсов. Директор Художественных собраний замка доктор А.Роде интересовался у Вернера Лау (администратора Байнунена) сохранностью культурных ценностей, отправленных из Кёнигсберга. Кроме того, из документов известно о поездке А.Роде

26 ноября 1944 года в Байнунен. Миссию А.Роде, связанную с культурными ценностями, косвенно подтвердил в апреле 1946 года директор замкового ресторана «Блютгерихт» П.Файерабенд. В беседе с советским комендантом он заявил: *«В конце ноября 1944 года доктор А.Роде зашёл ко мне купить несколько бутылок вина, в запас на дорогу: он должен был уехать на несколько дней. Он действительно отсутствовал несколько дней. По возвращении Роде сказал мне, что он был в каком-то большом имении и там много поработал. Место и название имении А.Роде мне не сказал».*

О наличии в Байнунене культурных ценностей свидетельствовал и аспирант Института истории АН СССР И.И. Цирлин, который был членом поисковой бригады от Комитета по делам искусств СССР. Он сообщал в Москву об обнаруженных им музейных предметах, правда сетовал, что подлинники (скульптуры и картины) исчезли ещё до его приезда в Байнунен.

На основе этих документов

Калининградская геолого-археологическая экспедиция пыталась разгадать тайну Байнунена. К сожалению, отсутствие конкретной информации, удалённость версионного объекта от Калининграда, его значительная площадь, хроническое отсутствие финансов и, как следствие – геофизических приборов большой разрешающей способности, засекреченность экспедиции привели к тому, что производственные работы проводились без предварительной приборной разведки. При проверке просадок грунта применялся только обычный сапёрный шуп.

Последние годы жизни Фриц Фаренхайд часто болел – нарушение кровоснабжения, астма, артрит коленных суставов. 8 июня 1888 года имение Байнунен осиротело. Ушёл последний представитель рода по мужской линии, четыре последних поколения которого вписали свои имена в историю Восточной Пруссии.

Фритц фон Фаренхайд был членом прусского господского дома в Берлине, почётным членом королевской академии искусств, почётным доктором философии университета Альбертина в Кёнигсберге. За год до смерти из рук прусского короля он получил высокую награду – Звезду ордена Короны.

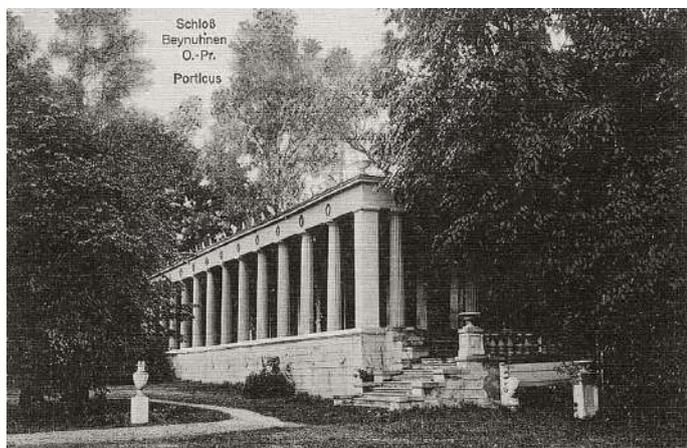
Abb. 112. Im Park des Schlosses Beynuthen bei Darkehmen (Zu Seite 130)

Последний из рода Фаренхайд при жизни завещал, чтобы его не хоронили под мрачными сводами фамильного склепа дворянского поместья Ангерапп (речь идёт о семейной гробнице в форме пирамиды 1811 года постройки, по другим – в 1795 году, располагающейся в настоящее время на территории Польши в Голдап).

Фриц Фаренхайд выбрал место сам – в центре парка, восточнее дорического храма, рядом со своим большим другом майором фон Зальпиусом, под стройной колонной, которая поддерживает скульптуру «Надежда».

Карьера никогда не была целью Фритца фон Фаренхайда. Состоятельный наследник всё своё состояние щедро тратил на приобретение произведений искусства. На дело, которое, как он полагал, будет ещё долго служить жителям Восточной Пруссии. Поэтому в своём завещании он распорядился, чтобы после его смерти вход в музей был свободным для всех без исключения.

На надгробной плите слова, которые Фаренхайд попросил начертать: *«Покидая этот мир, полный неудовлетворённых страстей, в смирении ожидаю великого откровения перед Господом».*

Schloß
Beynuthen
O.-Pr.
Porticus

Наследство майором перешло к Фридриху фон Буяку, сыну сестры Фредерики, взявшему фамилию Фаренхайдов. Следующим владельцем стал Вольфганг фон Альтенштадт, внук сестры Фаренхайда, который тоже взял его фамилию.

В 1888-м коллекция музея Байнунен вошла в перечень достопримечательностей провинции, а чуть позже и всей Пруссии.

Сегодня восточно-прусского архитектурного, ландшафтного, дендрологического и художественно-паркового заповедника Байнунен – восточного «Сан-Суси», как его иногда называли, больше не существует.

В 1955 году часть дворца была взорвана, а уцелевшие художественные ценности, как сообщала местная пресса, реквизированы советской трофейной комиссией. И уточнялось, что в 1944-м часть коллекции была все же вывезена родственниками Фаренхайда, а часть закопана в парке.

«Deutsches Adelsblatt» («Немецкий дворянский листок») от 15 июня 1973 года писал, что перед первым наступлением русских удобоперевозимые предметы искусства, по желанию владелицы фрау Гертруды фон Фаренхайд, доставлялись в железнодорожных вагонах во владение Флатов. Ценные оригиналы картин вынимались из рам и перевозились в Сопот, где их продали верному человеку.

По материалам статей Натальи Раченковой «Кляйн Байнунен и вилла Фаренхайда» и Авенира Петровича Овсянова «Сан – Суси в Восточной Пруссии».

Калининградский музей изобразительных искусств – единственный в области хранитель национального и европейского изобразительного искусства, обладатель уникальных коллекций, яркий маркер культурного кода Калининграда. В подтверждение этого статуса калининградского музея его многолетними партнёрами являются Государственный Эрмитаж, Третьяковская галерея, Русский музей и ГМИИ им. Пушкина. Наряду со

зданием музея, являющимся ярким экспонатом самого города, популярной может считаться выставка живописных и графических работ немецких художников, произведений авторов-переселенцев, которые переехали в город после Второй мировой войны, фотографий из личных архивов жителей Калининграда «Калининград — Кенигсберг: мост над временем».

Особенностью этой выставки являются скульптуры из коллекции семейства фон Фаренхайдов из усадьбы Байнунен: «Церера» – скульптора Йозефа фон Копфа, «Купающаяся Афродита» – копия с древнеримского антика по мраморному оригиналу Дойдалса из Вифинии и статуя Геркуланки.

Большая Геркуланка – это терракотовая копия второй половины XIX века той, что была найдена при раскопках города Геркуланум, пострадавшего в результате извержения Везувия. Истинная «хозяйка» Белого зала музея усадьбы Фаренхайдов в своё время украшала нишу дома садовника знаменитого дворца восточно-прусского имения Байнунен.

В описательном каталоге собирателя коллекции Фрица фон Фаренхайда Геркуланка называется «самой великолепно одетой статуей, дошедшей до нас из старины». Скульптура в человеческий рост представляет собой женскую фигуру в хитоне с накидкой, покрывающей голову.

Ещё в 2000-х годах арендаторы башни Врангель ООО «АРТ и К» – семья Копыловых, привели в порядок и оживили её стены после того, как та стала овощной базой Военторга, а после мусорной свалкой Центрального рынка, вывозили машинами мусор изо рва и территории самой Башни, раздобыли документы, двухсотлетние чертежи Башни, привели в порядок её коммуникации – ливневки, дренажную систему, вентиляцию и дымоходы каминов, которые обнаружили под слоями штукатурки. Проведённые работы позволили осушить стены Башни Врангеля от грибка и сырости, открыть ресторан и увидеть скульптуру женщины в хитоне... Этакую греческую кариатиду храма Эрехтейон в Афинах. Кстати,

многие тогда и не предполагали, что статуя представляет собой историческую ценность. Сотрудники антикварного салона также, находившегося в бывшем фортификационном сооружении, уверяли, что это вовсе никакой не новодел, а самое что ни на есть настоящее произведение искусства. До войны скульптура украшала дворец некогда прекрасного имения Байнунен, от которого в наши дни ничего не осталось.

Говорят, однажды в ресторан заглянул немецкий профессор.

– *Откуда это?* – стал показывать он пальцем на скульптуру.

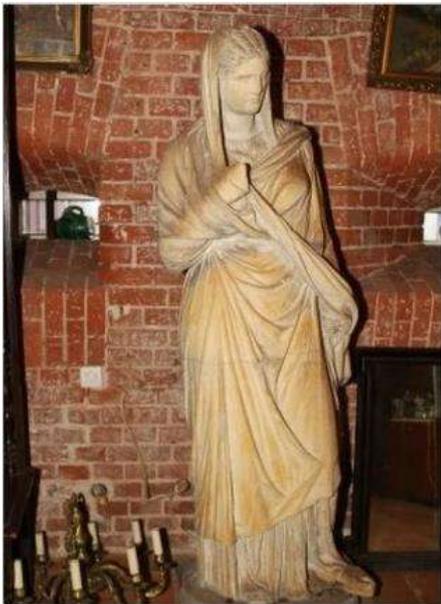
Официантки объяснили, как могли.

– *О, Байнунен!* – воскликнул немец. – *Я знаю Байнунен! Хозяин имения Фриц фон Фаренхайд был известным коллекционером античного искусства. А эта девушка – копия скульптуры, найденной при раскопках в римском Геркулануме, который вместе с Помпеями засыпало пеплом в 79 году до нашей эры после извержения Везувия!*

Впрочем, профессор тут же пояснил, что это, конечно, не оригинал, а копия, выполненная, судя по всему, в первой половине XIX века. Оригинал хранится в Дрезденской галерее. Видно, увидев его там, фон Фаренхайд и заказал потом копию, чтобы установить в своем имении. Однако и украшающая Дрезденскую галерею скульптура тоже не вполне подлинник. Это, как можно предположить, римская копия еще более древних

греческих скульптур богини плодородия Деметры. Судя по всему, IV века до нашей эры. Известный немецкий антиквар XVIII века Иоганн Иоахим Винкельманн говорил о таких образцах: «Благородная простота и безмолвное величие».

После войны скульптура некоторое время находилась в нише сохранившегося на территории усадьбы фон Фаренхайда строения, потом её вывезли – «история об этом тёмная», так она попала в башню Врангеля. – *Мы эту скульптуру в свой антикварный магазин выкупили у частного лица еще в 90-х годах. Мы её спасли и сохранили.*

При губернаторе Николае Цуканове башню Врангеля передали в областную собственность, и ресторан вместе с антикварным салоном оттуда съехали. Разумеется, вместе с «Геркуланкой»...

Долгое время о ней ничего не было слышно. Известия появились в 2016 году в виде объявления на «Авито», в котором сообщалось о продаже скульптуры за 500 тысяч рублей. Общественность принялась собирать деньги, чтобы выкупить произведение искусства, но представители Музея изобразительных искусств оперативно связались с продавцом и договорились о покупке скульптуры, вроде как добившись существенной скидки. Какой именно, не афишировалось. Да так ли это важно? Главное – сегодня «Большую Геркуланку» может увидеть каждый.

Материал, из которого выполнена скульптура, достаточно уязвим, требует бережного хранения. Поэтому пришлось привлечь специалистов, чтобы восстановить статую. *«У нее не было глазниц, были повреждены пальцы рук и ног. Она долго не чистилась, – комментирует директор Музея изобразительных искусств Галина Заболотская. – Мы пригласили специалистов, которые привели статую в порядок. По колористике, по цвету она теперь не отличается от оригинала».*

Кстати, в музее есть ещё два произведения из коллекции Фаренхайда – «Церера» и «Купальщица».

«Вместе статуи составляют гармоничный комплекс. Кроме того, они открывают новые возможности для научно-исследовательской и выставочной деятельности. В учреждении полагают, что, зная расположение скульптур в залах усадьбы фон Фаренхайда, можно восстановить обстановку в помещениях галереи. «Мы надеемся, что на территории области будут ещё какие-то находки и коллекция продолжит пополняться», — добавляет Галина Валентиновна.

По материалам статей с сайтов www.strana39.ru www.culture.ru www.gokaliningrad.com
www.klg.aif.ru www.kgd.ru www.kaliningrad.kp.ru

Наш проект создал репортаж «Байнунен» из цикла «Немного истории» и предлагает вниманию сюжет об истории создания и послевоенной судьбе коллекции музея поместья <https://www.youtube.com/watch?v=tTGGmwu1Ndc>

Во время Первой мировой войны, 11 сентября 1914 года, у поселения Кляйн Байнунен русский арьергард, прикрывавший отход своих частей, вступил в бой с 148-м пехотным полком 8-й немецкой армии. Погибшие в бою воины были захоронены на нескольких воинских кладбищах недалеко от поселения.

Наступление Русской армии против Германии началось 17 августа 1914 года. В результате вторжения в Восточную Пруссию с севера и юга двух армий Северо-Западного фронта планировалось нанести поражение германской армии и перенести войну на территорию Австро-Венгрии и Германии.

1-я армия (командующий генерал П.К. Ренненкампф) должна была отрезать немцев от Кёнигсберга, обойдя Мазурские озёра с севера, а 2-я армия (командующий генерал А.В.Самсонов) – не допустить отхода германских войск за Вислу, обойдя Мазурские озёра с запада. Угроза двойного удара представляла существенную опасность для 8-ой германской армии, расквартированной в Восточной Пруссии.

Первоначально действия русских войск были успешны, даже возникла угроза окружения 8-ой германской армии. Германская Ставка приняла решение перебросить с Западного фронта два корпуса и конную дивизию.

Однако Ставка и командование Северо-Западного фронта неправильно оценили создающуюся обстановку, приняли целый ряд

ошибочных решений, что позволило неприятелю быстро передислоцировать войска.

Генерал Гинденбург воспользовался разрывом между 1-й и 2-й армиями, чтобы нанести удар на левый фланг, окружить и уничтожить 2-ю армию. Её остатки отступили за реку Нарев (река в западной Белоруссии и северо-восточной Польше, крупный правый приток Вислы – длина 484 км, из них 448 км в Польше, а 36 км в Белоруссии).

Генерал Гинденбург решил покончить и с 1-й армией под командованием генерала П.К. Ренненкампа, занимавшей в это время район севернее Мазурских озёр. Он планировал отрезать русскую армию от Среднего Немана и уничтожить, прижав её к болотам. В его распоряжении было 7,5 корпусов и 2 кавдивизии (215 батальонов, 104 эскадрона, 1080 орудий).

9 сентября начался штурм центральных позиций 1-ой армии, чтобы отвлечь внимание Ренненкампа. Командующий 1-ой армией понял маневр германцев и срочно перебросил на южный фланг из центра две пехотные и три кавалерийские дивизии и 20-й корпус с севера. Остановив наступление немцев, он начал отводить всю армию на восток, что помогло избежать окружения, хотя некоторые части не получили или запоздало получили приказ Ренненкампа, поэтому их действия были разрозненными, 72-я дивизия попала в ловушку и потерпела поражение.

Отход армии прикрывали 2-й и 20-й корпуса, сдерживавшие в арьергардных боях превосходящие силы противника.

10 сентября русские войска получили приказ командующего фронтом об отступлении из Восточной Пруссии, хотя во время боевых действий на северо-востоке от Мазурских озёр его директивы были весьма противоречивы. 16 сентября генерал Жилинский был уволен, а 17 сентября в Белосток прибыл новый командующий Северо-Западным фронтом генерал Рузский.

Битва при Мазурских озерах – последнее из боевых столкновений русской и германской армий в Восточно-Прусской операции, завершившееся успехом германских войск и отходом русских.

Мазурское сражение – часть Восточно-Прусской операции 1914 года, которая завершилась поражением русских. Германская 8-я армия вытеснила 1-ю армию за пределы Восточной Пруссии, но ей удалось избежать окружения и

разгрома. Гинденбург не смог защитить Восточную Пруссию от нового вторжения. Русские войска оправились от поражения и через несколько дней предприняли новые боевые действия.

«К середине сентября, как бы чудом была, устранена всякая опасность для Восточной Пруссии, хотя и не было достигнуто желанного уничтожения Неманской армии», – немецкий офицер Отто фон Мозер, 1923 год.

Жарким и кровопролитным был бой у Кляйн-Байнунена и Ошнагоррена, теперь этого поселения не существует, а когда-то эти места называли Ошнагоррская Швейцария. 11 сентября 1914 года немецкий 148-ой пехотный полк 41-й пехотной дивизии в течение дня вёл тяжелый бой за парк замка Байнунен, в ходе которого погибли 83 немецких воина. Их похоронили на отдельном кладбище. В ноябре 1914 года здесь же были похоронены ещё пять немецких воинов.

Ровно через 15 лет, 11 сентября 1929 года, на военном кладбище в дворцовом парке Кляйн Байнунен состоялось торжественное открытие памятника павшим воинам.

Памятник был сложен из обтёсанных камней и представлял собой пирамиду, установленную на двухступенчатом основании. На верху пирамиды находился шар, увенчанный изображением Железного креста. Право открыть памятник было предоставлено капитану Майсснеру, командиру подразделения, воевавшего в этом районе в 1914 году.

До наших дней памятник в парке Байнунена не сохранился. При восстановлении кладбища был установлен новый большой деревянный крест и была выстроена новая пирамида из таких же камней, только без шара и креста на её вершине.

Сохранились кресты и надгробные плиты. Среди них лежит, украшенная гирляндой и венком, плита с прощальной надписью от родителей своему сыну, которому не было и двадцати лет: *"11.9.1914 здесь умер смертью героя наш любимый единственный сын юнкер Георг Нобис. Род. 19.12.1894. Унтер-офицер в 148-м (5-м западно-прусском) пехотном полку"*.

Вряд ли знали место захоронения те русские матери и жёны, чьи сыновья и мужья были похоронены у общинного кладбища той же деревни и над могилой которых была поставлена вертикально небольшая бетонная плита: *"Здесь покоятся 132 русских солдата. □ 11.9.1914"*.

Большой

деревянный Православный крест издавдалека указывал на национальную принадлежность похороненных на кладбище солдат.

К 2005 году от креста остались только две стальные балки крепления, удерживавшие его основание, и два заржавевших болта с гайками.

Директор ЗАО имени Суворова Георгий Рачикович Авагимян решил восстановить кладбище и крест на нём, максимально сохранив все оставшиеся элементы.

Поэтому гайки на болтах были нагреты газовой сваркой и откручены, а затем теми же болтами и гайками был закреплён новый большой деревянный восьмиконечный Православный крест. Крест изготовили работники ЗАО.

Территория бывшего захоронения размером примерно 20 на 10 метров была очищена и приведена в порядок жителями окрестных посёлков, работниками этого хозяйства. Торжественное открытие восстановленного памятника состоялось 6 мая 2005 года – в день святого Георгия Победоносца, небесного Покровителя русского воинства. Был митинг, стояли в почётном карауле ребята из местной школы. Были добрые слова, были и свежие цветы, легшие к подножию скромного надгробия, под которым покоятся русские люди, нашедшие свою смерть на чужбине.

Как уже упоминалось, жарким и кровопролитным был бой у Кляйн-Байнунена и Ошнагоррена 11 сентября 1914 года, который пришлось вести 41-ой пехотной дивизии XX-го армейского корпуса. Погибшие близ деревни Ошнагоррен (Oschnagorren) 25 немецких солдат из 18-го и 59-го пехотных полков похоронены в лесу у дороги на военном кладбище. Большой деревянный крест и надгробная плита с именами павших: вот и всё военное кладбище.

Кладбище было приведено в порядок немецкими добровольцами в 2013 году. Территория очищена и огорожена забором из брёвен. Взамен сгнившего креста по обеим сторонам надгробной плиты поставлены из неошкуренных берёзовых стволов два креста – Латинский и Православный, хотя русские войны здесь не похоронены.

В районе посёлка Ульяновское расположено 5 захоронений воинов Первой мировой войны – два заросли травой, а на трёх поддерживают порядок.

По материалам книги А.М. Зайончковского «Мировая война 1914–1918», изд. 1931 г. и статьи Члена Правления Калининградского клуба краеведов Бориса Николаевича Адамова «Памятники Первой Мировой войны».

Быковский район, по имени Героя Советского Союза капитана Быкова, погибшего при взятии Даркемена, мог бы радушно встречать гостей в своих живописных уголках с многочисленными озёрами и холмами вдоль реки Анграпа.

Но, как мы можем сейчас уже убедиться, окончательным решением Указа Президиума Верховного Совета РСФСР 1946 года был принят из предложенных

трёх вариантов переименования города Даркемена Калининградской области: город Красноозёрск и Красноозёрский район, город Озёрск и Озёрский район, город Быков и Быковский район – вариант имени Озёрска. Что касается капитана Быкова, погибшего при взятии Даркемена, то, по словам профессора Геннадия Викторовича Кретинина, в списке Героев Советского Союза его обнаружить не удалось. Поэтому трудно даже предположить, какого капитана Быкова могли иметь в виду авторы проекта Указа.

Конечно же, нам остаётся согласиться с благозвучно звучащим именем района, название которого отражает всю природную его красоту, простирающуюся среди холмов, окруженную великолепными озерами, лесами и полями, что создает привлекательный для туристов облик.

При слиянии на северо-западной окраине города Черняховска с рекой Инструч образует исток реки Преголи – главной реки Калининградской области.

Можно сказать, что река Анграпа – мама нашей чудесной Преголи, и 169 км, из них 97 км на территории Озёрского, Гусевского и Черняховского районов спешит на

встречу с рекой Инструч, чтобы подарить нам красавицу-дочку.

Древнее русло реки больше десяти тысяч лет назад сформировали потоки воды от таяния ледников. Сегодня Анграпа несёт свои воды по извилистому руслу с многочисленными поворотами и петлями. Характерной особенностью реки являются прорезанные водными потоками холмы, склоны которых порой нависают над водным зеркалом быстрой реки. То справа, то слева к воде выходят глубокие, поросшие древесно-кустарниковой растительностью овраги. За свою живописность и очарование поросшее лесом левобережье Анграпы, что находится южнее г. Озёрска, в четырёх км от посёлка Ульяновского (бывший Байнунен), издавна имело отражённое на топографических картах название Ошнагоррер (от названия близлежащего имения) Швайц – Ошнагоррская Швейцария.

Поскольку Анграпа являлась единственной водной артерией, соединявшей естественным водным путём Большие Мазурские озёра через реку Прегель с Кёнигсбергом, то с давних времён возникали идеи использовать её для доставки грузов. Так, в 1763-64 годах проводились работы по очистке русла реки от камней на протяжении 80 км. Йохан Фридрих фон Домхардт, обер-президент

Восточной Пруссии, прикладывал немало усилий по превращению Анграпы в водный путь. Но технические сложности и недостаток финансирования привели к тому, что после постройки нескольких деревянных шлюзов и спрямления некоторых участков реки дело ограничилось возможностью сплава по ней леса. После 1774 года проект был прекращён, а своенравная река во время ледоходов и половодий постепенно уничтожила результаты труда строителей. Через 135 лет вместо водного пути по Анграпе началось строительство более короткого искусственного Мазурского канала.

Анграпа – одна из немногих рек региона, на которых имеются небольшие гидроэлектростанции. Энергию воды люди издавна использовали для работы мельниц. Крупная мельница была построена на Анграпе в Даркемене (ныне Озёрск). Благодаря оборудованию мельницы генератором электроэнергии Даркемен в 1886 году стал первым городом в Германии, получившим уличное освещение. И сегодня в Озёрске действует малая ГЭС, мощность которой составляет 500 кВт.

Природа долины Анграпы и сама река привлекают любителей водных сплавов на байдарках и надувных плотах. Неподалёку от пос. Веселовка река даже позволяет проводить традиционные соревнования по гребному слалому. Во время сплава по Анграпе до г. Черняховска на пути встретятся препятствия: остатки гидротехнического сооружения – плотины между пос. Константиновка (Путятино) и Жучково, а также подпорная плотина в северной части г. Черняховска.

Самые крупные населённые пункты вдоль Анграпы на территории Калининградской области – это города Озёрск и Черняховск.

Отсутствие судоходства способствовало сохранению Анграпы как водоёма, богатого рыбой. Ещё в древних летописях говорилось о необыкновенных уловах угря, в том числе, в самом верховье реки. Да и происхождение названия реки считается связанным с этим видом рыбы: угорь – *angurgis* (древне-прусск.), *ungurÿs* (лит.). Сейчас рыбные богатства реки формируются естественным путём, а ещё 140 лет тому назад зарыблению бассейна Анграпы способствовала небольшая станция по разведению рыбы в Погриммене (пос. Осипенко, 7 км от Озёрска) на правом притоке Анграпы – речке Вике длиной 26 км). Например, с 1872 по 1880 годы было выращено 20 000 мальков лосося, 150 000 мальков форели, а также мальки других видов рыб.

Сейчас в реке Анграпе встречаются как обычные для водоёмов Калининградской области виды рыб, так и редкие: голян (*Phoxinus phoxinus* L.), подкаменщик обыкновенный (*Cottus gobio* L.), голец (*Barbatula barbatula* L.), минога речная (*Lampetra fluviatilis* L.), минога ручьевая (*Lampetra planeri* Bloch.). Наблюдения свидетельствуют о заходе в реку на нерест лососевых видов рыб – балтийского лосося и кумжи, которые предпочитают неглубокие участки с сильным, но не слишком бурным течением, песчано-галечным или мелко каменистым дном.

В 2014 году продолжены работы по восстановлению популяции балтийского осётра, основным направлением международных работ также были совместные польско-литовские экспериментальные выпуски молоди осётра в бассейне реки Анграпы. Выпуск осуществляется в рамках разработки совместного Российско-Польского Плана по восстановлению популяции осётра в Балтийском регионе.

Перед выпуском молоди в Анграпу каждая рыба получила электронную метку. Благодаря этому специалисты смогут отслеживать ход рыбы сначала на территории Польши. По мере перемещения осётра мониторинг продолжат калининградские ученые. Эта работа позволит ученым отработать методику слежения за осетром и определить водоемы, пригодные для зарыбления. Совместные усилия – залог восстановления популяции осетра в Балтийском регионе в перспективе.

По материалам статьи с сайта НФ «Исток» https://istok39.ru/reka_angrapa

А мы продолжим знакомство с Озёрским районом, по которому пролегает большая часть пути реки Анграпа.

От посёлка Ульяновское через Озёрск, где задержимся на его улицах, зайдём в местный краеведческий музей, отправимся ближе к загадочной Роминте.

Озёрский район сохранил, правда в различной своей степени, присутствие когда-то имений образцово-показательных сельскохозяйственных предприятий и конных заводов по селекции чистопородных лошадей мирового уровня.

В 4,5 км от Озёрска, буквально на подъезде к нему, невозможно не заметить пустующие уже более десяти лет комплекс зданий бывшего конезавода... Этот комплекс представляет собой в плане каре с постройками из красного кирпича и черепичной крышей. В послевоенные годы комплекс использовался в качестве скотного двора.

Итак, недалеко от Озёрска (бывшего Даркемена/Ангераппа) в посёлке Львовское находилось поместье Гудваллен, на территории которого в загородном конном заводе разводили известную тракененскую породу лошадей.

Landgestüt Gudwallen, O.-Pr.

Известно, что с 1903 года ландшталмейстером завода служил Арнольд фон Шлютер. Здесь же жила его семья, родились дети, а несколько ранее 15 сентября 1894 года в Гуште, в Ноймарке родилась дочь, будущая художница и немецкий скульптор-анималист, Эдит фон Санден-Гуя (Edith von Sanden-Guja).

Walter von Sanden-Guja (1888 – 1972)

Edith von Sanden-Guja (1894 – 1979)

Выйдя замуж за немецкого писателя, натуралиста и поэта Вальтера фон Санден-Гуя в 1914 году, в поместье которого в Кляйн-Гуя (имение больше не существует) юная Эдит создаёт творческую студию, а в 1938 году принимает участие в Большой немецкой художественной выставке с тремя своими работами. Вальтер и Эдит тесно были связаны с Кёнигсбергом – он в этом городе издал книги, среди которых «Гуя – птичье озеро», «На тихих

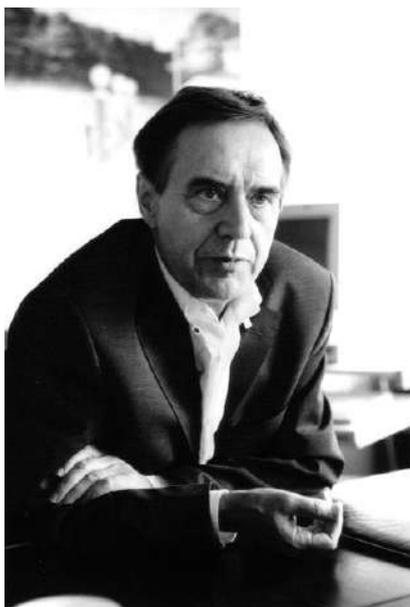
тропинках», «В смене времен года», «Das gute Land» (Хорошая земля), «Инго – история моей выдры», «Озеро семи островов», «Kleine stille Welt» (Маленький тихий мир), «Притчи и маленькие истории», а она изучала искусство. Своим творчеством они дополняли друг друга – она иллюстрировала его книги, а он обогатил свою коллекцию моделей птиц бронзовыми скульптурами работами жены.

После Второй мировой войны супруги осели в Нижней Саксонии в Хюде. В 2011 году в их честь была названа средняя школа Лемфёрда – в память о Вальтере фон Санден-Гуя и его жене Эдит – Von-Sanden-Oberschule Lemförde.

Отец Эдит Арнольд фон Шлютер с 1910 года в Нойштадте / Доссе в Бранденбурге становится ландшталмейстером конезавода, а в 1912 году уходит окончательно с государственной службы, чтобы заняться собственным коневодством в поместье Швайнерт на реке Варте (Schweinert a. d. Warth), которое он приобрел ещё в 1894 году.

В 2000-х годах в Гудваллене дважды побывал немецкий тележурналист и автор научно-популярной литературы Вольф фон Лоевский. Ему удалось сделать многочисленные кинокадры бывшего имения, которые были включены в его фильм о Восточной Пруссии на основе его же книги «Мой дом – твой дом: с Вольфом фон Лоевски через Восточную Пруссию» (2008).

Вольф фон Лоевский родился 4 июля 1937 года в Берлине, будучи сыном журналиста, редактора и писателя Эриха фон Лоевского (1909-1970), он жил и рос с 1937 по январь 1945 годы в семье своей матери в Восточной Пруссии, которая владела большим поместьем в Посегнике (пос. Зори Правдинского района). Эрих фон Лоевский в Берлине познакомился со стенографисткой Рут Урсулой Эрдманн (Ruth Ursula Erdmann, 1915-1998). В результате этих отношений родился сын Вольф, когда мальчику исполнилось шесть лет, Эрих фон Лоевский переезжает в имение родственников матери сына. Брак между родителями состоялся лишь только в январе 1944 года, после оформленного развода от первого брака отца.

Поместье Гудваллен было одним из широко известных и часто посещаемых имений в Восточной Пруссии. В нём хранились ценные художественные сокровища, такие как античные статуи и картины эпохи Возрождения, которые исчезли после 1945 года.

В 1924 году на 100-летие образования образцового конезавода Гудваллен с почестями встречали генерал-фельдмаршала Августа фон Макензена.

Германский военачальник, участник Франко-прусской войны, в ходе Первой мировой войны был главнокомандующим силами Четверного Союза на Балканском театре. Вступил в Мировую войну во главе 17-го корпуса, который был оставлен на Восточном фронте для обороны Восточной

Пруссии. В ходе этой операции 17-й корпус понес тяжелые потери при Гумбиннене, но потом удачно действовал в Танненбергском сражении.

Во время Варшавско-Ивангородской операции А. фон Макензен возглавил группу, наступавшую на Варшаву, и смог нанести поражение 2-й русской армии, что позволило немцам добиться стратегического успеха в операции. В ходе Лодзинской операции и Битвы на четырех реках он уже командовал всей 9-й германской армией. За свои победы в Галиции А. фон Макензен получил чин фельдмаршала.

Осенью он принял командование всеми войсками Четверного союза, действовавшими против Сербии. За два месяца германским войскам удалось полностью разгромить сербские армии и оккупировать Сербию. После этого возник Салоникский фронт, где Четверному союзу противостояли уже войска Великобритании и Франции. В дальнейшем Макензен продолжал руководить операциями на Балканах до окончания войны.

После перемирия на Салоникском фронте был интернирован французами и вернулся в Германию только в 1919 году. В 1920 году официально вышел в отставку.

В период Веймарской республики Август фон Макензен участвовал в деятельности ветеранских организаций. Поддерживал Гинденбурга на выборах 1932 года. В политике не участвовал, оставаясь приверженцем монархии (в 1941 году принимал участие в похоронах Вильгельма II в Нидерландах).

В период «Третьего рейха» был важной фигурой для нацистской пропаганды, поскольку олицетворял связь между Германской империей и нацистским государством. При этом не был нацистом и не поддерживал политику Гитлера в отношении церкви и населения оккупированных территорий. Августа фон Макензена нельзя назвать великим полководцем, по сути дела он таковым и не был.

Это был, скорее, вождь армий, за которым шли, и которому подчинялись. Макензену удавалось улаживать все трения между союзными войсками и их начальниками. В его армиях одинаково хорошо дрались и немцы, и венгры, и болгары, и турки. И одерживали победы, хотя на других фронтах все кроме германцев чаще терпели поражения. Видимо, это же самое умение ладить с людьми и подняло Макензена по служебной лестнице, несмотря на отсутствие какого-либо официального военного образования.

Макензена как военачальника отличала прямолинейность действий, ставка на грубую силу и натиск в тактике, на постоянное давление (но с переносом усилий с одного пункта на другой) и на преследование в стратегии. Как только ему встречался сильный и упорный противник, Макензен останавливался, терял время и нередко терпел поражение. Так был и под Гумбинненом, и под Лодзью, и под Болимовым. Но при этом он не терял уверенности в себе и в своих войсках, а также веры в победу. Храбрость и оптимизм его не покидали.

В общем, Август фон Макензен не был самым сложным противником. Победить

его было не сложно, но противники с 1915 года ему попадались слабые, неуверенные в себе, задавленные материальными, политическими и кадровыми проблемами. Они просто не выдерживали натиска.

Поместье Гудваллен с потерями пережило боевые действия – правое крыло с залом господского дома сгорело 23 января 1945 года, 21 и 22 января здесь находился один из многих немецких боевых пунктов.

В бывшем административном здании имения сейчас находится детский сад, у которого была отремонтирована кровля силами уроженца Инстербурга Хайнца Хохмайстера из Деллингена в Нижней Саксонии на пожертвования из Германии.

В посёлке Львовское сохранилось несколько хозяйственных построек, ряд жилых домов. В здании бывшей молодёжной туристической базы начала XX века долгое время располагался Дом культуры, а сейчас – библиотека.

По материалам статей с сайтов www.ostpreussen.net www.istoriya-kg.ru www.de.zxc.wiki www.prussia39.ru

Много времени в королевских конюшнях Гудваллена проводит немецкий художник, портретист Франц Крюгер. Он работал не только при Королевском дворе Пруссии, но и при Императорском дворе России. Написал множество портретов августейших особ. Блестящая техника соседствовала у Крюгера с безупречным вкусом и огромной работоспособностью. Преподавал живопись в Берлинской академии архитектуры.

Крюгер учился в художественной школе при берлинской Академии художеств, откуда его исключили за постоянное нежелание рисовать гипсовые модели – ему было скучно этим заниматься. После исключения из школы Франц отправляется «в свободное плавание»: он начинает заниматься рисованием сам.

Франц Крюгер был искусным всадником и страстным охотником, и не случайно сюжеты для своих первых картин он находил в придворных королевских конюшнях и на охоте. Особенно хорошо ему удавались лошади, прорисованные до мельчайших деталей и получающиеся очень живыми на его картинах. За виртуозное изображение лошадей Франц Крюгер получил от своих приятелей прозвище «Pferde Krueger» – «Лошадь Крюгер».

В 1818 году Франц Крюгер впервые представил свои работы на выставке берлинской Академии художеств – эскизы лошадей, охотничьи и батальные сцены. После этого он нашел заказчиков в лице прусского принца Августа и графа Гнейзенау.

Он написал конные портреты своих новоявленных покровителей, которые принесли ему большой успех. Настолько большой, что в 1824 году Франц Крюгер получил заказ на создание 18-ти портретов членов семьи прусского императора Фридриха Вильгельма III, а в 1825-м император назначает Крюгера придворным художником с титулом королевского профессора.

Вскоре живописец получил заказ на портрет императора Николая I и создал масштабное полотно, ныне известное как «Парад в Берлине».

В том же 1831 году по заказу русского императора Николая I Крюгер создал один из самых замечательных своих конных портретов – портрет Фридриха Вильгельма III. Портрет императора-союзника России в войне против Наполеона был предназначен для Военной галереи 1812 года в Зимнем Дворце. Чуть позже, в 1837 году, Франц Крюгер пишет второй знаменитый **конный портрет императора Александра I**, неожиданного умершего в 1825 году. Сейчас парадные портреты государей-союзников: Александра I и Фридриха Вильгельма III кисти Ф.Крюгера занимают в почетное место в военной галерее Эрмитажа.

Поездки в Россию (в Санкт-Петербург) стали для Франца Крюгера регулярными. Он посещал российскую столицу каждые два года и работал при российском дворе – писал парадные портреты членов семьи российского императора и приближенных. За свою работу художник удостоился новой милости от Николая I (недаром художник был его любимцем!) и своим указом российский император наградил Крюгера орденом Святой Анны второй степени.

Как ни печально, но блестящего живописца погубила любовь к конной охоте. В январе 1857 года Франц Крюгер простудился во время охоты и вскоре умер. В последний путь живописца провожал пышный кортеж из нескольких десятков экипажей, среди которых были и придворные. Безутешным наследникам художник оставил огромное по тем временам состояние – 750 000 марок, а мировой культуре более 5000 картин.

По материалам статьи «Известные люди: Крюгер Франц: Любимый художник Николая I».

Источник: <http://www.goldmustang.ru/magazine/heroes/people/3917.html>

В извилистых долинах реки Анграпы на её высоких берегах располагались многочисленные древние оборонительные сооружения и селения надравов.

Знакомя с седым прошлым Озёрского района – периодом покорения земли Надровии орденскими братьями, мы упомянули о замке Гребин, основанного в 1360 году для прикрытия брода через реку Ангерапп.

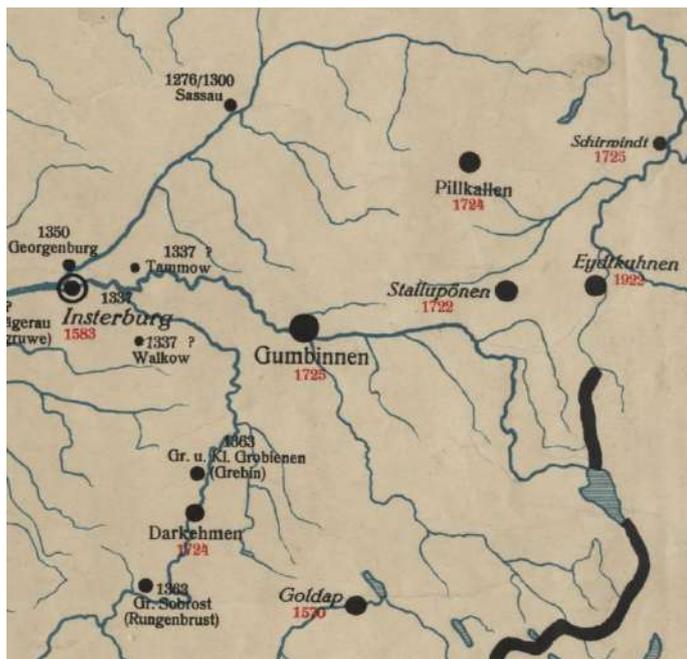

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 006841
Angerapp, Stadt, Kreis Angerapp, MT15098-6. Partie an der Angerapp. (1900-1912), ©

Освоение земель верхнего и среднего течения реки Ангераппы давалось рыцарям Тевтонского ордена с большим трудом. Закрепиться в этих местах им было как важно, так и сложно. Пруссы сопротивлялись яростно и упорно. Враждебное окружение и частые набеги литовской конницы изнуряли небольшие

орденские гарнизоны. Первые попытки поставить здесь свои укрепления заканчивались неудачей. Наконец, в 1363 году в Гробинене рыцарям удалось построить "Орденхауз", то есть укреплённый дом, напоминавший крепость. Но вскоре его пришлось покинуть, ввиду отдалённости от баз снабжения и отсутствия приличных дорог.

Сейчас едва ли кому-то удастся самостоятельно найти следы тевтонского укрепления в нынешней Малой Климовке. Поселок просуществовал до начала 80-х годов XX века. Даже сам посёлок не на всякой карте можно было обнаружить. А находился он, примерно, в 5 км от Озёрска на север вдоль реки Анграпы, вниз по течению, но подобраться к этому месту лучше по просёлочной дороге со стороны посёлка Новогурьевского.

По поводу прусского названия "Гробинен" калининградские краеведы Алексей Губин и Виктор Строкин предлагают две версии. Первая версия – производит название от общего славяно-балтийского слова "гроб". Такое толкование чрезвычайно мрачно и наводит на невесёлые мысли. Другая версия основывается на сходном прусском слове "гробие", что означает "кишка".

Тоже звучит не очень благозвучно, но ведь в этом месте длинный и извилистый рукав реки действительно напоминает кишку. Сведения о пограничном укреплении

Гребин, построенном для прикрытия брода через реку Ангерапп, скупы и противоречивы.

А. Бётихер пишет: "В Гросс Гробинене находилась орденская крепость Гребин, основанная комтуром Бальги в 1360 году (5 километров северо-северо-восточнее Даркемена). Холлаг в 30-е года 20 века отмечал, что Kaliksberg – насыпной холм высотой 100 метров западной поместья – "на сегодня большей частью уже сглажен". Однако прусский исследователь Бем сомневается в том, что холм – это остатки оборонительного сооружения.

Во время немецкой колонизации района Гердауена в средних веках южнее Даркемена прибыли переселенцы и осели у реки Ангераппы возле Соброста.

Город Озёрск – Даркемен/Анграппен

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 006641
Darkehmen, Kreis Darkehmen, MT15098-6. Ortsansicht I. (1890-1910), © Otto Ziegler, Königsberg

Первые упоминания местечка, о котором пойдёт речь, относится к 1539 году. Но в старинном реестре было записано и признано только то, что 30.11.1604 г. некий Ганс Ленгник приобрел право на трактир в Дореххайме (Даркием). В Даркиеме был единственный переход через Ангерапп для дороги в Голдап, а

Голдап, кстати, был основан ещё в 1570 году.

Название Даркием (Даркайм) чисто прусского происхождения и переводится оно двояко: либо как «Подворье Даргиса», либо как «Пока ещё двор». В дальнейшем название местечка трансформировалось в Даркемен (Darkehmen). Первая церковь в посёлке была поставлена в 1615 году, первый священнослужитель Иоганн Грос пришел сюда из Тремпына и основал церковную школу, на базе которой впоследствии были созданы начальные школы.

Две шведско-польские войны XVII века, которые прошли по территории Восточной Пруссии, и эпидемия чумы начала XVIII века изрядно подкосили население. Опустело порядка десяти тысяч дворов.

Тогда король Пруссии Фридрих Вильгельм I приглашает колонистов из немецких земель: Пфальц, Саксонии, Нассау, Вюртембурга, а также из Швейцарии.

Нашли здесь пристанище и около 100 протестантов из Зальцбурга, изгнанные оттуда по религиозным мотивам. Эти переселенцы оказались людьми экономными, трудолюбивыми и богобоязненными. Многие из них были ремесленниками, торговцами и работниками фабрик.

По материалам статей Алексея Губина и Виктора Строкина из книги «Крепости и замки Восточной Пруссии», Эриха Вайзе из книги "Handbuch der historischen Staetten Ost- und Westpreussen" и с сайта www.ostpreussen.net

«Ранним утром среды 8 августа 1731 г. на территории Зальцбурга – земли, входившей, как и Пруссия, в состав Священной Римской империи, – творилось нечто небывалое. Едва утреннюю дымку прорезали первые лучи солнца, экспедиционный корпус императора, состоявший из 3000 всадников и 600 человек артиллерийской прислуги, вторгся в пределы зальцбургской земли. Были перекрыты все перевалы и дороги; солдаты заняли деревни, и там начались обыски. В домах горцев-крестьян искали Библии в переводе Лютера. После массовых обысков 74 приверженца лютеранского вероисповедания были доставлены в архиепископскую тюрьму города Зальцбурга.

Неслыханное, почти невероятное происшествие! Со времен окончания Тридцатилетней войны еще никогда в германские земли не вводились войска для преследования иноверцев. Известие об этом как вихрь разнеслось по всей Европе. Министрам Генерального управления в Берлине о зальцбургском инциденте тоже стало известно; в конце концов, Пруссия – главная протестантская страна империи. Министры поспорили о способах помочь гонимым братьям по вере и сошлись во мнении: надо написать письмо и отправить его королю, находившемуся в Потсдаме.

Утром 21 августа король-солдат прочёл письмо от министров и гневно ударил кулаком по столу. Успокоившись, король дочитал послание до конца: министры Грумбков, Фирэк, Гаппе и Фибан осторожно (все, связанное с расходами, вызывало у короля ужас) спрашивали, могут ли быть приглашены в Пруссию некоторые из гонимых единоверцев. *"Хорошо! Прекрасно!"* – вырвалось у короля.

Он схватил перо и написал на полях письма: *"Если можно пригласить только десяток семей, тогда хорошо; если можно получить тысячу семей и больше, то еще лучше!"* Затем он продиктовал приказ по Генеральному управлению:

официально заняться переселением зальцбургских протестантов в Пруссию.

Эту дату, вторник 21 августа 1731г., надо запомнить обязательно: с королевской резолюции на полях началась самая значительная акция из всех известных к тому времени выступлений в защиту прав человека и свободы совести.

И в тот же день началось уже давно запланированное Фридрихом Вильгельмом наступление на Восточную Пруссию. Заселение этой провинции колонистами и ее освоение станет главным предметом постоянных забот короля в последнее десятилетие его жизни.

Естественно, он заступался за братьев по вере как главный член евангелических имперских сословий, как протестантский монарх. Пропагандистская и дипломатическая война того времени проходила так же, как и сегодня, и двигали ее тоже религиозные убеждения. И за свободу совести Фридрих Вильгельм выступал абсолютно серьезно. Но особенностью, характеризующей этого монарха наиболее ярко, было то обстоятельство, что он связывал религиозные вопросы с экономическими.

Фридрих Вильгельм I видел свою королевскую обязанность, наряду с созданием "ужасной" армии, в развитии экономики и подъеме уровня жизни "нижних слоев", крестьян и бюргеров. В этом, коротко говоря, был смысл всей его хозяйственной и социальной политики. К "благодетельности" такая политика отношения не имела; в конечном счете дело касалось судеб налогоплательщиков, от которых государство могло что-либо получить лишь тогда, когда оно их защищало, а также поощряло их труд. И главной проблемой этой политики многие годы оставалось "безлюдье", редкое заселение страны.

Bild 8. Denkmal des Königs Friedrich Wilhelm I. vor der Regierung in Gumbinnen, gestiftet 1824 zur Hunderthjahrfeier der Stadt (aus Stickles/Goldbeck, Gumbinnen in Ostpreen).

Последствия Тридцатилетней войны, до сих пор заставлявшие страдать Бранденбург и Померанию, усугубились страшной чумой, в течение года унесшей почти все население Восточной Пруссии и разрушившей хозяйство этой провинции.

Рис. 1. Титульная страница книги «История эмигрантов или изгнанные лютеране из епископства Зальцбурга», Лейпциг, 1732 г.

Фридрих Вильгельм считал людей главным богатством своей страны. Но где же было их взять? И королю-солдату вспомнился опыт его прославленного предка, Великого курфюрста, старавшегося привлечь в свою страну иммигрантов из стран с более высоким уровнем развития экономики и культуры (из Нидерландов, к примеру).

Подобную политику продолжил и

внук. Великий курфюрст взял под защиту гонимых по религиозным и политическим мотивам гугенотов-французов; Фридрих Вильгельм продолжил традиции веротерпимости. Он пытался по-хозяйски совместить два блага: покровительство гонимым и их защиту с пользой и выгодой для собственного государства.

Смесь терпимости и хозяйственности ярко иллюстрирует письмо короля к генерал-фельдмаршалу графу Зекендорфу (австрийский особый посланник, опытный коварный шпион императора), где он пишет о переселенцах: *"Если приедут еще 30000, у меня места хватит. Расходы на них, между нами, не очень велики; зато я смогу заселить свою безлюдную страну"*».

Фрагменты из книги Вольфганга Фенора «Фридрих Вильгельм I».

Ещё во время конференции 1723 года в городе Рагнит (г. Неман) было принято решение повысить статус некоторых поселений до городского, но для этого в Даркемене необходимо было построить мельницу, пивоварню, три десятка новых домов и переправу через реку Ангерапп. Несмотря на то, что мельница возле запруды на пересечении дорог была довольно значительна, Даркемен всё ещё

оставался деревней.

На строительство необходимой мельницы в 1723 году король даёт деньги с условием постепенного их возврата. Мельница принадлежала королевской службе Гудваленна, а в 1725 году была подарена королём Даркемену, уже как городу.

К 1725 году всё было готово к визиту короля Фридриха Вильгельма I – королевская пивоварня, мельница и работал мостовой паром. В сентябре поселение получило статус города, а 10 января 1726 года пришел патент от короля с правами города, а также печать и герб.

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 034093
Darkehmen, Kreis Darkehmen, MT15098-6.
Marktplatz V (Markttag?). (1900-1930), © A. Otto Paul, Darkehmen

Личный архитектор короля Иоахим Людвиг Шульцхайс фон Унфридт составил регулярный план города вокруг большой торговой площади размером в 13 моргенов (один морген равен 0,25 гектара) с выложенными в виде сетки улицами. Рыночная площадь стала центром не только города, но и всей обширной сельскохозяйственной окрестности. В городе на реке Агерапп торговали зерном, регулярно проводили конные рынки.

По материалам статей Алексея Губина и Виктора Строкина из книги «Крепости и замки Восточной Пруссии», Эриха Вайзе из книги "Handbuch der historischen Staetten Ost- und Westpreussen" и с сайта www.ostpreussen.net

«С 1723 года по Указу короля Фридриха Вильгельма I задачей Генерального управления должна, безусловно, стать политика меркантилизма, то есть необходимо задействовать все экономические силы страны для усиления государственной власти. На практике это означало: 1) поддержку со стороны государств внешней торговли для сохранения активного торгового баланса; 2) поощрение государством процесса индустриализации (то есть мануфактурного производства); 3) инициативы государства по расширению торговли и развитию транспорта в Пруссии.

Деньги, этот "нерв вещей" национальной экономики, непременно должны оставаться в стране. Поэтому следует привлекать как можно больше иностранных денег. Вывозить за границу сырье, а потом ввозить оттуда за безумные деньги, сделанные из того же сырья товары – вот глупость! Просто преступление!

Тот, кто будет вывозить, например, необработанную прусскую шерсть, должен

подвергаться огромному штрафу. Никакой шерсти – только готовое сукно! А постоянные указания на то, что всю шерсть обработать в собственной стране невозможно, – пустая болтовня.

*Bild 5. Salzburger Emigranten erreichen die preußische Grenze.
(Holzstich von F. Unzelmann und H. Müller nach Adolph von Menzel)*

Господам министрам следует позаботиться о том, чтобы в Пруссию приехало как можно больше иностранных суконщиков. Он, Фридрих Вильгельм, оплатит их переселение и на свои деньги купит им ткацкие станки. Речь идет об экономической независимости государства. Только так Пруссия и сможет двигаться вперед. И вообще, при оценке каждого нового проекта впредь следует задаваться вопросами: а) "сколько это стоит?" и б) "что это даст?" Только на то, что сулит верную прибыль, и следует обращать внимание. Все остальное избыточно и вредно; все остальное –

блажь.

Генеральное управление взяло власть в свои руки. Политика централизма одерживала все новые победы.

Маленькая, отсталая Пруссия, население которой в 1723 году едва ли составляло два миллиона человек, в течение двух веков стала одним из сильнейших государств мира.

И одной из важнейших причин тому явилась, несомненно, та самая "Инструкция", написанная королем-солдатом 20 декабря 1722 года. В мгновение ока она превратила страну в современное европейское государство. И более того: триумф капитала, особенно в Англии, Голландии, Северной Америке, вел лишь к обогащению господствующих слоев населения, способствуя, в конечном счете развитию империализма и колониализма. В то время как "государственный социализм" Фридриха Вильгельма I создавал все условия для превращения Пруссии (а затем и Германии) через двести лет в безупречно организованное, а главное "социальное государство" в мире».

Фрагменты из книги Вольфганга Фенора «Фридрих Вильгельм I».

Оживлённая иммиграция ремесленников всех специальностей, особенно кожевников и суконщиков, привела к расцвету Даркемена.

В новом городе при первой переписи в 1728 году насчитали 60 граждан (без детей и жен), из которых было: 57 немцы, 2 француза и 1 поляк.

В 1725 году в Даркемене было 742 жителя (из них 103 человека из Зальцбурга, несколько французов), довольно скоро стало процветать ткацкое и шерстяное производство. Количество зальцбуржцев быстро росло – в 1756 году их было 183 из 1007 жителей. В 1769 году была открыта суконная фабрика, в 1784 году – красильная фабрика, а в 1785 году – фабрика по производству изделий из тонкой кожи. Но этот период расцвета длился не очень долго.

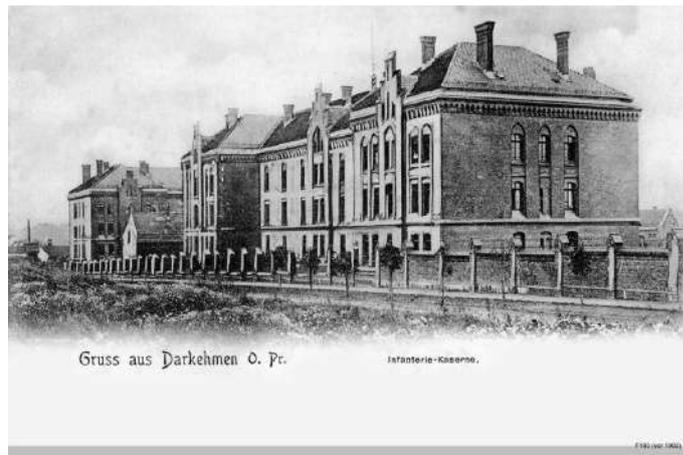
После освободительных войн Наполеона производство тканей переместилось на другие промышленные предприятия.

Ремесленное производство 18 века не смогло удержаться в Даркемене после освободительных войн 1813-1815 годов ввиду проникновения западногерманских товаров. В округе Даркемена стали господствовать сельскохозяйственные имения, которые получили известность во всём мире развитием коневодства.

Вскоре, после возведения в статус города, Даркемен получил гарнизон, сначала с гусарами, с 1740 года – с драгунами, Зиетенский драгунский полк, а затем к гусарам присоединились и боснийцы, Боснийский полк. С 1796/97 года в Даркемене размещался батальон 59-го пехотного полка, а с 1902 года и до окончания Первой мировой – 1-й батальон 45-го пехотного полка из Пайцена. Тогда же в городе базировался и гусарский полк фон Приттвица. Строительство казарм было завершено в 1882 году.

В 1807 году в городе останавливался прусский король Фридрих Вильгельм III вместе с императором России Александром I, в 1812 году – французские маршалы Ней и Даву, при этом Даркемен, как и большинство других муниципалитетов, сильно пострадал от режима французской оккупации.

1 сентября 1818 года в ходе прусской административной реформы Даркемен был преобразован в уездный город, представители власти и бизнеса обосновались здесь в последующие десятилетия: районный суд, районная больница, производство изделий из латуни, машиностроительный завод, чугунолитейный завод...

По материалам статей Алексея Губина и Виктора Строкина из книги «Крепости и замки Восточной Пруссии», Эриха Вайзе из книги "Handbuch der historischen Staetten Ost- und Westpreussen" и с сайта www.ostpreussen.net

В районе города Озёрска, в глубоко прорезанной долине, река Анграпа течёт довольно быстро, с одной её стороны крутой склон, с другой – пологий подъём. Ещё в 1-й половине 18 века в Даркемене, благодаря мельничной запруде, существовали различные мукомольные предприятия. Как уже известно, первая мельница была построена в 1723 году на деньги короля Фридриха Вельгельма I,

принадлежала она королевской службе Гудваленна.

В 1725 году мельница была подарена королём городу – в тот же год, когда были дарованы права городу.

В 1900 и 1902 годах были построены две новые мельницы, которые в то время были очень современными и считались одними из крупнейших мельниц в провинции. Даркемен, в основном, развивался вокруг мельницы и множество лет здесь качественно мололи муку.

Скорость течения реки Ангерапп – так называлась река Анграпа в довоенный период – несомненно, была важным

условием для того, чтобы небольшой городок Даркемен в 1880 году получил первую в Восточной Пруссии гидроэлектростанцию.

Впоследствии в 1886 году здесь было введено „электрическое освещение с помощью полых стеклянных ламп“, которое стало одним из первых электрических уличных освещений в муниципалитетах Германской империи – в Восточной же Пруссии первое, раньше, чем в Кёнигсберге.

Инициатором была „Мельница Вихерт“, которая построила собственную электростанцию и одновременно производила электроэнергию для общины.

Рихард Вихерт был потомственным мельником, рядом с собственной мельницей он построил и свою виллу, и виллу для гостей. Мельница Вихерта считалась одной из технически

современных мельниц в Восточной Пруссии, которая выдавала первосортную дешёвую муку, экспортируемую в Швецию.

В начале Первой мировой войны Рихард Вихерт выкупил сгоревшую соседнюю мельницу, работавшей от электростанции самого Вихерта. Он переделал её в обдирную мельницу (крупорушка), где в основном производились овсяные и ячменные полуфабрикаты – они пользовались большим спросом, чем пшеничные и ржаные, выпускаемые другими предприятиями.

Рихард Вихерт передал эту крупорушку под управление своему младшему сыну Ульриху, приобрёл для него и красивый дом около мельницы, когда тот женился.

Но младший сын не уделял мельнице много внимания так как, работал учителем в школе и не захотел покидать любимую работу.

Тогда Р. Вихерт отправил своего старшего сына учиться мельничному мастерству. В начале 1920-х годов глава семейства решил отойти от дел и передал всё хозяйство старшему сыну Лотару. Лотар был энергичным, умным, участвовал в Первой мировой войне, был взят в плен и до её конца находился в Сибири. После окончания войны им было приложено множество сил для улучшения работы обеих мельниц.

Однажды рано утром крупорушка загорелась. Пожар тушить начали не сразу, потому что сначала начали спасать виллу Ульриха, расположенную в близкой опасности. И только благодаря брандмауэру (сплошной стене), сооружение не сгорело полностью. Мельницу восстановили, оборудовали новыми машинами. Были применены и удивительные для того времени

устройства: на каждой машине было смонтировано оборудование, которое при нагреве до высокой температуры автоматически включал разбрызгиватель холодной воды над ней.

В конце 1930-х годов крупорушка была продана А. Шмидту. В здании организовали пивоваренное производство, разливалась минеральная вода. После Второй мировой войны использовалась как складские помещения, в доме долгое время располагалась детская музыкальная школа, а позже отдел образования администрации, после которого здание осталось заброшенным.

По тексту Августа Васильевича Соловьёва из книги "По следам прошлого г. Озёрска"

На 20 лет раньше Кёнигсберга на улицах города Даркемена появилось освещение, было установлено 16 дуговых ламп, и перед каждым фонарём при первом его запуске играл городской оркестр. Весь народ по этому случаю собрался на улицах в праздничной одежде, только официальный зажигатель фонарей был мрачен. Электроэнергию вырабатывала гидротурбина мощностью 30 лошадиных сил, установленная на 3-метровом перепаде реки Ангерапп, которая дополнительно обеспечивала еще 107 лампочек, горевших в здании магистрата, некоторых гостиницах и престижных общественных домах. Весь мир в то время приехал в маленький восточно-пруссский городок, чтобы оценить эффект новомодного освещения. Затем в 1907 году на рыночной площади была построена городская электростанция, которая выполняла свою задачу до тех пор, пока не была подключена к электросети Восточно-Прусского Акционерного Общества «Ostpreußen-AG».

Вообще-то история с уличным электрическим освещением в Даркемене крайне запутана... Есть версия, что мельница, построенная в 1880 году Вихертом была уже тогда оснащена современными механизмами, которым нужна была помощней энергия, нежели сила падающей воды. Муниципалитет Даркемена выкупает участок земли с мельничной запрудой и строит гидроэлектростанцию с условием поставки электроэнергии современной, рядом стоящей, мельнице Вихерта. Владелец, который слыл нелюдимым в городе, серьёзно занимался модернизацией своих производств, ловко сводил доходы с расходами и посчитал, что сделка с муниципалитетом по поставке электроэнергии ему крайне невыгодна и расторг договор. Тогда вырабатываемое электричество власти города решили пустить в свет – заказали 6 фонарных столбов на местной кузне и запустили уличное освещение. А отказавшийся от услуг муниципальной гидроэлектростанции, Рихард Вихерт стал закупать электроэнергию для своей мельницы в Инстербурге... как такое было возможно, непонятно...

Версию с трудностями в ведении бизнеса с властями Даркемена в конце XIX века передал директор краеведческого музея Акимов Георгий Валерьевич.

В 2000 году гидроэлектростанция вновь была восстановлена, а 9 сентября 2006 года в центре города Озёрск жителями города Дрездена общества «Старый фонарь» установлен памятник первому электрическому уличному фонарю в Восточной Пруссии. Кстати, в коллекции уличных фонарей ещё несколько железных светильников. Один подарен польским городом-побратимом Сопотом, другой – соседним городом Гусевым. А самый необычный изготовлен местными умельцами: часть его много лет назад выросла в старое дерево, затем была извлечена и стала деталью восстановленного по открыткам музейного фонаря. Свою заинтересованность к Озёрску, бывшему Даркемену, город Дрезден проявил не

случайно – он в своё время оказал шефскую помощь по программе восстановления городов Восточной Пруссии, пострадавших в результате боёв Первой мировой войны. Дрезден тогда оказал большую поддержку, например, на средства "Дрезденского союза помощи для города и района Даркемен" был восстановлен бывший отель "Дрезденер хоф".

В Первую мировую войну с осени 1914 года до 10 февраля 1915 года здесь проходила линия Ангерапского фронта. Сильно разрушенный город уже во время войны восстанавливался при помощи города-патрона Дрездена.

В 1922 году восстановительные работы были завершены, и Даркемен приобрел облик красивого города-сада.

Первая мировая пришла сюда вместе с наступлением 1-й русской армии (генерал П. К. Ренненкампф), которая перешла границу 17 августа 1914 года. Уже через три дня она вступила в крупное сражение с противником — 8-й армией (генерал М. фон Притвиц). У Голдапа и Даркемена находился левый фланг сражавшихся, на котором столкнулись 30-я пехотная дивизия генерала Э. А. Колянковского и 1-й резервный германский корпус О. фон Белова. Несмотря на героизм русских солдат, под конец дня немцы потеснили их, однако решительной победы не добились. Ввиду поражения других соединений 8-й армии О. фон Белов был вынужден отступить. Русские войска воздержались от преследования, ограниченные боевые действия вела лишь бригада под командованием генерал-майора С. П. Соколова, которая утром 22 августа взяла город Даркемен.

Война вернулась в эти места в сентябре 1914 года, когда 1-я русская армия поспешно отступала из Восточной Пруссии. Противник превосходящими силами ударил по ее левому флангу, пришлось задействовать все наличные силы, чтобы не допустить прорыва. У Даркемена находилась одна из линий обороны. Здесь располагались резервные 54-я и 72-я пехотные дивизии, рядом вели

бои части 4-го армейского корпуса (генерал Э. Х. Алиев), а также правый фланг героического 2-го корпуса (генерал В. А. Слюсаренко).

Недалеко находились и дивизии 20-го корпуса (генерал В. В. Смирнов). Несколько дней на подходе к городу шли упорные бои, и лишь вечером 11 сентября немцы смогли войти в город. Зимой 1914–1915 годов линия фронта снова приблизилась к городу, но войти в него русские войска так больше и не смогли.

Город Даркемен (Озерск) в годы Первой мировой войны был разрушен практически на 90%. Лишь не большое количество зданий уцелело.

Ещё в 1878 году район Даркменена был присоединен к железнодорожной сети в результате строительства соединительной ветки с линией Инстербург–Голдап–Лик.

Трудности с приобретением участка вынудили железнодорожную администрацию открыть железнодорожную станцию для Даркемена в 3 км от города в Стёпкен (пос. Ушаково). Только в 1913 году была открыта железнодорожная линия от Гумбиннена до Ангербурга через Даркемен.

Хотелось бы отметить, что в конце 80-х годов XIX века в Даркемене печатались две газеты: с 1886 по 1914 годы "Даркемер цайтунг", с 1887 по 1916 годы "Даркемер Анцайгер. А с 1917 по 1924 годы в округе читали газету "Даркемер Крайсцайтунг".

Заметим, что в 1938 году административный центр округа Даркемен был первоначально переименован в Даркейм, а затем после протестов граждан – в Анграпп.

По материалам с сайта www.ostpreussen.net и энциклопедического словаря «Малые города Калининградской области».

В глубоко прорезанной извилистой долине реки Анграпы лежит город Озёрск и, благодаря надежной защите от ветров окружающими его холмами, обладает особым, благоприятным микроклиматом. Живописность района с многочисленными озёрами и холмами вдоль реки Анграпа, отражая всю природную красоту малоизвестного уголка нашей области, передаёт и главный символ района – герб.

Герб Озёрска

Кстати, город Озёрск не имеет собственного герба – герб имеет муниципальное образование "Озёрский район" и представляет собой переработанный в духе современной российской геральдики и унаследованный городом Озёрском древний вид исторического герба Даркемена.

Реконструкцию герба выполнили Григорий Михайлович Лерман и Татьяна Леонидовна Глушкова. В 2006 году герб был утвержден решением Озёрского окружного Совета депутатов и внесен в Государственный геральдический регистр РФ.

Герб Озёрского района передает историю, географию, особенности рельефа местности, поэтому в нем присутствуют солнце и орел, холмы и вода.

Орлу всегда приписывали только положительные качества — силу, зоркость, царственность. Считалось также, что орел способен к обновлению и возрождению. Орел — "царь птиц", символ надежной защиты, великодушия и прозорливости.

Солнце на протяжении многих тысячелетий являлось главным символическим знаком для народов Земли, обозначавшим космос, божество, источник жизни и процветания. Солнце — это символ красоты, богатства и плодородия.

В гербе также отражены географическое положение города Озёрска и ландшафт прилегающего к нему района — холмисто-моренная озерная возвышенная равнина. Здесь протянулась Виштынецкая возвышенность, высота которой — более 200 м над уровнем моря. Для Калининградской области это настоящие горы. Этим объясняется наличие изображения гор в гербе.

Что касается исторических истоков, то, как мы уже успели поведать ранее, по мнению прусского историка А. Бёттихера, в Даркемене имелся искусственно насыпанный холм (Потримпоскалин — гора Потримпса), на котором была расположена корчма "Божественная Троица" — ее входом служили деревянные изображения трех богов (Перкунс, Потримпс и Патолс). Божественной триаде прусских богов были посвящены и три холма, окружавшие деревню Даркемен. На этих же трех холмах лежит и сегодняшний город Озёрск. В гербе цвет холмов белый, что передает их сакральный характер. Располагаясь на заднем плане герба, они напоминают нам о дохристианском прошлом края.

С давних пор Озёрский район имеет сельскохозяйственный уклон, а наличие реки, озёр и множества холмов создает привлекательный для туристов облик.

Цвет изумрудной лужайки герба обозначает аграрную направленность экономики района. Это цвет плодородных полей края. Волнистая водная поверхность в основании герба — отражение современного названия города, многочисленных озёр в этом районе и одновременно это символическое изображение красавицы-реки Анграпы. Здесь же начинается раскинувшаяся к югу Мазурская озерная страна.

Гербовый щит венчает золотая башенная корона о пяти зубцах. Корона является символом муниципального статуса в Российской Федерации. В данном случае это "корона городского округа", а не города Озёрск.

По материалам статьи Григория Михайловича Лермана «Герб Озёрска» из энциклопедического словаря «Малые города Калининградской области».

На заключительном этапе Белорусской стратегической наступательной операции в боях за Восточную Пруссию одним из ключевых пунктов обороны противника являлся город Даркемен (с 1938 г. — Анграпп). Войска 2-й гв. армии вышли к даркеменскому узлу обороны вечером 20 января 1945 года в составе двух стрелковых корпусов — 11-го гвардейского генерал-майора Б. Арушаняна и 60-го корпуса генерал-майора А. Люхтикова, прорвав сильную оборону противника в западнее пос. Вальтеркемен (сейчас — Ольховатка). Полки 32-й гв. стрелковой дивизии генерал-майора Н. Закуренкова, преследуя отступающие части 2-й парашютно-танковой дивизии «Герман Геринг», подошли непосредственно к самому Даркемену.

Город являлся точкой сбора разбитых в районе Вальтеркемена частей и был запружен большим количеством беженцев, солдат фольксштурма, бойцов 4-го моторизованного полка майора В. Штауха из 2-й дивизии «Герман Геринг», отдельных солдат 21-й пехотной дивизии генерал-майора Г. Гётца. На юго-восточной окраине города – Шиммельхоф (район совр. улиц Багратиона, Партизанской, Строительной) 22 января солдаты 4-го мотополка «Герман Геринг» и небольшой группы из бывшего 16-го парашютно-десантного полка подполковника Г. Ширмера заняли оборону на высоком восточном берегу реки Ангерапп перед мостом через реку, который был предназначен для взрыва (по немецким данным было заложено 2 т взрывчатки).

Рано утром 23 января к Даркемену вышли два стрелковых полка 32-й дивизии: 80-й гв. полк подполковника К. Яковлева и 82-й гв. полк подполковника Г. Носаченко. По немецким позициям был открыт артиллерийский огонь корпусной артиллерии. В этот момент был подорван мост через Ангерапп. Взрыв был такой мощности, что его остатки разлетелись вплоть до рыночной площади. Также на северо-западной окраине города был

взорван железнодорожный мост через Ментуррештрассе (сейчас – ул. Б. Советская). Советские бойцы, встретив на восточной окраине сопротивление, обошли город южнее и ударили в тыл противнику, который во избежание окружения оставил город, бросив большое количество обозов и вооружений. Таким образом, утром 23 января 1945 года город Даркемен был полностью взят советскими бойцами 80-го и 82-го гв. полков, которые немедленно организовали преследование противника.

Ещё осенью 1944 года войска 3-го Белорусского фронта вплотную подошли к Даркемену. Вечером 22 октября от И. Д. Черняховского поступил приказ о взятии города большей частью сил 11-й гвардейской армии. Однако утром 23 октября, когда гвардейцы К. Н. Галицкого уже были в предместьях Даркемена, от командующего поступил новый приказ — провести организованный отход и занять оборону на новых позициях. Подобное

решение И. Д. Черняховского объясняется поступившими данными о прибывших для обороны Даркемена и Голдапа немецких подкреплений.

Даркемен был взят 23 января 1945 года воинами 32-й гвардейской стрелковой Таманской Краснознаменной ордена Суворова второй степени дивизии 3-го Белорусского фронта в ходе Инстенбургской и Кенигсбергской операции.

Командовал дивизией – гвардии генерал-майор Николай Кузьмин Закуренок. За время войны 20 588 воинов соединения Н. К. Закуренкова были награждены орденами и медалями. Одиннадцать гвардейцев стали Героями Советского Союза, семеро – кавалерами ордена Славы трех степеней.

На площади Победы города Озёрска сооружён Мемориальный комплекс. Его история берёт начало с 1949 года. Ещё в 1947 году на территории района было выявлено 5 братских могил и 37 одиночных могил воинов Советской армии, с числом захороненных в них 83 человек: 6 офицеров, 63 сержанта и рядовых и 14 человек неизвестной воинской принадлежности. Сдержав

обязательства по приведению захоронения в надлежащий порядок, в центре города был сооружён железобетонный памятник, устроен сквер, ограждённый цепями, рядом установлена городская трибуна и районная «Доска почёта».

Налаживалась и культурная жизнь города. Отремонтировано здание бывшего драмтеатра (зрительный зал вместимостью до 800 человек) и отдано под районный Дом культуры, в котором в 1948 году состоялся концерт народной артистки РСФСР, лауреата Сталинской премии Любви Орловой. Там же проходили гастроли Псковского государственного областного драматического театра им. А. С. Пушкина. В 1949 году был построен кинотеатр "Победа".

Тогда же было принято решение о сооружении памятника на братской могиле воинам советской армии и устройстве сквера. После этих нововведений главная площадь Озёрска получила свой окончательный вид, сохранившийся без существенных изменений до сегодняшнего дня.

Из экономической характеристики за 1946 год видно, что в районе было примерно 2300 домов, из которых 700 разрушено и восстановлению не подлежит, 1150 домов нуждались в частичном ремонте.

В городе насчитывалось около 400 построек, из которых 186 были уже заселены, 40 непригодны к восстановлению, остальные требовали ремонта.

Молокозавод, литейно-механический, мыловаренный, крупяной, кирпичный заводы и другие предприятия нуждались в проведении ремонтно-восстановительных работ.

В этот период в Озёрске работали МТС, столярная, слесарно-механическая и другие предприятия бытового обслуживания, был смонтирован телефонный коммутатор на 40 номеров. В городе находились две больницы (одна из них для немецкого населения), магазины, амбулатория, средняя школа и начальная школа для немецких детей, в которой обучалось 78 человек.

Отступая немцы оставили город совершенно целым, кроме трех железнодорожных мостов. Мосты восстанавливать не стали, город так и остался без железной дороги, однако, оба вокзала частично сохранились.

До 1945 года железнодорожное движение из Даркемена шло в четырех направлениях: на Инстенбург, Гумбиннен, Гольдап и Ангербург. В одной из заметок газеты "Озёрский колхозник" за 1948 год отмечалось, что из *"Озёрска, крупного железнодорожного узла, поезда будут ходить в разные города области"*. Однако находившиеся на территории района железнодорожные линии протяженностью 60 км требовали восстановления; на железнодорожной ветке Озёрск—Черняховск было разрушено 22 моста, что требовало капитальных вложений, немислимых в послевоенное время. Поэтому железнодорожное сообщение в Озёрске так и не было восстановлено.

Гидроэлектростанция мощностью в 1500 кВт была демонтирована, а мощностью в 350 кВт обслуживала города Озерск, Гусев, 5 совхозов и 2 колхоза.

Летом 1946 года в районе была проведена перепись населения, прописка и выдача временных удостоверений немецкому населению и паспортов гражданам СССР. И если к моменту образования района

насчитывалось 178 советских граждан и 1524 человека немецкой национальности, то к концу 1946 года численность населения возросла до 9096 человек, в том числе колхозников-переселенцев – 6066. В течении 1947-1948 годов немецкое население было депортировано в Германию. К октябрю 1947 года количество жителей Озёрска составляло 1783 человека (в том числе 148 немцев).

Заселение района осуществлялось планомерно, добровольно. Переселенцам, а также демобилизованным воинам и их семьям выплачивалось пособие в размере двухмесячного заработка на каждого члена семьи, оплачивалась стоимость проезда и багажа, выделялось жилье, приусадебные участки в размере 0,3 га на семью, выдавался кредит на покупку скота. Население района размещалось в 153 населенных пунктах и на отдельных хуторах.

Первые переселенцы в Озерский район прибыли из Новгородской и Псковской областей. Как свидетельствуют архивные документы в 1947 году в район переселилось 1730 семей, а к концу 1949 года – 3 447 семей и численность населения составила 16 800 человек. В последующие годы численность населения увеличилась за счет естественного прироста. Как показывают

демографические данные, только за один 1949 год рождаемость в районе составила 684 человека.

«Когда приехал в Озёрск, население района составляло 29 тысяч человек, сейчас – 12 тысяч. Горожан также стало наполовину меньше, – рассказывает Владимир Павлович Нецора приехавший в Озёрск в 1956 году. – Во время Советского Союза у нас работала масса предприятий: «Сельхозхимия», «Сельхозтехника», МТО, ПМК 10, сырный завод.

Один только филиал «РИП» (головное предприятие находилось в Вильнюсе) давал работу 600 озёрчанам. В основном здесь трудились женщины и неплохо зарабатывали: по 300-500 руб. в месяц. Делали печатные платы. В местном техникуме было больше 80 преподавателей, одних механизаторов готовили 20 групп по 25 человек. С распадом СССР всё рухнуло. Мой завод сейчас стоит пустой. Принадлежит чешской компании. Сначала там делали батарейки, потом памперсы, сейчас – ничего. Он выставлен на продажу. Такие площади, электростанция, вода – никому не надо.

Из сельхозпредприятий выстоял только бывший совхоз им. Суворова. Остальная земля поделена. Раньше вокруг Озёрска были огороды. Люди держали свиней и коров. Сейчас скотину позабывали – сена накопить негде. Сырзавод каждое лето принимал от населения 150 тонн молока, отправляли продукцию в Санкт-Петербург. Теперь стоит без окон и дверей».

В 1970 году в Озёрске был отведен участок под строительство и передано безвозмездно здание бывшей мельницы для Озерского филиала Вильнюсского завода радио измерительных приборов (ВЗРИП) имени 60-летия Октября.

За более 20 лет работы под руководством в основном директора Измайлова Александра Сергеевича численность коллектива достигла 700 человек. Успешно выполняя план по выпуску плат печатного монтажа, коллектив шаг за шагом восстанавливал здание, заново построил модуль монтажно-сборочного участка, очистные сооружения, гаражи, столярный цех.

Для рабочих, жителей Озёрска активно строилось жильё. Появились первые жилые дома, общежитие, отдельные коттеджи. Впервые в истории г. Озёрска в 1973 году на сваях было построено здание заводского Детского сада на 150 мест на бывшем пустыре по ул. Дзержинского. Памятным сооружением для стройбригады завода осталась водонапорная башня для города Озёрска. Рабочие впервые осваивали строительство такого типа объекта. Это самая большая водонапорная башня в Озёрском районе. Уникальность её состоит в том, что ствол башни выложен кирпичной кладкой. От башни проведён водопровод по ул. Пограничной до дома №1, на сегодня башня является резервной.

В пригороде Озёрска для завода был построен свинарник на 150 голов, теплица, выделено 50 га земли для подсобного хозяйства. Коллектив завода активно участвовал в благоустройстве города и в его общественной жизни. В постсоветское время здание старой мельницы выкупил гражданин Чехии Бриск и наладил в нем по началу производство памперсов, потом автомобильных свечей марки BRISK. С 2008 года здание мельницы пустует.

Рядом с бывшей мельницей находится, построенная в 1880 году гидроэлектростанция, которая дала толчок развитию города. Во многом из-за войн ГЭС трижды останавливалась, её восстановили в 2000 году и по сей день она продолжает функционировать, имея две турбины общей мощностью в 500 киловатт.

В Озёрске, как и более 100 лет назад, на площади города в том же здании находится почта. А в здании суда сегодня отделение полиции и прокуратура.

Здание городской больницы было построено в 1934 году и с 1935 года по сей день носит имя Фрица Рихарда Шаудинна, родившегося в 1871 году под Даркеменом, немецкого ученого паразитолога, доктора философии, иностранного члена-корреспондента Петербургской академии наук, который совместно с Э. Гоффманном открыл возбудителя сифилиса — бледную трепонему.

А вот дом Густава Корта, построенный в 1903 году, где располагалась корчма (попросту, кабак) под названием "деревенская собака с мотыгой", совсем недавно привели в порядок, однако, рядом стоящий ларёк отвлекает всё внимание от архитектуры нарядной постройки.

Некоторые дома по Программе Фонда капитального ремонта многоквартирных домов привели в порядок, а некоторые – ждут своего часа... благоустроен парк отдыха «Заречный».

Одна из главных проблем города Озёрск – это отток населения. За последние 10 лет население уменьшилось практически на 20% – люди уезжают из-за отсутствия работы. К началу XXI века население города перевалило за 6000 человек, сегодня здесь прописан 3821 человек, а фактически проживает ещё меньше...

Озерский муниципальный округ является пограничным районом, на территории которого длительное время находились пограничные части. Это 14-й отряд, пограничная комендатура Калининградского 95 ПО, а после реформирования пограничных войск – в отдел пограничной службы г. Озерска. Эти воинские части не были обособленными, они жили интересами района и были по сути градообразующими. За период дислокации на территории района пограничных частей, не одно поколение жителей Озерска и района прошли и проходят службу в пограничных войсках. К сожалению, закрыли школу сержантского состава погранвойск и отток населения, соответственно, усилился. 21 сентября 2018 года открыли памятный пограничный знак «Пограничникам всех поколений».

С давних пор Озёрский район имеет сельскохозяйственный уклон, а наличие реки, озёр и множества холмов создает привлекательный для туристов облик.

Ещё в 1948 году в Озёрске заработал сельскохозяйственный техникум (в настоящее время ГОУ СПО "Озёрский техникум природообустройства"), который готовил механиков и техников по ремонту и обслуживанию сельскохозяйственных машин, землеустроителей, специалистов по мелиорации и др.

В настоящее время на территории округа работает 8 сельскохозяйственных организаций, 18 Крестьянско-фермерских хозяйств и индивидуальных предпринимателей, 4006 Личных подсобных хозяйств.

Самое крупное предприятие – ООО «Калининградская Мясная Компания» занимается мясным скотоводством, разведением абердин-ангусской мясной породы, является племенным репродуктором. Поголовье мясного скота на территории округа на 1 июля более 38 тысяч голов, в том числе маточное – более 15 тысяч голов. Посевная площадь более 17 тысяч га.

Самое успешное предприятие – ООО «Нов-Агро», занимается выращиванием зерновых и технических культур, добивается регулярно высоких урожаев, по озимой пшенице – более 60 ц/га, по озимому рапсу – 37 ц/га (выше среднеобластного показателя за 2021 год). Посевная площадь более 7 тысяч га.

Многоотраслевое предприятие ООО «Частный Конный Завод Веедерн», занимается

молочным животноводством, производством зерновых (в том числе гречихи) и технических культур, меда, является племенным репродуктором по разведению лошадей ганноверской породы (20 племенных кобыл и 2 жеребца) посевная площадь более 2,5 тысяч га. Разместился завод в бывшем старинном имении Веедерн, первое упоминание о котором датируется XVII веком – рассказ о нём впереди.

Средняя номинальная начисленная заработная плата в трех крупных предприятиях более 39 тысяч рублей.

Остальные предприятия – это субъекты малого предпринимательства с численностью работающих до 15 человек, направление их деятельности – молочное животноводство и выращивание фуражного зерна для собственных нужд. Большинство фермерских хозяйства занимаются молочным животноводством, есть пчеловоды, картофель и овощи выращивают всего два КФХ, садоводство – 1 КФХ, площадь сада 1 га.

На территории Озёрского округа с 2021 года располагаются посеvy озимого рапса агрохолдинга «Долгов групп» (более 3 тысяч га).

Кстати, самый вкусный мед и медовуха производятся в Озерском районе. Древняя Надровия даёт о себе знать, а КФХ «Садовские пчелки» напоминает, что местность была связана с прусским понятием "дравине" – улей, борт, бочонок для мёда и ещё в начале XVI века здесь шёл спор о правах бортничества.

По материалам статей «Историческая справка о городе Озёрск» и сайта <https://gov39.ru/75let/23-yanvarya.php>.

Основная архитектурная доминанта города Озёрска находится на улице Комсомольской – это здание лютеранской кирхи.

Кирха Даркемена

Она видна практически из любой точки, выделяется среди невысоких построек города и поражает своей красотой до сих пор.

Первая фахверковая кирха была построена на этом месте на холме в 1615 году. В 1752 году ветхое строение снесли и заложили новую церковь, которую освятили 15 сентября 1754 года. Орган был получен из Трагхаймской кирхи в Кёнигсберге.

Однако и это сооружение не выдержало испытания временем и с 1836 года шла речь о его замене.

В 1842 году был заложен первый камень новой церкви, которая в том же году была освящена. Здание кирхи построено в неоготическом стиле, характерном для архитектурной школы К. Ф. Шинкеля. Трехнефная базилика на востоке завершена полукруглым хором. Над западным фасадом возвышается башня колокольни. Внутреннее пространство кирхи было перекрыто деревянным потолком. В 1892 году к зданию кирхи была пристроена колокольня с часами мастера по фамилии Розе, а мастер из Эльбинга (совр. Эльблонг, Польша) А. Терлецки установил новый орган.

Реконструкция кирхи проводилась как раз в пятидесятилетие освящения.

По этому случаю на фасаде кирхи была установлена табличка, на которой было написано на четырех языках: *«Строение имело существенный недостаток. Низкий шпиль сдерживал развитие промышленности в городе. Дымовые трубы не должны быть выше креста кирхи. Была произведена реконструкция, надстроена высокая башня».*

В конце XIX веке здесь служил известный протестантский проповедник — пастор Г. Ф. А. Рогге.

*«Я лютеран люблю богослуженье,
Обряд их строгий, важный и простой
Сих голых стен, сей храмины пустой
Понятно мне высокое ученье.»* (Ф.И. Тютчев. 1834)

Во время Второй мировой войны, как и в годы Первой мировой, когда с осени 1914 года до 10 февраля 1915 года по городу проходила линия Ангерраппского фронта, кирха не пострадала. После 1945 года здание было передано сельскохозяйственному техникуму: в нем размещались сельхозмашины и проводились практические занятия.

Впоследствии долгое время кирха не использовалась. Отсутствие надзора привело к разрушениям конструкции, в конце 1990 года у здания рухнула крыша.

Над алтарем все еще можно прочесть изречение “Праведник будет жить своей верой”.

С весны 2021 года проводили противоаварийные работы и завершили консервацию кирхи Даркемена в Озёрске. Памятник истории и культуры XIX века стал более безопасным, на что потратили 5,8 миллиона рублей.

Деньги на консервацию выделили из резервного фонда правительства. Заказчиком работ выступал Культурно-досуговый центр Озёрска, поскольку ещё десять лет назад в кирхе планировали именно центр и разместить. Контракт заключили с ООО «СК Феникс».

Как рассказала глава администрации Озёрска Наталья Строганова, подрядчик отремонтировал кирпичную кладку и швы на фасадах, сводах и башне, усилил конструкции стяжками, оштукатурил фронтоны, обустроил временные перекрытия и кровлю над алтарной частью, лестничными клетками и колокольной. Стены кирхи очистили от деревьев, на окнах установили защитные

щиты, а по периметру — ограждение.

«В настоящее время противоаварийные и консервационные мероприятия на объекте полностью завершены. Наша красавица кирха преобразилась. Стала привлекательней и безопасней».

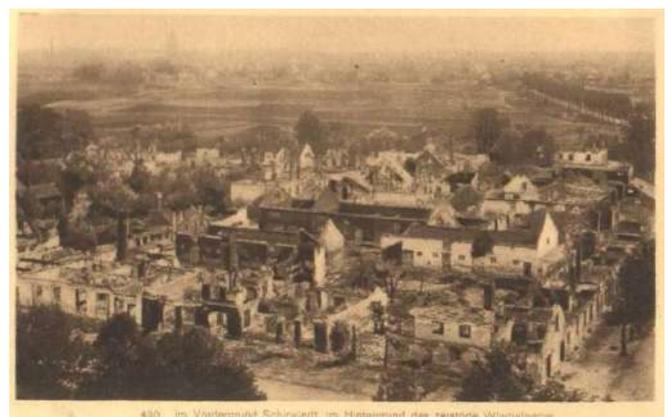
Дальнейшая судьба кирхи Даркемена и планы по её полному восстановлению пока неизвестны, поскольку это требует большого объёма финансирования. Тем не менее власти хотят вернуть жизнь памятнику. *«Озёрск — симпатичный муниципалитет, но там мало таких капиталов, которые можно задействовать для привлечения туристов. Природа — да, какие-то есть здания в самом городе, но их нужно поддерживать. А кирха одна такая красивая на весь Озёрск. И она важна не только как памятник истории, но и как объект культуры. Так что будем возвращаться к вопросу восстановления»*, — руководитель областной службы охраны объектов культурного наследия Евгений Маслов.

По материалам статей «Энциклопедия малых городов Калининградской области»,
сайтов www.ostpreussen.net и www.kgd.ru

Восстановление малых городов Восточной Пруссии в годы Первой мировой

В результате боёв Первой мировой войны 1500 деревень и хуторов на территории Восточной Пруссии были разрушены, их практически сровняли с землёй. Первая мировая война принесла губительные последствия и в малые города Восточной Пруссии: на две трети были разрушены Тапиау, Шталлупенен, почти полностью Ширвиндт и Эйдткунен, значительный урон понес Гумбиннен. Руины некоторых городов запечатлены на послевоенных открытках, а также на нотгельдах — «чрезвычайных деньгах», которые выпускали муниципалитеты. Крупные центры (Кёнигсберг, Инстербург) пострадали не столь значительно.

По всей провинции безвозвратно были утрачены 3 439 построек в городах и 28 891 в сельской местности.

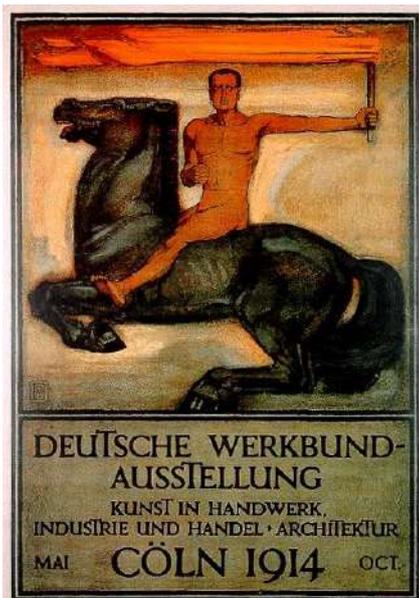

Крупные центры, Кёнигсберг или Инстербург, избежали значительных разрушений, для малых же городов война стала поводом невиданного ранее в провинции подведения итогов городского строительства – и результаты были неутешительны. Прежде славные своей гармонией, в последние десятилетия XIX века города застраивались вразнобой и стояли непосредственно перед утратой

своего собственного «я», своего силуэта, своей орденской планировки.

Бесконтрольный рост, как в длину (по трактам), так и в высоту (по этажности) или в промышленность (дымовые трубы и водонапорные башни в неожиданных местах), делал эти первоосновы совершенно нечитаемыми. Их, несмотря на все старания строительных консультантов, и не стремились читать: осознанию ценности этих планировок не более и ста лет!

Восстановления житницы рейха требовала логика военного времени, но, благодаря вмешательству «Веркбунда», «Союза Дюрера» («Dürerbund», просветительно-охранное общество, 1902–1935 гг., выпускало журнал «Хранитель искусств», рупор «реформы»), «Защитников отчизны» («Deutscher Bund Heimatschutz», 1904 г., союз охраны природы, (народного) искусства, (строительных) традиций, праздников и проч., разрушаемых промышленностью и крупными городами) и других, утилитарная задача превратилась в сохранение, спасение и неразрушительное развитие целой провинции. Вкупе с искренним желанием не только возродить почти полностью утраченное материальное наследие, но и учесть, и отразить его, не

привирая. Новый старый город виделся функциональным, сообразным, здоровым и доступным (в том числе и по расходам); поэтичным, локальным, историчным и, главное, созданным для согласного совместного проживания.

Либеральный градостроитель мог беспокоиться о канализации, насосных станциях и полях аэрации (насыщения воздухом).

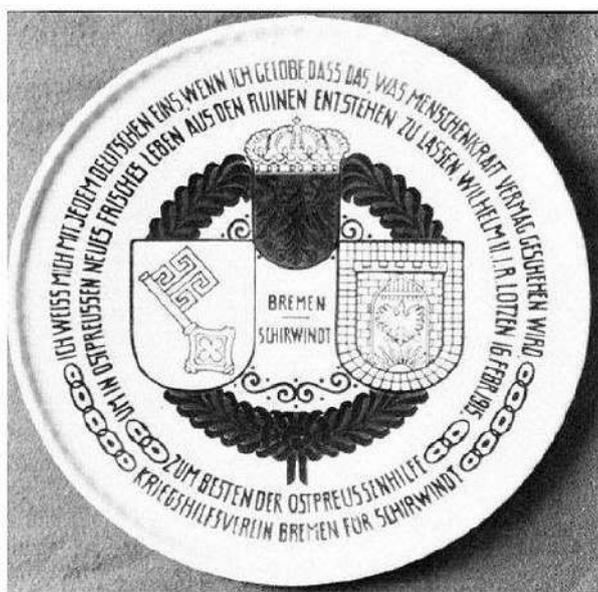
«Защитники», не отрицая благ санитарии, противопоставляли удобству расходы. Для возмещения затрат на инфраструктурную сеть, застройщик вынужден был, даже если прежде и не намеревался, занимать свой участок до предела, и вот уже там, где удачно разместился бы город-сад, вставляли дома-казармы.

Инженер дорог и путей во главу угла ставил беспрепятственный транзит, прямооточность движения – спрямлял дороги, взрезал холмы, снося историческую застройку. Будучи транзитной, дорога не всегда проходила через город.

Не случайно именно при восстановлении Восточной Пруссии (и оккупации Прибалтики) появилась железная дорога Тильзит – Рига. Восстанавливаемая провинция должна и могла вновь воспользоваться чужим опытом, избежать чужих ошибок, самоизлечиться рынком.

Билд 11. Ein Porzellanteller des Kriegshilfsvereins Bremen zur Unterstützung von Schirwindt mit den beiden Stadtweppen und dem Reichsadler. (aus: G. Schiller, Der Grenzkreis Schloßberg im Bild)

Разрушенным городам были выделены небывалые средства – вновь Восточная Пруссия выиграла от несчастья, на этот раз – своего: 27 августа 1914 года вышел указ о помощи беженцам, 24 сентября создана комиссия военной помощи, в октябре выделен 400-миллионный восстановительный фонд, 14 ноября изменены правила выплаты страховок и субсидий. Шефские объединения со всей страны охватили даже малейшую деревню.

Наконец, 16 февраля 1915 года кайзер телеграфировал рейхсканцлеру: *«новая... жизнь да расцветёт из руин Восточной Пруссии»*.

«Создать родину» – подобный романтизм служения не мог воплотиться в жизнь никогда, кроме как в начальный период Первой Мировой войны, полный ещё национального идеализма, не обратившегося ещё в национальную исключительность последующих лет.

Стиль такой архитектуры современники называли «восстановительным».

По результатам Первой мировой войны Восточная Пруссия, отрезанная от основной территории Германии Данцигским коридором, оказалась в сложной экономической ситуации. Однако восстановление сельскохозяйственной провинции началось уже во время войны в 1915—1916 гг. Это стало возможным благодаря финансовой помощи правительства и работе городских управлений, которые быстро и целенаправленно вложили деньги, снизив потери от инфляции. В апреле 1920 г. для решения проблем провинции была создана «Восточно-прусская служба при имперском и государственном министерстве».

Финансовые средства поступали из метрополии по программе «Восточная Пруссия». Кроме того, крупнейшие города Германии оказывали помощь пострадавшим городам. Так, Эйткунен был восстановлен при шефской помощи города Висбадена. Бремен помогал восстанавливать город Ширвиндт, Дрезден, как нам уже известно, – Даркемену.

Структура управления восстановительными работами была четко отлажена. Разрушенные районы провинции были разбиты на строительно-консультационные округа во главе с районными архитекторами, которые подчинялись Главной строительно-консультационной службе при обер-президенте провинции, располагавшейся в Кёнигсберге. Должности

районных архитекторов заняли частные лица. Им в помощь из метрополии были направлены 500 «строительных заступников» (конкурс был 1,6 человек на место), которые сами не могли производить проектные работы, но призваны были содействовать гармоничному сочетанию исторической и новой застройки.

Города Восточной Пруссии восстанавливались при участии именитых архитекторов, некоторые из них приобрели известность во всем мире, например, Э. Мендельсон, К. Фрик, Г. Хопп, Г. Шарун, М. Шенвальд. По утверждению К. Фрика, к 1924 г. восстановление Восточной Пруссии было окончательно завершено. Среди основных проблем, с которыми пришлось столкнуться в процессе работы, архитектор отметил нехватку материалов и рабочих рук, квалифицированных специалистов. В первую очередь необходимо было возродить аграрный сектор, поэтому строительство велось в сельской местности.

В городах работы начались в 1916 г. Приграничные города по политическим соображениям пребывали в разрухе до 1917—1918 гг. (Эйткунен, Ширвиндт). Среди особенностей восстановления К. Фрик назвал сохранение ансамблевой композиции города при соблюдении утилитарных требований, разработку общей архитектурной идеи, применение новых форм и конструкций.

Преобладающими стилями были сдержанные конструктивизм, функционализм.

Подготовленный в 1920 г. Генеральный план Кёнигсберга предусматривал строительство новых жилых кварталов, промышленных зон, озеленение путем разбивки новых парков. После войны деловой центр города разместился на Ганза-Плац (сегодня – площадь Победы), где в начале 20-х гг. были возведены сооружения Восточной ярмарки, одной из

крупнейших в Германии. Особое значение с потерей Мемеля и Данцига приобрел Кёнигсбергский морской порт, который был расширен. Построены новые железнодорожные вокзалы – Северный и Главный, двухъярусный железнодорожный мост через Прегель, аэропорт Девау. Все эти мероприятия были необходимы для возрождения торгового сотрудничества провинции и решения ее экономических проблем, восстановления утраченных связей с основной территорией Германии. Как писали современники, в 1920-е гг. Кёнигсберг находился на этапе становления.

Вследствие того, что частное строительство не справлялось с жилищной проблемой, муниципалитеты решили ее при помощи так называемых минимальных квартир площадью 32 м² для семей с небольшим доходом и народных домов в три—четыре этажа. Применение качественных строительных материалов стало своего рода экономией: затрачивать материальные средства на временные решения и переделки немецкое правительство не собиралось. В связи с сокращением городских гарнизонов освободившиеся казармы использовались под жилье.

Тимофей Амелин, Иван Комаров, Егор Кунцелевич, Дмитрий Олейников, Тит Плиска, Иван Попов, Ридуан Сабирханов, Бадершах Хайритдинов и ещё под 150 тысяч других имён – целые армии оставила Россия военнопленными. Они и возводили пресловутое «немецкое качество»: *«Стройки Восточной Пруссии ... ведутся почти исключительно силами строительных батальонов»*, —

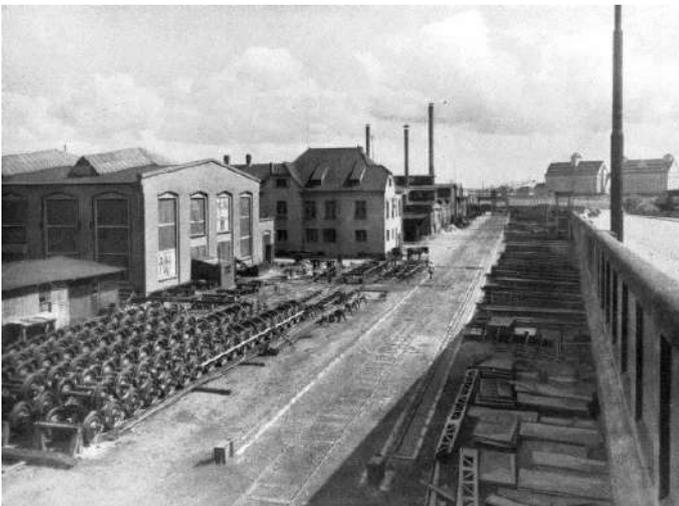
свидетельствовала Госканцелярия в августе 1918. Они не были каменщиками и плотниками – их научили тут, они научились сами, в проектных бюро и ремесленных товариществах.

Постоянной бедой восточного предела Германии оставалось безлюдье, в войну планировали поселить здесь ветеранов, после – вторым законом, принятым веймарским Национальным собранием в 1919 году, стал «Закон о (сельских) поселениях».

С 1886 по 1918 годы было создано около 4000 новых крестьянских хозяйств на выкупленных у магнатов полях; с 1919 по 1925 год – дальнейшие 2500, наконец, ещё 5000 до 1930 года. Распространились «разбросанные поселения», не образующие слитного деревенского плана, характерные предшествовавшим векам: дома поселенцев регулярно расставлялись посреди выделенных им 20-

морговых участков, и лишь последним на проезжей дороге проектировались свидетельства деревенского сообщества – лавка, почта, церковь и кабак. Такие поселения можно было создавать почти повсеместно, не требуя компактно прилегающих друг к другу полей.

Межвоенный период характеризуется интенсивным строительством современных городских районов. Город рос, пригороды Кёнигсберга в 1920-е гг. вошли в городскую черту (1927—1929 гг.). Новые районы были шире и просторнее старого центра. Современная застройка отличалась меньшей плотностью – расстояние между домами в среднем составляло от 15 до 25 м, а местами достигало 60 м. Ширина улиц в

предместьях — 20—30 м, а иногда 35—40 м. Почти все улицы города были заасфальтированы или покрыты плоским булыжником.

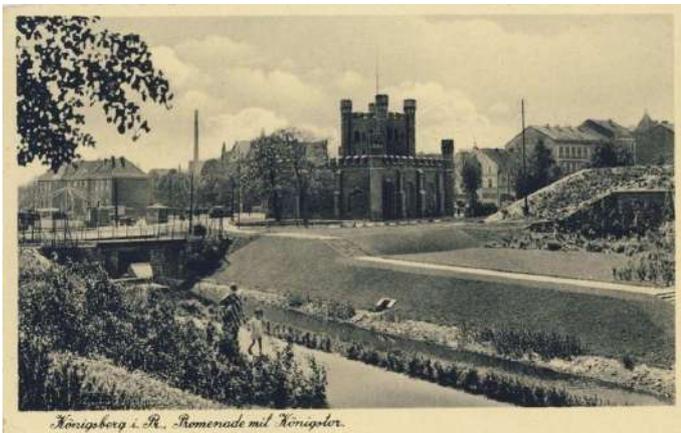
С другой стороны, центр Кёнигсберга оставался плотно застроенным многоквартирными домами в три — пять этажей. Ширина проезжей части (за исключением нескольких улиц) сужалась до 10—15 м, на острове Кнайпхоф — до 7—12 м.

Связь окраин и центра требовала развитой транспортной сети, подведения инженерных коммуникаций. Наряду с конным, автомобильным транспортом в городе развивался современный трамвайный парк.

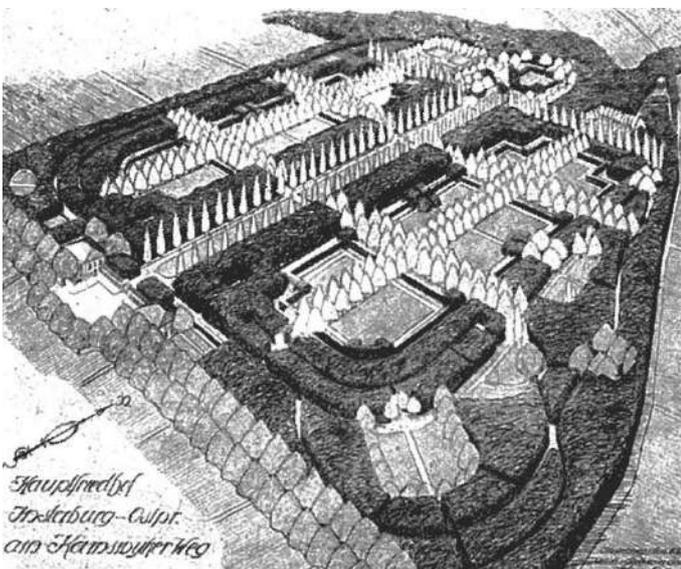
Однако проектирование внеуличной городской сети до Первой мировой войны так и не было завершено. Росли и другие города Восточной Пруссии. В 1920-е гг. многие из них получили водопровод и канализацию, электроэнергию, асфальтировались улицы, развивался транспорт.

К 1930-м гг. Кёнигсберг превратился в город-сад благодаря стараниям директора городских парков дендролога и ландшафтного архитектора Э. Шнайдера. По результатам осуществления программы озеленения города, разработанной в 1928 г., площадь парков достигла 630 га. А к 1940 г. около 40 % территории Кёнигсберга занимали зеленые насаждения и сады. Структура «Зеленого пояса»

предусматривала сохранение архитектурных фрагментов оборонительного вала, гармонично сливалась с особенностями исторической застройки. Однако необходимо отметить, что в рабочих кварталах, в районе старого центра ощущался недостаток зелени.

Программа города-сада успешно реализовывалась в Нойхаузене, Даркемене и других городах.

В 1920-е гг. в Инстербурге была создана система скверов и парков под руководством ландшафтного архитектора Х. Кауфмана. Озеленение проводилось и в Кранце, Раушене, а также других поселениях, которые в то же время продолжали застраиваться частными виллами, санаториями, гостиницами.

Все это способствовало успешному развитию туризма. Таким образом, изолированная от основной территории Германии Восточная Пруссия вопреки

ожиданиям не пришла в упадок, а развивалась и процветала.

По материалам статьи Е. С. Митиной «Градостроительство в Восточной Пруссии в межвоенный период» и издания Д. Сухина «Германская градостроительная история Восточной Пруссии».

Династия из Даркемена

31 октября 1844 года в Даркемене в семье учителя Бернеккера родился сын, названный Констанцом. Предки Бернеккеров приехали в Пруссию в середине 18-го века, может быть, из Швейцарии, на что указывает сходство фамилии с названием города Берн.

С юного возраста Констанц проявил феноменальные музыкальные способности. В семь лет он уже великолепно музицировал на клавесине,

исполняя сложные произведения и поражая талантом жителей небольшого городка. Несмотря на нехватку средств, юного Констанца удалось отправить в Берлин, где он обучался музыке с 1865 по 1869 годы. После стажировки, получив диплом, Констанц Бернеккер в 1872 году покинул Берлин и приехал в Кёнигсберг.

В Кёнигсберге К. Бернеккер занялся преподавательской деятельностью. Через шесть лет ему удалось устроиться органистом Кафедрального собора и руководителем певческого академического хора. Кроме того, Констанц Бернеккер стал сотрудничать в местной газете в качестве музыкального критика. Не забывал он и о творческой деятельности.

В его музыке преобладали хоровые произведения, в основном, на религиозные темы. Некоторые из них снискали известность: "Юдифь", "Христос – моя жизнь", "Невеста из Мессины" и другие, навеянные Священным писанием.

Констанц Бернеккер скончался в Кёнигсберге 9 июня 1906 года и похоронен на Соборном кладбище у горы Фиалок. Отыскать его могилу практически невозможно, ввиду полного разрушения кладбища. Благодарные горожане назвали именем Бернеккера одну из улиц в Кёнигсберге. Сейчас эта улица носит имя адмирала Ушакова.

У Констанца Бернеккера был брат Рихард. Он тоже родился в Даркемене. Но, в отличие от брата, Рихард избрал для себя более прозаическую, зато более денежную профессию: он стал банкиром. 3 февраля 1874 года у Рихарда Бернеккера в Кёнигсберге родился сын Эрих. Следовательно, Эрих Бернеккер доводился композитору Констанцу Бернеккеру племянником. Эрих занялся научной

деятельностью. Он изучал балто-славянские языки, преуспел в этих занятиях и стал крупным специалистом в области языкознания. В 1896-1899 годах Эрих Бернеккер учился в России, побывал во многих славянских и балтийских странах.

Основной труд Эриха Бернеккера – "Этимологический словарь славянских языков" в шести томах, увидевший свет в период 1908-1914 годов. К сожалению, начавшаяся Первая мировая война не позволила Эриху Бернеккеру завершить свой титанический труд. Он довёл словарь только до слова "мор", что может символизировать мрачное тогдашнее состояние воюющих стран. Война

разделила славянские и балтийские народы, людям стало не до языкознания.

Другим важным трудом Эриха Бернеккера стал сборник "Прусский язык", изданный в 1896 году. В нём рассмотрены вопросы грамматики прусского языка, составлен этимологический словарь, приведены другие прусские словари и первые тексты на прусском языке, даны научные комментарии. Кстати, именно к его труду мы обращались, когда пытались найти значение слова Надровия, и выяснили, что учёный трактует "дравине" (drawine) в значении "улей, борт"...

Эрих Бернеккер скончался 15 марта 1937 года в Мюнхене, будучи удостоен членством нескольких академий, в том числе и Ленинградского отделения Академии наук СССР.

Материал статьи Алексея Губина «ДИНАСТИЯ ИЗ ДАРКЕМЕНА», опубликованной в Девятом выпуске сборника «Балтийский Альманах».

Проект «История. Люди. Память» по итогам работы в Озёрском районе создал видеофильм о городе на трёх холмах – Озёрске, бывшем Даркемене/Ангерапп

<https://www.youtube.com/watch?v=HZddEcJAcG8>

На улице Советской города Озёрска находится Храм Святого благоверного князя Александра Невского в здании бывшей лютеранской капеллы, построенной на территории бывшего немецкого кладбища, где были похоронены также и русские воины, павшие в период Первой мировой войны.

9 сентября 1914 г. у городского кладбища отступающие русские войска вели бой с немецким гвардейским (саксонским) конным полком и самокатчиками 1-го батальона егерей.

В ноябре 1914 г.– феврале 1915гг. под Даркеменом велись бои на так называемой «позиции Ангерапп». Поэтому на кладбище трижды хоронили погибших солдат: после боёв в середине ноября, в конце ноября – начале декабря 1914 года и в феврале 1915 года. На городском кладбище Даркемена была выделена «почётная часть», где похоронены погибшие в боях немецкие воины. Отдельно были похоронены погибшие в боях русские солдаты.

Всего похоронено 106 немецких (в том числе 31 неизвестный) и 47 неизвестных русских воинов. Выстроившиеся в ряд вдоль края городского кладбища кресты

отметили это место. Взамен исчезнувших крестов у стен храма в городе Озёрске установили два больших деревянных креста — православный и лютеранский.

После окончания войны на кладбище была построена католическая капелла.

В 50-е годы XX века воинское захоронение было уничтожено. В здании капеллы размещалось местное отделение Всероссийского добровольного пожарного общества.

В 1993 году оно было передано Русской православной церкви, в 1996 г. освящено митрополитом Смоленским и Калининградским Кириллом как храм Святого благоверного князя Александра Невского. В начале 2001 года была построена колокольня и в ней установлены колокола.

Главным украшением этого храма в Озёрске является иконостас, который имеет свою интересную историю: прежде он стоял в Храме Рождества Пресвятой Богородицы в Балтийском районе Калининграда, и когда началось создание храма в Озёрске, то эти иконы были переданы ему в пользование. Уместно упомянуть, что икона Богородицы 1916 года, изображающая явление Богородицы русским воинам между городками Марьямполье и Августов в начале Первой мировой войны, станет последней иконой империи, о чём мы непременно ещё расскажем.

Захоронение воинов Первой мировой войны представляет собой сквер, справа от входа в храм. Непосредственно от входа слева находится небольшой обелиск, на боковых гранях которого установлены таблички с изображениями православного и латинского крестов с датами 1914 – 1918. Возле него уложены осколки нескольких немецких надгробий.

Внушительный, выполненный из разноцветных отёсанных камней памятник павшим воинам был установлен в Даркемене около церкви на Кирхенштрассе (ныне улица Советская) в 1928 году.

На его торжественном открытии присутствовал бывший командующий 8-й немецкой армией, которая в феврале 1915 года освободила район Даркемен от русских войск, генерал Отто фон Белов (Otto von Below).

Плита с соответствующей надписью исчезла уже после второй мировой войны. Нынешняя плита из чёрного мрамора с надписью: "Воинам, погибшим в годы Первой мировой войны" установлена в 2007 году.

На территории Озёрского района находится более 30 захоронений Первой Мировой войны. В районе Даркемена и Гольдапа действовала 30-я пехотная дивизия русских. Ею командовал генерал-лейтенант Эдуард Аркадьевич Колянковский (1857-?).

К печальным событиям августа 1914 года относится и крушение недалеко от Даркемена на перегоне Даркемен–Гумбиннен поезда с русскими ранеными – состав сошёл с рельс.

В результате ожесточённых боёв в районе Даркемена в период с августа 1914 года по февраль 1915 года образовались воинские захоронения, в которых покоятся русские и немецкие солдаты, поэтому так много было воинских могил в районе Озёрска. Имена русских воинов неизвестны, на некоторых памятных плитах выбито: «Hier ruhen unbekannte russische Krieger 1914» (Здесь лежат неизвестные русские воины. 1914), а на некоторых – "друг и враг, объединённые смертью".

Маршрут «Надровия – Даркемен – Анграпа – Камни и Кресты Первой мировой» продолжается по некоторым захоронениям Первой мировой войны Озёрского района, в которых упокоены и русские солдаты.

Из Озёрска отправимся через Ушаково, бывший Штрёпкен. Сильные бои шли рядом с Даркеменом близ Штрёпкена в конце ноября – начале декабря 1914 года. Много полегло здесь солдат русских и немецких.

Недалеко от деревни у железной дороги на Гумбиннен захоронены в братской могиле 95 русских солдат, в другой братской могиле у железной дороги на Голдап – 70 русских. 31 немецкий солдат упокоился на деревенском кладбище в самом Штрёпкене. Ещё одна братская могила (9 русских воинов) и могила двух немецких солдат находилась на земле местного жителя Кемзата (Kemsat).

Появилось здесь и специальное воинское кладбище – на красивом месте, на высоком холме. Установленные над могилами надгробные кресты были уничтожены в 60-е годы прошлого века. А с 2014 года два бетонных креста – Православный и Латинский – стоят над местом вечного покоя 48 русских и 2 немецких воинов.

По материалам статей энциклопедического словаря «Малые города Калининградской области», сайта «Путеводитель по следам Первой мировой войны в Калининградской области» www.fww-explore.com и Члена Правления Калининградского клуба краеведов Б. Н. Адамова «Памятники Первой Мировой войны».

Мы упомянули, что Озёрский район сохранил в различной степени присутствие когда-то имений образцово-показательных сельскохозяйственных предприятий и конных заводов по селекции чистопородных лошадей мирового уровня.

Примерно в 5 км от Озёрска в посёлке Суворовка нас встретит роскошный конный завод «Веедерн».

Имение Веедерн

Первое упоминание об имении Веедерн датируется XVII веком, однако, конный завод на его территории был основан в XVIII веке, на котором до 20-х годов XX века базировался Имперский союз частных коннозаводчиков – партнёр самого крупного в Восточной Пруссии Тракненского конного завода в Гросс Тракнен (пос. Ясная Поляна Нестеровского района).

'Fahne' mit Familie.

В 1832 году имение Веедерн купил Александр фон Нойман из Жиргупёнена в округе Гумбиннен (ныне посёлок Дальнее Нестеровского городского округа в 4 км северо-западнее Ясной Поляны) – отличный знаток лошадей и заводчик благородной восточной породы лошадей, под которыми в то время понимали лошадей, привезенных с юга великой Российской империи.

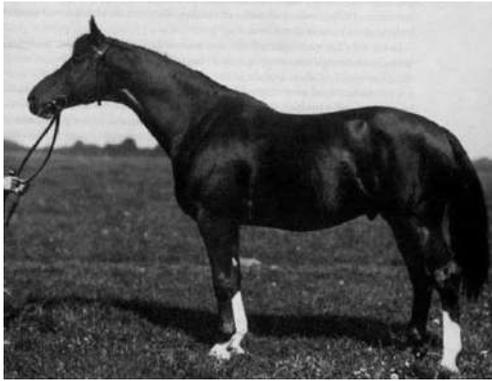
Он имел опыт в разведении благородных теплокровных лошадей, которую пополнил за счет кобыл из линии Тракенов. Приобретённое имение он передал своему сыну Луи Александру фон Нойману, который в 1835 году перевёл сюда несколько лучших кобыл из Жиргупёнена и таким образом основал конный завод Веедерн. Благодаря своему огромному мастерству он добился значительного прогресса

в красоте форм, походки и рабочих качеств лошадей, что также пошло на пользу государственному коневодству. Веедерн был одним из ведущих конных заводов. В период с 1870 по 1894 год он смог поставлять двести жеребцов в прусские государственные конюшни, чего не удавалось достичь ни одному другому частному конному заводу – его ремонтных жеребцы и кобылы очень высоко ценились.

После смерти фон Ноймана в 1884 г. последующей наследницей имения стала его дочь Луиза фон Нойман, которая вышла замуж за Эберхарда фон Зитцевица в 1894 г., но умерла бездетной в 1925-м. Эберхард фон Зитцевитц превратил имение в образцово-показательное сельскохозяйственное предприятие и конный завод по селекции чистопородных лошадей мирового уровня.

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 108866
Wiesdem Kz. Angerapp. 111500-5.
Eberhard von Zitzewitz mit dem beschriebenen Hst., 1 (1875-1931), ©

В 1880-х годах на конезаводе в Веедерне начали разводить лошадей Тракененской породы. При Эберхарде фон Зитцевице конезавод значительно увеличил поголовье скаковых лошадей и приобрел известность как в Восточной Пруссии, так и за ее пределами. Для разведения использовались порядка сорока – шестидесяти породистых кобыл. Имение Веедерн занимало площадь в 1625 гектаров, из которых 70% занимали пахотные земли, 20% –

пастбища и 2% – леса. Поля орошались, посевы люцерны и клевера давали хорошие урожаи. Большие территории засеивались вико-овсяной смесью, которую лошади получали зимой дополнительно к луговому сену. Благодаря успеху конезавода, с 1923 года вплоть до своей смерти в 1934 году Эберхард фон Зитцевиц являлся президентом Имперской ассоциации разведения и тестирования немецких чистокровных лошадей.

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 108867
Weedern Kr. Angerapp, MT15098-5. Anna von Zitzewitz mit Kutsche. (1925-1930) ©

Через 4 года после смерти своей жены, в 1929 году, Эберхард фон Зитцевиц женился на своей племяннице Анне фон Шпербер, позже у них родились дети. После кончины в возрасте 67 лет Эберхарда фон Зитцевица 1 августа 1934 года, его супруга Анна взяла на себя управление имением и коневодством. Спасаясь от войны, в октябре 1944 года, Анна фон Зитцевиц вместе со своими

детьми Эберхардом (названным в честь отца) и Эрдмутой покинула родовое имение и отправилась в Ганновер, захватив с собой одну ценную кобылу.

В Ганновере в районе Фаллингбостель семья начала разведение лошадей заново. В 1962 году семья переезжает в Катариненталь в Гольштейне. После смерти Анны фон Зитцевиц 26 декабря 1968 года, её дочь Эрдмут фон Зитцевиц взяла на себя все хлопоты по разведению, а также вернула былое величие наследия потерянной родины и ранее всемирно известной племенной работе в Веедерне, которое исчезло в 1945 году. Старые племенные линии, представленные кобылами VELEGUE, J.ADANA, MONIKA и KAVALLERIE снова стали процветать, и сегодня их потомки носят характерный семейный суффикс “von Zitzewitz-Weedern”. Эрдмут фон Зитцевиц умерла 14 августа 2011 года.

В настоящее время в 11 км от Балтийского моря немного южнее маленького немецкого городка Вангельс находится конный завод Катариненталь, на котором племянник Эрдмут фон Зитцевиц Фолькер-Александр и его жена Андреа с дочерью Зара Адина фон Зитцевиц продолжают многовековую фамильную историю и сохраняют потомственное дело своих предков. Тракененские лошади из племен Weederner по-прежнему играют важную роль в разведении.

С 25 по 27 сентября 2020 года в пригороде Мюнстера, в деревушке Хандорф прошёл чемпионат Германии по выездке (конному дефиле) и конкуру среди любителей. Чемпионами по выездке стали 26-летняя врач-стоматолог и её 11-летняя кобыла ганноверской породы по имени Донна Дини. Эта пара впервые принимала участие на любительском чемпионате Германии и сходу взяла I место.

Их судьбы связаны одной нитью, ведь девушка знает свою лошадь с самого рождения, и сама вырастила и воспитала её. Но если размотать этот клубок, то можно найти между ними ещё кое-что общее. 11-летняя рыжая кобыла ганноверской породы Донна Дини является на самом деле помесью ганноверской породы по отцовской линии и тракененской – по материнской (родословная Донна Дини). Некоторые из её предков по материнской линии были выращены на территории Восточной Пруссии.

Как у лошади, так и у молодой девушки были предки из Восточной Пруссии, а зовут новоиспечённую чемпионку Германии Зара Адина фон Зитцевитц...

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 011282
Weedern, Kreis Angerapp, MT15098-5. Gutshaus. (1925-1942). ©

В имении Веедерн в XIX веке Эберхард фон Зитцевиц построил усадебный дом в неоготическом стиле. В 1914 году, в ходе боевых действий Первой мировой войны здание было сожжено. В 1924 году усадьба была заново отстроена, но уже в стиле необарокко.

В 1946 году Веедерн был переименован в Суворовку. 3 апреля 1946 года в Суворовке был образован совхоз № 24, переименованный позднее в совхоз № 138, в 1955 году – в совхоз "Озёрский".

В послевоенные годы конный завод использовался в качестве совхозного коровника, конкурное поле было превращено в складскую зону. Без существенных повреждений, пережив Вторую мировую войну, здание усадьбы использовалась как административное помещение колхоза, а с 1970-х годов в здании старой усадьбы располагалась школа, пока в 2000 году не построили новую школу в поселке Ушаково.

К концу XX века здания конюшен находились в катастрофическом состоянии.

В начале 2000 года конезавод в Суворовке был восстановлен с сохранением исторического архитектурного стиля, при этом все строения отвечают современным требованиям.

Проект реконструкции конезавода выполнен архитектором Сергеем Васильевичем Чечиным. Реконструкция началась в 2001 году. Конюшни полностью восстановлены и в настоящее время используются по прямому назначению. На 2020 год усадьба с конезаводом являлись

собственностью Елены Батуриной, жены бывшего мэра города Москвы Юрия Лужкова, на конном заводе Веедерн содержались 67 лошадей ганноверской породы. В настоящее время на конезаводе разводят лошадей ганноверской породы.

Трактененскую породу временно не разводят.

Конезавод «Веедерн» – это многоотраслевое сельскохозяйственное предприятие.

Проход на конный завод Веедерн закрыт, пропуск осуществляется по согласованию с администрацией завода.

В публикации использованы материалы с сайта www.prussia39.ru

На заре XX века волна научно-технического прогресса накрыла все сферы деятельности человека и вооружение – в первую очередь.

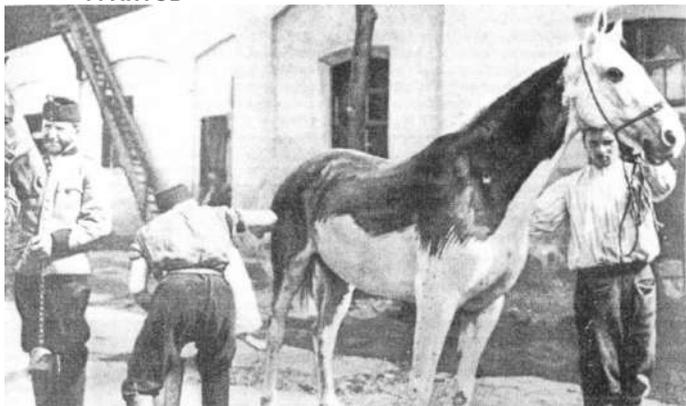

В ходе Первой мировой войны применялись велосипеды, мотоциклы, грузовые автомобили, броневики, танки, самолеты и дирижабли. Огромную роль сыграли и более привычные лошади.

Они, как и сто лет назад, таскали обозы, пушки и вьюки и, конечно, использовались в кавалерии.

К этому времени конницу перестали делить на тяжелую, среднюю и легкую. В армиях всех стран появился единый, так называемый драгунский, тип кавалерии, вооруженный саблями (многие части –

также пиками) и винтовками и способный вести бой как в конном, так и в пешем строю.

Лошади серой масти оказались самыми заметными для вражеских стрелков, поэтому в повсеместную практику вошло перекрашивание серых лошадей в защитный цвет. Пестрая форма уланов, гусар и кирасиров – по крайней мере, походный вариант – тоже в основном была перекрашена в более практичный хаки, а старые названия частей остались лишь как

дань традиции.

Вообще, кавалерия считалась наиболее традиционным родом войск: служили здесь преимущественно аристократы, лошади в полки подбирались по росту и масти (разумеется, только перед началом войны), а главное – у большинства кавалеристов оставались устаревшие стереотипы относительно тактики боя, и, даже понимая изменившиеся условия на полях сражений, командиры «старой закалки» норовили отправить свои эскадроны в лобовую атаку на противника, демонстрируя превосходное мастерство верховой езды и виртуозное, но, увы, зачастую бесполезное владение холодным оружием. Эта привычка и привела конницу к трагедии первых месяцев новой войны.

За сухим словосочетанием из военной терминологии «большая плотность огня» скрывается страшная картина массового убийства, с которой пришлось столкнуться как кавалеристам, так и пехотинцам. Главным виновником этого торжества смерти стало новое оружие, повсеместно использованное воюющими странами с

самого начала войны. Это был пулемет. Творение Сэра Хайрема Стивенса Максима с легкостью отправляло на свободу до 600 патронов в минуту, поливая этим свинцовым дождем противника, с равным успехом – и пешего, и конного.

В результате фронтальная атака кавалерии на позиции, укрепленные пулеметными расчетами, превращалась в страшную игру, смесь бешеной скачки и «русской рулетки».

В такую игру осенью 1914 года попробовали сыграть и на западном, и на восточном фронтах обе воюющие стороны, что привело к тысячам убитых и искалеченных людей и лошадей.

Несмотря на то, что в последующие годы кавалерийские части продолжали использоваться в наступательных действиях, а порой и весьма эффективно, всадникам все чаще приходилось спешиваться, а лошадей использовать в основном лишь для оперативного перемещения.

На войне лошадь – не только средство передвижения солдата, но и зачастую, к

сожалению, укрытие его от пуль.

К слову, кавалеристам противостояли не только пулеметы. Среди «ноу-хау» первой мировой была еще и авиация – с самолетов и дирижаблей сбрасывались бомбы или тяжелые металлические стрелы. Гораздо мощнее и разрушительнее стала артиллерия, настоящий триумфатор этой войны. Впрочем, даже винтовки теперь дальше стреляли и быстрее перезаряжались.

Европа начала XX века была не только эпицентром научно-технического прогресса. В самых передовых странах, которые, по воле судьбы, оказались и основными участниками войны, сложились многовековые традиции разведения лошадей, прекрасно работали конные заводы, уцелевшие здания которых сегодня являются памятниками архитектуры, в ипподромной индустрии Старого света вращались миллионы (хотя, кроме Англии, не многие страны еще

могли похвастаться обилием традиционных призов). Стремительно набирал популярность конный спорт.

За два года до страшных событий впервые конноспортивные соревнования были включены в программу Олимпийских игр. Примечательно, что абсолютно все спортсмены-конники Олимпиады-1912 в Стокгольме являлись кадровыми офицерами в армиях своих стран.

Русская делегация на Олимпийских Играх в 1912 году по конному спорту.

Поголовье лошадей в европейских странах было весьма впечатляющим (по состоянию на 1910-1912 годы): в Германии насчитывалось 4,516 млн голов, в Австро-Венгрии – 4,155 млн, во Франции – 3,236 млн, в Великобритании – 2,033 млн. Количество лошадей в США составляло 19,833 млн. И всё-таки абсолютным рекордсменом по этому показателю оставалась Российская империя: на просторах в 19,155 млн кв.

верст находилось 35 млн лошадей.

Конечно, «военнообязанными», и тем более для службы в кавалерии, становились далеко не все лошади. Например, к началу войны в российской армии кавалерийское поголовье составляло порядка 215 тыс., во Франции – 97 тыс., в Германии – 86 тыс., в Австро-Венгрии – 63 тыс. Что касается породного состава, то он был чрезвычайно разнообразен. Под армейские нужды было прекрасно «заточено» коневодство Германии.

Лидерами среди немецких пород являлись хорошо знакомые нам тракененская и ганноверская. Продукция знаменитого конного завода Тракенен пользовалась популярностью далеко за пределами «родной» Восточной Пруссии, впрочем, тракены служили не только в немецкой армии, на них ездили кавалеристы Австро-Венгрии, Франции и даже России.

Знаменитые государственные конюшни, такие как Целле (ганноверская порода), Травенталь (голландская), Варендорф (вестфальская), и многие другие бесперебойно производили для фронта ценное ремонтное поголовье на протяжении всей войны.

Конечно, среди всех воюющих государств наибольший интерес для нас представляет Российская империя. Если западный фронт относительно стабилизировался, превратившись в длинную цепочку окопов от Швейцарии до Северного моря, уже к концу 1914 года, то на востоке события развивались куда более динамично вплоть до самого окончания войны. В этой связи стратегически важной для русской армии стала способность к оперативному перемещению крупных соединений, а также взаимодействие разных родов войск между собой.

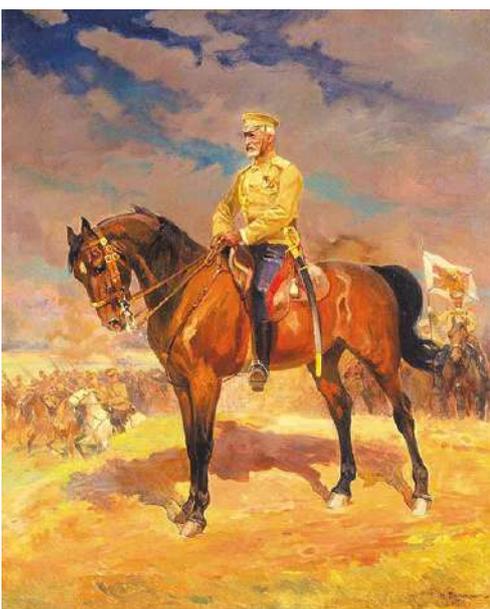
Кстати, **Российский император Николай II** хорошо ездил верхом, хотя и не любил этого. Садился в седло только в самом крайнем случае. Сохранилась фотография русского царя в форме Лейб-Гвардии Гусарского полка 1907 года.

Конница российской императорской армии считалась сильнейшей в мире и даже в новых условиях все той же «высокой плотности огня» могла бы сыграть решающую роль на восточном фронте, с его огромными пространствами при посредственной сети дорог, обладая способностью относительно быстро перемещаться. Могла сыграть... но не сыграла.

У нас было почти все: и выносливые лошади, и первоклассная подготовка кадров по части верховой езды, и казаки, наводившие ужас на противника любой национальности, и численное преимущество, и высочайшее индивидуальное мастерство, и доблесть кавалеристов. Не было лишь самого главного – грамотного командования, способного использовать многочисленные достоинства российской кавалерии.

Известный военный историк А.А. Керсновский отмечал: *«В общем, если характеризовать боевую работу русской конницы, то надо сказать, что корнеты совершали блестящие подвиги, а генералы упустили блестящие возможности...»*

При этом крайне обидно вспоминать, что первым Верховным главнокомандующим, снятым со своего поста за бездарное управление армией, был именно кавалерист – **великий князь Николай Николаевич**, дядя Николая II.

Генерал-инспектор кавалерии, прекрасный всадник и большой знаток лошадей, на рубеже веков он навел порядок в коннице и сделал ее действительно гордостью всей армии.

«Конница была научена пользованию конем, ее офицерству был привит спортивный дух устройством состязаний и парфорсных охот, – пишет Керсновский. – Впоследствии, однако, Великий князь не был в состоянии действовать мечом, который он сам выковал. Став Верховным главнокомандующим и получив в свое распоряжение тридцать дивизий лучшей в мире кавалерии, он совершенно не сумел дать им стратегическое применение... Великий князь был

знатоком конницы, дилетантом в стратегии и совершенным профаном в политике».

Маршал Франции Фердинанд ФОШ –

главнокомандующий союзными войсками, 11 ноября 1918 года в своем железнодорожном вагоне подписал Компьенское перемирие, завершившее Первую мировую войну.

Наибольшей трагедией она, пожалуй, обернулась для России, скатившейся в пекло Гражданской войны.

По причине разорения страны, захлебывающейся военной промышленностью, острой нехватки орудий и пулеметов, отсутствия оформленной линии фронта эта война стала почти полностью кавалерийской.

Воскресла сабельная рубка конницы против конницы – явление, забытое в первые же месяцы Первой мировой. Очень показательным было то, что регулярная Красная армия стала именно конной. К сожалению, потери в лошадях в период с 1914 по 1922 годы были настолько огромны, что их даже не удалось официально подсчитать, и уж тем более определить, сколько лошадей погибло на фронтах «империалистической», а сколько

– во время Гражданской войны.

В самом начале XX века в военных учебниках сухопутные войска представляли собой равнозначную триаду пехота–артиллерия–кавалерия. После долгожданного завершения Первой мировой военным теоретикам пришлось серьезно пересмотреть роль каждого из традиционных родов войск.

Конница была повсеместно признана вспомогательным средством армии, тем более что на сцену вышли новые игроки – танковые войска и авиация. Кавалерия как самый романтичный род войск и сокрушительная сила прошлых тысячелетий затянула свою лебединую песню, которую ей предстояло окончательно допеть через каких-то тридцать лет. Если Первая мировая война подвергла сомнению, то Вторая мировая – окончательно подтвердила, что лошадь-солдат должна отправиться на страницы учебников истории и умирать вместе с человеком под пулями и снарядами ей больше не нужно.

По материалам статьи Егора Мелентьева «Лебединая песня кавалерии. Первый куплет» журнала «Золотой Мустанг» (Москва).

Печаль и горе – сколько матерей так и не узнала, в каком месте земля прикрыла тело её любимого сына?

В недавно обнаруженном волонтерами и восстановленном захоронении в результате полевых работ во главе с Валерием Гусаровым в посёлке Осипенко, бывшем Погриммен, покоятся 81 военнослужащий Русской императорской армии, павшие под Даркеменом в ноябре 1914 – январе 1915 годов. Здесь был найден оригинальный бетонный надгробный крест с братской могилы русских воинов, проведена большая и трудная работа в архивах, которая позволила установить имена 81 воина 114-го пехотного Новоторжского полка. Теперь у этого захоронения традиционно проводят сбор «Безсмертный полк» Русской императорской армии Первой мировой войны. 20 августа 2022 года на этом месте был отслужен молебен Епископом Черняховским и Славским Николаем.

По материалам статьи Краеведческого музея в Краснознаменске https://vk.com/wall-210987878_217

Творческая команда проекта «История. Люди. Память» предлагает вниманию репортаж «Захоронения ПМВ. Озёрский район» на основе записанного интервью с Валерием Вячеславовичем Гусаровым на территории захоронения в посёлке Осипенко <https://www.youtube.com/watch?v=opwu-xJ5fDo>

Гумбиннен-Голдапское сражение 20 августа 1914 года оставило несколько печальных знаков на территории Озёрского района.

После этого сражения в посёлке Кутузово, бывшем селе Клешовен, на воинском кладбище у церкви были похоронены 14 немецких и большая часть из покоящихся здесь 34-х русских воинов, остальные наши соотечественники погибли в декабрьских боях того же года. Ныне это место упокоения отмечено двумя большими деревянными крестами –

четырёхконечным Латинским и шестиконечным Православным – и одной сохранившейся вертикально установленной бетонной плитой с надписью на немецком языке: "Здесь покоится один неизвестный русский солдат. □ 1914/15".

В недалеко расположенной деревне Ёдшунен (Jodschunen, ныне не существует) на почётной части общинного кладбища были похоронены 53 русских воина и 12 немецких. Но на памятной плите, установленной церковной общиной Клешовен и сохранившейся до наших дней, упомянуты 10 человек. И лежат здесь, как гласит надпись, "друг и враг, объединённые смертью".

По материалам статьи Члена Правления Калининградского клуба краеведов Бориса Николаевича Адамова «Памятники Первой Мировой войны», опубликованной в девятом выпуске сборника «Балтийский альманах».

Гумбиннен-Гольдапское сражение развернулось на рассвете 20 августа 1914 года на фронте в 50 километров. Битва шла на территории Нестеровского, Озёрского, Краснознаменского и Гусевского районов нынешней Калининградской области, а также в Польше, в районе города Голдап. Командующий 8-й германской армией генерал Притвиц создал численное превосходство над 1-й русской армией

(74,5 тыс. чел., 408 легких и 44 тяжелых орудия, 224 пулемёта против 63,8 тыс. чел. 380 легких орудий и 252 пулемётов у русских).

План разгрома русских был прекрасно разработан. На правофланговую 28-ю пехотную дивизию русского XX армейского корпуса обрушился главный удар I корпуса генерала Франсуа, подкреплённого частями Кенигсбергского гарнизона. В тыл 28-й дивизии зашла немецкая 1-я кавалерийская дивизия. В течение всего дня русская 28-я дивизия медленно отходила, отбрасывая немцев огнём и контратаками. Она потеряла убитыми и ранеными 60% личного состава, пришла в совершенное расстройство, но к 15 часам дня немцы выдохлись и остановились. Им так и не удалось опрокинуть правый фланг русской армии.

В центре сражения русские 25-я и 27-я дивизии III корпуса в течение всего дня отбивали атаки немецкого XVII корпуса генерала Макензена, нанеся ему жестокие потери, а затем сами перешли в наступление.

Немцы начали отход, местами превратившийся в бегство. Некоторые части бежали на 20 км до реки Ангерапп, бросая оружие. К вечеру обнаружилось, что корпуса Франсуа и Макензена потеряли до трети личного состава. И на южном фланге встречный бой германского I резервного корпуса с российским IV армейским корпусом не принёс немцам ожидаемого успеха.

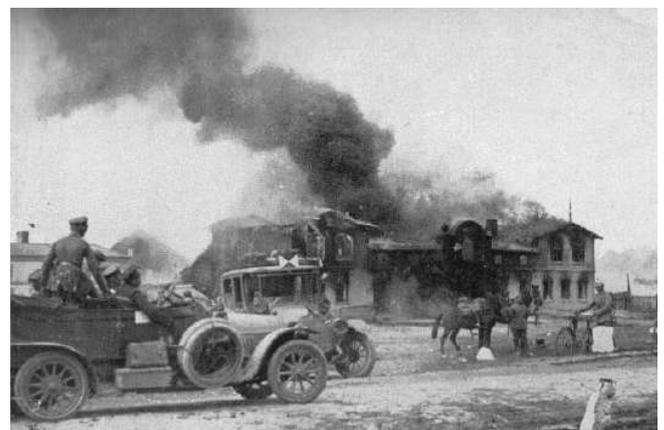
Притвиц признал, что сражение немцами в целом проиграно. А тут ещё поступил доклад, что границу Восточной Пруссии начала пересекать русская 2-я армия генерала Самсонова. Дело запахло полной катастрофой.

В этих условиях генерал Притвиц решил отводить германские части за Вислу. При этом он доложил в Ставку, что уровень воды в Висле из-за летней жары понизился, и он сомневается, что без подкреплений удастся удержать русских и на этом рубеже.

В Ставке сообщение Притвица создало панические настроения. В первом же серьёзном сражении с русскими германские войска не смогли победить! Уинстон Черчилль, будучи не только выдающимся политическим деятелем, но и историком, писал в 1930 году: *«Очень немногие слышали о Гумбиннене, и почти никто не оценил ту замечательную роль, которую сыграла эта победа. Русские контратаки III корпуса, тяжёлые потери Макензена вызвали в 8-й германской армии панику. Она покинула поле сражения, оставив своих убитых и раненых. Она признала факт, что была подавлена мощью России»*. Над Германией замаячил призрак русских армий, движущихся к Берлину. Панику поддержали и многочисленные гражданские беженцы, уехавшие из приграничных районов Восточной Пруссии в глубь страны.

Во все времена ситуацию пытаются исправить кадровыми перестановками. Германия исключением не стала. Уже 22 августа Притвиц был снят с должности и уволен в отставку. С Западного фронта в Восточную Пруссию был направлен талантливый генерал-майор Людендорф, герой взятия Льежа. Он был назначен начальником штаба 8-й армии при новом её командующем — генерал-полковнике Пауле фон Гинденбурге.

Сложнее оказалось с подысканием частей, способных усилить 8-ю армию. Стратегических резервов немецкая доктрина не предусматривала. Усилить Восточный фронт можно было только за счёт Западного. И только за счёт его ударной группировки, победоносно марширующей на Париж. С Западного фронта были сняты Гвардейский резервный, XI армейский корпуса и 8 кавалерийская дивизия. Оба корпуса были из ударной группировки, двигавшейся на Париж, что, естественно, её ослабило. И это произошло в преддверии решающего сражения на Западном фронте — битвы на Марне! Ещё один корпус, V, был остановлен в Меце, в ожидании развития событий в Восточной Пруссии, и также не поспел к началу битвы на Марне.

Последствия содеянного стали ясны уже в начале сентября 1914 года, когда свершилось «чудо на Марне». У немцев просто не хватило сил для последнего удара. Они были отброшены от самих ворот Парижа. Почему их не хватило? Французский генерал Ниссель вспоминал: *«Всем нам отлично известно, насколько критическим было тогда наше положение. Несомненно, что уменьшение германских армий на 2 корпуса и 2 дивизии, к чему немцы были вынуждены, явилось той тяжестью, которая по воле судьбы склонила тяжесть весов на нашу сторону»*. Маршал Фош тоже сделал вывод: *«Если Франция не стерта с лица земли, то этим прежде всего мы обязаны России»*, поскольку *«русская армия своим активным вмешательством отвлекла на себя часть сил и тем позволила нам одержать победу на Марне»*.

Начальник французской разведки генерал Дюпон в своей книге «Германское высшее командование в 1914 г.» писал: *«Воздадим должное нашим союзникам — наша победа достигнута за счёт их поражения»*... (он имел в виду последующее поражение армии Самсонова) — *«...Два корпуса сняты с французского фронта... Гвардейский резервный отнимают у армии фон Бюлова,*

а XI армейский корпус от армии фон Хаузена. Их сопровождает 8-я кавалерийская дивизия... В этом, может быть, и было наше спасение. Представьте себе, что Гвардейский резервный корпус находится на своём месте 7.9. между Бюловым и Клюком, а XI армейский корпус с 8-й кавдивизией оставался в армии Хаузена у Фер-Шампенуаза. Какие последствия!..»

Это поняли и германские военные. Адмирал Тирпиц написал: *«Осенью 1914 года в Главной квартире держались того мнения, что война с Францией была бы выиграна, если бы мы располагали ещё двумя корпусами»*. Теми самими, которые были переброшены в Восточную Пруссию после Гумбинненского сражения.

Итак, у Германии не хватило сил для взятия Парижа и быстрой победы над Францией. Война приняла затяжной характер, что подразумевало грядущее поражение Германии, как претендента на мировое господство. Война могла теперь продолжаться и год, и два, и три...

Германия могла одерживать отдельные победы на фронтах, она могла быстрее перестроить свою промышленность, быстрее утолить снарядный голод... Но физически выиграть длительную мировую войну она уже не могла, ресурсов не хватало. Это понималось и раньше. Все расчёты строились именно на быстрой победе, а она не получилась. В этом и состоит главный итог Гумбинненского сражения. 1-я русская армия генерала Ренненкампа сделала своё дело.

Даже то, что позднее 2-я армия генерала Самсонова потерпела поражение, ничего не меняло. Два корпуса уже уехали с Западного фронта, и ударная немецкая группировка под Парижем уже была ослаблена. Историк Антон Керсновский в своей «Истории Русской армии» подвёл итог так: *«Гумбиннен родил Марну — геройские полки и батареи 25-й и 27-й дивизий своей блестящей работой на*

Гумбинненском поле решили участь всей мировой войны!..»

По материалам статьи протоиерея Георгия Бирюкова «Забытая победа».

Подъезжая ближе к загадочной Роминте, расположенной на Виштынецкой возвышенности – самый юго-восточный уголок Калининградской области со знаменитым озером Виштынецким, с Красным лесом Роминтской пуци и живописными холмами – немного об инфраструктуре Восточной Пруссии.

Транспортная инфраструктура Восточной Пруссии

До начала строительства железных дорог территория нынешней Калининградской области в транспортном отношении была хорошо освоена: покрыта густой сетью населенных пунктов, которые соединялись обустроенными для гужевого транспорта дорогами, обсаженными деревьями и обрамленными придорожными канавами для осушения

дорожного полотна в условиях избыточного увлажнения.

Густота дорог территории составляла на Самбийском (ныне Калининградском) полуострове 1,46 км/км² (с учетом полевых и лесных дорог).

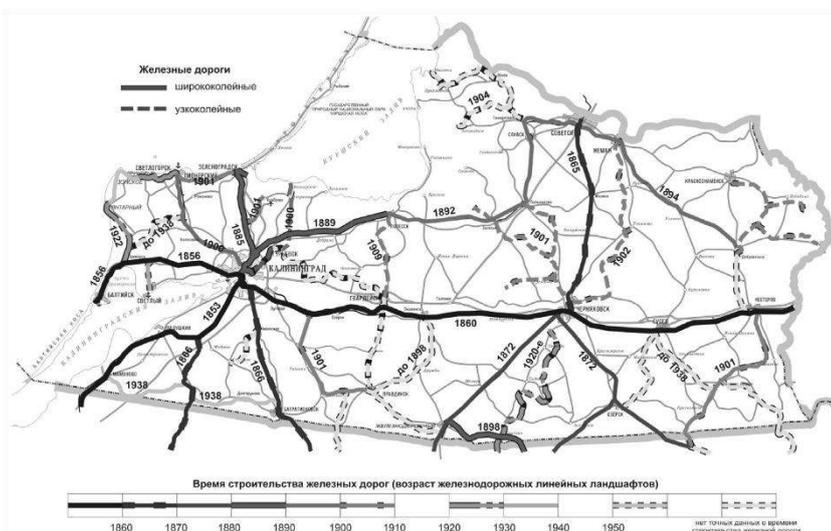

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 014073 / 08-57-63
Gilgetal, Kreis Elchniederung, MT08095-1.
Hof Sangel, Heuernte, 08-57-63. (1930-1940), © Fam. Sangel, Gilgetal

К началу строительства железных дорог Восточная Пруссия была территорией с развитым сельским хозяйством. Достаточно сказать, что пахотные земли занимали две трети площади сельскохозяйственных земель. Мелиоративная система, которая начала формироваться еще в XIV—XV вв., включала в себя земли с открытым и закрытым дренажем, принудительные (польдерные) и самотечные комплексы.

Опорный каркас расселения был сформирован и обеспечивал обслуживание сельскохозяйственного производства и потребностей населения.

С появлением железнодорожного транспорта связывают наступление индустриального этапа развития экономики территории. Технические параметры железных дорог требуют минимальных уклонов и больших радиусов поворота пути, поэтому соображения экономии заставляли вести их в обход естественных и искусственных препятствий. Железные дороги по необходимости подчеркивали главные особенности рельефа местности и обозначали воздействие совокупности естественных условий, но также были связаны с экономико-географическим значением населенных пунктов, которые они соединяли.

Высокая степень железнодорожной освоенности этой части Восточной Пруссии была обусловлена не столько ее промышленным развитием, сколько большим значением сельского хозяйства провинции и необходимостью транспортировки сельскохозяйственной продукции. Максимальная густота и протяженность железнодорожной сети территории наблюдалась в 1939 г., а после окончания Второй мировой войны начала сокращаться, та же тенденция наблюдалась и в других европейских странах.

Приведём историческую справку о транспортной инфраструктуре Восточной Пруссии, в частности – железных дорогах.

Восточная Пруссия имела очень густую сеть железных дорог. Общее протяжение железнодорожных линий составляла 4 081 км, из них 3 375 км нормальной колеи (в том числе 803 км двухпутных линий) и 706 км узкоколейных.

Густота железнодорожной сети составляла: 11 км на 100 кв. км территории и 17,5 км на 10 000 жителей. Большое железнодорожное строительство в Восточной Пруссии было проведено еще в период подготовки к войне 1914 — 1918 гг. Так, например, если в 1900 г. на 10 000 жителей приходилось 10-11 км железнодорожных линий, то к 1910 г. было уже 16 км. В то же время по всей Германии приходилось на 10 000 жителей 12 км железных дорог. Если же учесть то, что в Восточной Пруссии промышленность была развита слабо, станет ясно, что железнодорожное строительство там проводилось, исходя не из требований народного хозяйства, а главным образом для военных целей.

Восточной Пруссии было проведено еще в период подготовки к войне 1914 — 1918 гг.

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 012015 / 7-119-87
Kreuzingen, Kreis Eichniederung, MT11095-2.
die Kleinbahn durchfährt Kreuzingen auf dem Weg nach Insterburg. (1920-1923), ©

Об этом же говорит и такой факт, как наличие большого количества специальных погрузочно-разгрузочных военных платформ, особенно в приграничных районах.

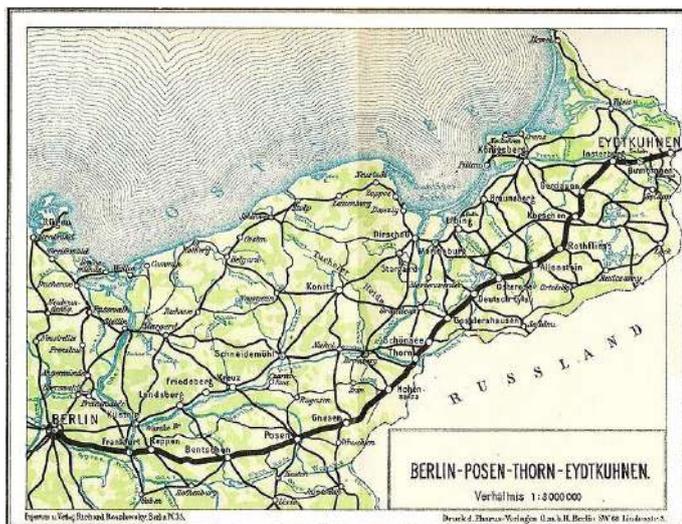

Густота и начертание железнодорожной сети позволяют производить быструю переброску войск в любом направлении. Необходимо только отметить, что железные дороги, связывающие Восточную Пруссию с остальной Германией, пересекают р. Висла и от состояния мостов через нее (мосты находятся у г. Тчев (Диршау), Грудзяндз (Грауденц), Фордон, Торунь (Торн) и у г. Мариенбург, через р. Ногат) будет зависеть в значительной мере связь

Восточной Пруссии с Германией.

На развитие железнодорожной сети в Восточной Пруссии оказывало влияние несколько факторов.

Первый из них — цивилизационный. В середине и особенно во второй половине XIX в. по всей Европе началось массовое строительство железных дорог. Этот процесс затронул и Восточную Пруссию. Так, еще в 1847 г. было начато строительство железной дороги Берлин — Кёнигсберг (завершившееся в 1853 г.), в 1860 г. сдана в эксплуатацию линия Кёнигсберг — Инстербург — Эйдткунен. В 1860-х гг. железнодорожное сообщение было открыто между Кёнигсбергом,

Пиллау и Ликком.

Однако в Германии, стремительно превращавшейся в империю, в этот период преобладающим оказался военный фактор развития железнодорожной сети. Один из идеологов «блицкрига» Мольтке-старший считал железные дороги ключом войны и требовал от своих подчиненных: *«Не стройте больше крепостей, стройте железные дороги»*.

В соответствии с идеями Мольтке и развертывалось строительство железных дорог в Восточной Пруссии. Естественно, железные дороги оказывали влияние на развитие экономики страны, однако предназначались прежде всего для военных нужд. Поэтому строительство их находилось под контролем военных, к каждой линии был прикреплен офицер германского Генерального штаба. Ни один путь не мог быть проложен или изменен без согласования с военным ведомством.

Сеть железных дорог в Восточной Пруссии в целом была сформирована к концу XIX в. В ней четко прослеживались интересы военного ведомства. В стратегическом отношении железные дороги должны были обеспечить доставку войск и военных грузов к границе Германии с северо-западными губерниями России.

Исходя из этого, на территории к востоку от Вислы и до Немана были проложены две основные фронтальные линии: Мариенбург (Мальборк) — Эльбинг (Эльблонг) — Браунсберг (Бранёво) — Кёнигсберг и Торн (Торунь) — Алленштайн (Ольштын) — Инстербург. Как бы продолжением второй линии была железная дорога Инстербург — Тильзит — Мемель с ветвями от Тильзита: через Пиллькаллен до Шталлупенена и через Лабиау в Кёнигсберг.

Весь путь первой фронтальной линии был двухпутным, второй — однопутный в пределах собственно Восточной Пруссии. Обе эти линии связывались между собой шестью рокадами (поперечными путями, вдоль линии фронта, границы), выводящими к российской границе.

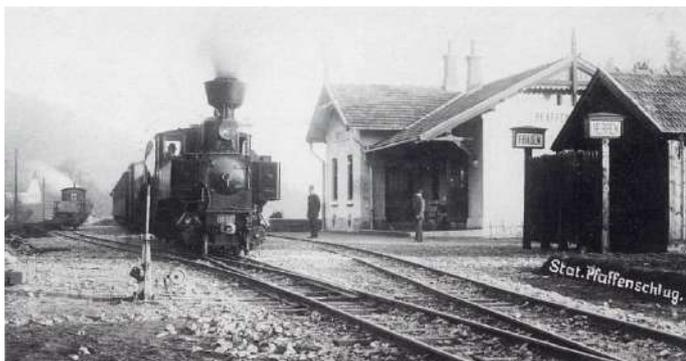
В пределах сегодняшней Калининградской области интерес представляют две рокады: Кёнигсберг — Прейсиш-Эйлау — Бартенштейн (Бартошице) — Ликк (Гижицко) и Кёнигсберг — Инстербург — Эйдткунен с ответвлением Инстербург — Голдап — Ликк. Рокада Кёнигсберг — Эйдткунен была двухпутной, ответвление — однопутным.

Развитие железнодорожной сети продолжалось всю вторую половину XIX в. Было установлено сообщение между Инстербургом, Даркеменом и Голдапом. В 1894 г. открылось сообщение Инстербург — Торн.

В 1890 г. на станции Эйдткунен завершилось строительство большой погрузочно-разгрузочной платформы.

Подобного рода платформы строились и на других станциях (Тапиау — длиной 300 м, Велау — 250 м, Норкитен — 260 м, Инстербург — две платформы, Гумбиннен — 200м, Тракениен — 200 м). В целом к 1895 г. общая протяженность железных дорог на территории Восточной Пруссии составила 1891 км, а плотность — 51,1 км на 1000км².

Так как железные дороги в восточной провинции Германии строились с учетом прежде всего стратегических интересов, что позволяло бы быстро перебрасывать большие массы войск с запада на восток и обратно, то вскоре обнаружилась нехватка дополнительных и промежуточных дорог. Кстати, отсутствие таких дорог

значительно замедляло рассредоточение и перегруппировку войск вдоль границы, затрудняло их снабжение.

Кроме того, военное командование к тому времени скорректировало планы и идеи Мольтке-старшего и стало уделять больше внимание крепостному и полевому строительству. Но для этого также требовались железные дороги местного значения. Поэтому и были приняты меры для комплексного развития сети железных дорог. В военных целях прежде всего готовились железнодорожные пути, ведущие к Рагниту, участок пути Тильзит — Шталлупенен. Расширялась сеть местных железных дорог: Тапиау — Фридланд — Бартенштайн, Фридланд — Домнау — Прейсиш-Эйлау. В результате в 1913 г. плотность их составила 78,3 км на 1000 км².

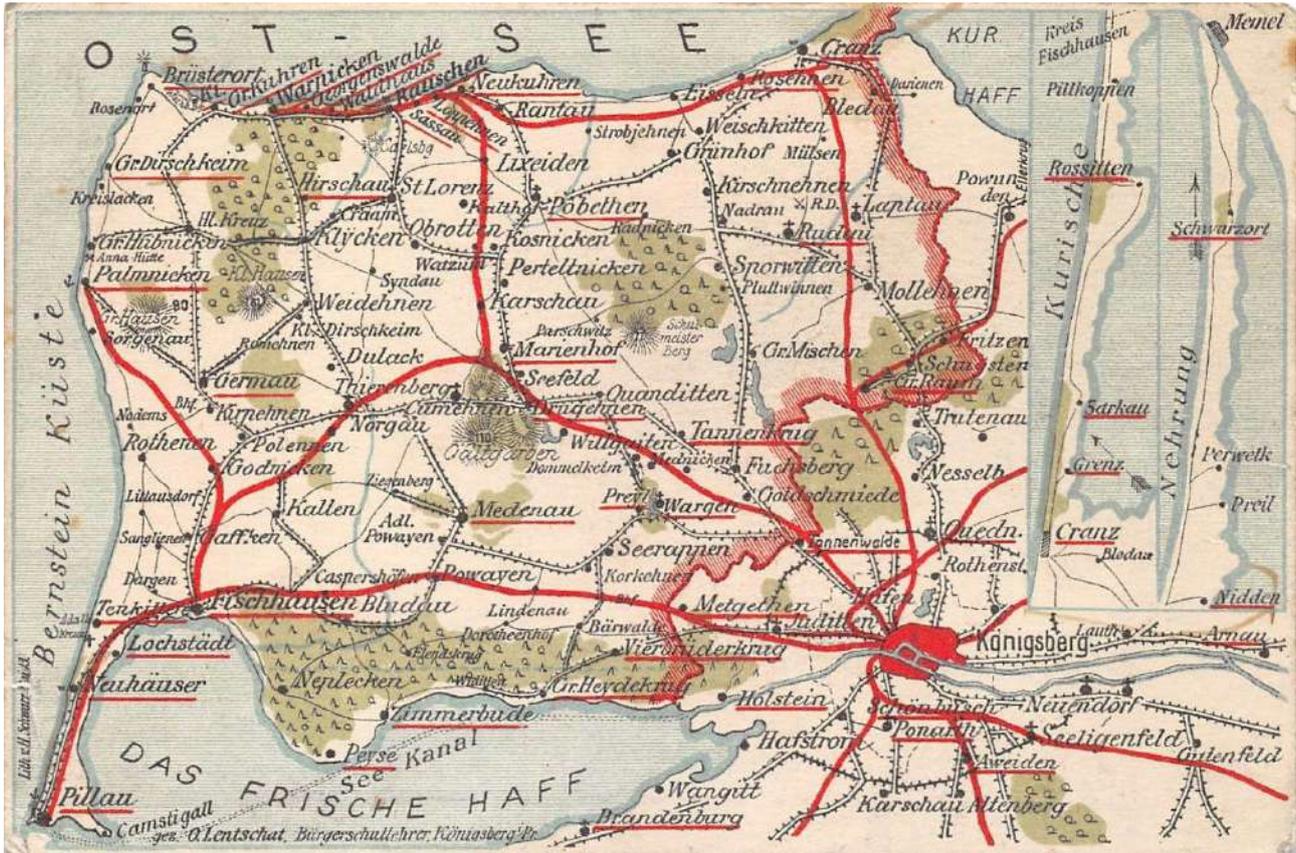
Военная потребность Восточной Пруссии в железных дорогах положительно сказывалась на экономическом развитии провинции в целом, особенно на торговой составляющей народного хозяйства. Железные дороги были необходимы для обеспечения торговли с Россией, а через морской порт — и со странами Европы.

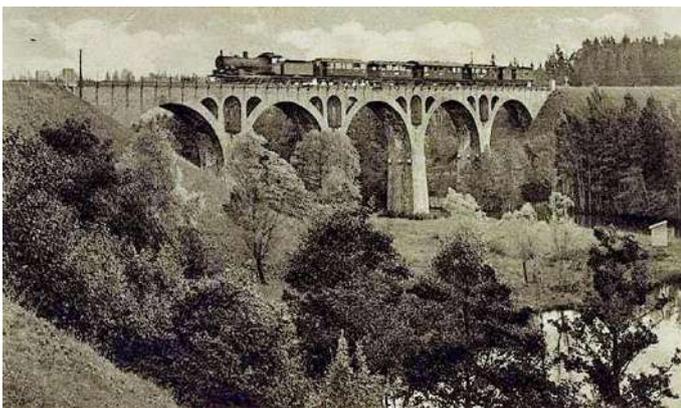
В связи с ростом популярности курортов получило развитие пригородное железнодорожное сообщение. Первая ветка соединила Кранц (Зеленоградск) и Кранцбеек — пристань на берегу канала, откуда отправлялись по Куршскому заливу суда в Мемель (Клайпеду) и Нидден (Ниду). В 1885 г. открылось сообщение Кёнигсберг — Кранц (Зеленоградск), а в 1900 г. начала эксплуатироваться линия

Кёнигсберг — Раушен (Светлогорск) — Георгенсвальде (Отрадное) — Варникен (Лесное).

В 20—30 гг. XX в. железнодорожное сообщение продолжало совершенствоваться, несмотря на экономический кризис. В этот период была проложена вторая колея на линии Тильзит (Советск) — Инстербург (Черняховск) — Гердауэн (Железнодорожный).

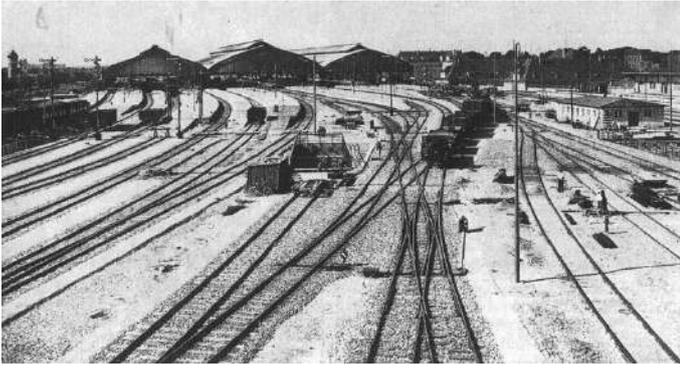

В последнее перед Второй мировой войны десятилетие построена железнодорожная ветка Хайлигенбайль (Мамоново) — Прейсиш-Эйлау (Багратионовск), достроена кольцевая дорога на Земландском полуострове и осуществлена капитальная перестройка кёнигсбергского железнодорожного узла.

Развитие железнодорожной сети в значительной мере влияет на ландшафтные изменения в регионе. Особенно ярко они проявляются в местах пересечения железными дорогами водных преград, где возводятся мосты и прилегающая инфраструктура. На территории области наиболее известен железнодорожный мост через р. Неман длиной около 270 м. Кроме того, были построены мосты через реки Алле, Инструч, Прегель.

Из пристанционных сооружений особенно выделяются вокзалы. В Кёнигсберге их было несколько. Первый железнодорожный вокзал открылся в 1853 г. и назывался Восточным (не сохранился).

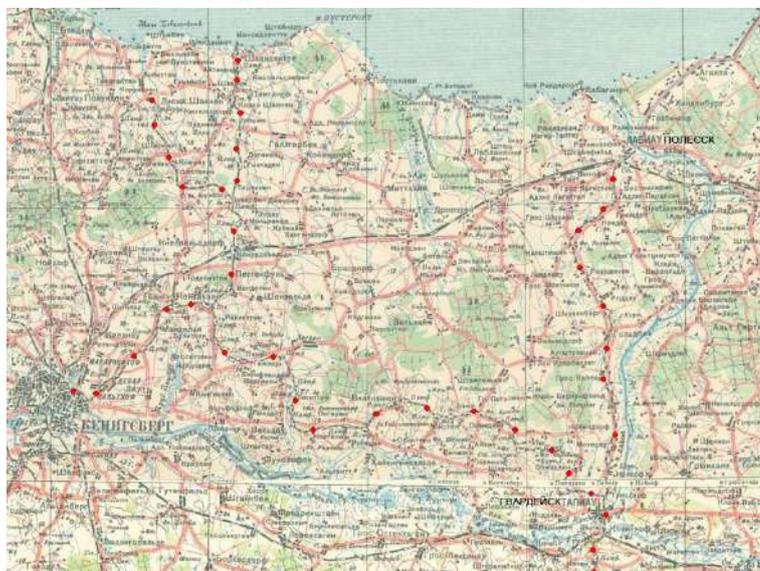
До настоящего времени действуют два вокзала — Южный (Калининград пассажирский) и Северный. Южный вокзал был открыт в 1929 г., имел дебаркадер, который перекрыт трехпролетной клёпаной металлической конструкцией со стеклянными вставками. Северный вокзал построен в том же году

на месте своих предшественников — Кранценского и Замландского вокзалов, обслуживавших курортное направление. Крупные железнодорожные узлы северной части Восточной Пруссии были созданы в Тильзите (Советске), Инстербурге (Черняховске) и в Пиллау (Балтийске).

www.Bildarchiv-Ostpreussen.de 011957 / 7-119-27
Groß Skaisgirren Kr. Elchniederung, Kreis Niederung, MT11095-2. Kleinbahnhof II. (1920-1930), ©

Кроме главных и второстепенных путей с обычной колеёй (1435 мм) на территории Восточной Пруссии функционировали многочисленные узкоколейные (750 мм) железные дороги, которые располагались на участках между путями стандартной ширины. Они начали создаваться на рубеже XIX — XX вв.

К 1917 г. протяженность узкоколеек достигла 215 км, и они имели остановки почти у каждой деревни, на перекрестках сельских дорог, на главных просеках лесничеств. Помимо сельхозпредприятий, услугами узкоколейки для транспортировки своей продукции пользовались многочисленные молочные, кирпичные заводы, мельницы, лесопилки и прочие малые предприятия. Кроме того, смешанные грузопассажирские составы

перевозили работников из ближних пригородов и поселений в Кёнигсберг, например, по узкоколейке Кёнигсберг — Нойхаузен (Гурьевск). Первая узкоколейная дорога, соединившая Кёнигсберг с Куршским заливом до поселка Шааксвитте (Каширское), была построена в 1899—1900 гг. и служила, прежде всего, сельскохозяйственным нуждам, однако она играла также существенную роль в обеспечении пассажирских прогулочных маршрутов на Куршский залив.

Таким образом, до Второй мировой войны территория области была покрыта густой сетью железных дорог, их протяженность в 1939 г. составляла 1823 км (в том числе 442 км узкоколейных дорог), действовали 184 вокзала и 240 остановочных пунктов.

В послевоенный период появилась необходимость восстановления пассажирского и грузового сообщения по междугородним и внутренним железным дорогам образованной Калининградской области. С апреля 1945 по октябрь 1946 г. было восстановлено 1500 км железнодорожного пути, а узкая европейская колея заменена на широкую российскую (1520 мм). Весной 1948 г. открылось ежедневное железнодорожное

сообщение по линии Калининград — Полесск — Большаково — Славск — Советск. Осенью того же года из Риги в Калининград прибыл первый поезд прямого сообщения, а поезд Калининград — Советск стал следовать до Клайпеды. В 1949 г. было восстановлено пригородное пассажирское железнодорожное сообщение по линии Неман — Советск.

После 1945 г. в результате образования советско-польской государственной границы единая сеть железных дорог Восточной Пруссии была разорвана, а большая часть местных ширококолейных линий, особенно в южных и восточных районах области, разобрана. Все узкоколейные дороги к началу 1960-х гг. были либо разобраны, либо перешиты. Сейчас на узкоколейках регулярного сообщения нет, в лучшем случае они законсервированы.

В настоящее время железнодорожная сеть региона является почти полностью унаследованной, хотя и редуцированной с довоенного времени, но усовершенствованной в связи с современными техническими и экономическими условиями.

По материалам коллективной работы Института природопользования, территориального развития и градостроительства (Балтийский федеральный университет им. И. Канта) — Е. А. Романовой, О. Л. Виноградовой, Г. В. Кретинина, и Акционерного общества «Балтийское аэрогеодезическое предприятие» в лице М. В. Дробиза, опубликованной в 2015 году издательством БФУ им. Канта в журнале «Балтийский регион», «Отражение эволюции железнодорожной сети в ландшафтной среде Калининградской области» и статьи «Транспортная инфраструктура Восточной Пруссии» интернет-ресурса www.runivers.ru

Три дня боёв западнее Роминтенской пуши – с 13 по 15 ноября 1914 года – оставили свой след на земле многочисленными захоронениями – одиночными могилами и воинскими кладбищами.

Не миновала сия участь и посёлок Карамышево, бывшую деревню Паббельн, где похоронены на общем кладбище на пригорке у дороги погибшие в бою русские и немецкие воины. Рядом друг с другом стоят кресты с изображением Железного креста, самой желанной воинской наградой, и надгробные плиты с восьмиконечным Православным крестом на них. Смерть примирила бывших противников.

Согласно немецким источникам здесь похоронено 70 русских (как всегда – неизвестных) и 55 немецких воинов, чьи имена и воинские звания ещё до сих пор отчётливо читаются.

После затяжных боёв в ноябре 1914 года после боёв под Гумбинненом в ходе немецкого наступления в феврале 1915 года здесь были похоронены и поимённо названы помощник командира отделения и 8 мушкетеров 337-го и 338-го пехотного полка, а также оставшихся неизвестными 67 немецких и 46 русских воинов.

Рядом с военными могилами в советское время устроили поселковое кладбище, причём нередко воинские могильные кресты и плиты оказывались за оградками рядом с могилами жителей посёлка Карамышево.

В 2013 году волонтерами Народного союза Германии по уходу за военными захоронениями проведены восстановительные работы.

Держим путь в сторону крупнейшего воинского захоронения периода Первой мировой войны в Озёрском районе в посёлке Гаврилово, бывший Гавайтен, где захоронено 437 русских солдат. Не один раз село Гавайтен и его окрестности становились ареной ожесточённых боёв 1914 года, следствием которых стала гибель многих солдат и офицеров обеих армий – 8-й немецкой и 1-й русской.

Особенно кровопролитным здесь был бой 20 августа 1914 года в ходе знаменитого Гумбинненского сражения. Частям 30-й пехотной дивизии русских противостояли 1-я и 36-я резервные дивизии 1-го резервного корпуса немцев.

Взаимные потери этого дня как раз и составили наибольшее число погребённых на военном кладбище солдат. Позже к ним добавились жертвы трёхдневных ноябрьских боёв того же 1914 года.

11-12 сентября 1914 года русская 29-я пехотная дивизия прикрывала здесь отход основных частей 1-й русской армии.

Упорные бои в районе Гавайтена шли также 13-15 ноября 1914 года, когда части немецкого I-го корпуса нанесли контрудар по наступавшим частям русской 10-й армии. Жертвы трёхдневных ноябрьских боёв добавились к военному захоронению августа того же 1914 года.

Специфика воинских мемориалов на территории бывшей Восточной Пруссии состоит в том, что русские и немецкие воины обычно хоронились рядом, а мемориал создавался общий.

Общее число похороненных воинов на кладбище Гавайтена составило 732 человека – 295 немцев и 437 русских. И не только все русские легли в землю неизвестными, но и 131 немец погребён без указания имени.

Согласно межправительственному соглашению от 1993 года, в обмен за гарантии сохранения могил советских солдат на территории объединённой Германии, германская сторона получила возможность ухаживать за немецкими воинскими захоронениями, оказавшимися на территории России. Для Калининградской области это соглашение коснулось в основном воинских

захоронений Первой мировой. На практике немцы обычно приводят в порядок могилы и своих, и русских воинов.

Кладбище в посёлке Гаврилово восстановлено в 1998 году силами немецких добровольцев из союза резервистов бундесвера. За ним, как и за многими другими захоронениями времён Первой мировой войны, ведётся регулярный уход.

Завершая путь, мы окажемся на длинной изогнутой лестнице, которая ведёт наверх, на самое живописное кладбище солдат Первой мировой войны – русских и немецких. Это кладбище у посёлка Плавни, бывший Плавишкен (Plawischken).

В ходе Гумбиннен-Гольдапского сражения 20 августа 1914 года части русской 30-й пехотной дивизии, наступавшие в направлении Даркемена, вступили под Плавишкеном в бой с частями немецкого I-го резервного корпуса. К исходу дня немцам удалось потеснить русские части, однако на следующий день, 21 августа, после начала общего немецкого отступления, русские войска с боем продвинулись к Даркемену.

13-15 ноября 1914 года у Плавишкена шли бои между частями русского 20-го и частями немецкого I-го корпуса и 3-й померанской дивизии, по итогам которых немецким войскам удалось задержать русское наступление.

В результате ноябрьских боёв было образовано захоронение. 92 русских солдата, оставшихся неизвестными, погребены здесь в братской могиле под одной бетонной плитой с традиционной для таких кладбищ надписью: "Здесь покоятся 92 неизвестных русских воина. 1914". Все они погибли в трёхдневных упорных боях с 13 по 15 ноября. Тогда же погибли и 13 немецких солдат, чьи могилы добавились к четырём погибшим ранее в Гумбинненском сражении 20 августа.

На немецких могилах установлены бетонные кресты. На них тоже, кроме конкретных

имён, есть и надпись "неизвестные немецкие воины" с указанием их количества, а таковых на этом кладбище покоится семь человек.

Тогда же на кладбище был установлен высокий деревянный Латинский крест. Его перекрестье украсили круглым металлическим обручем – символом солнца с восемью исходящими во все стороны лучами.

Сейчас вместо прежнего деревянного креста установлен новый (уже без украшений), и добавлен Православный крест – тоже деревянный.

И кто сказал, что мёртвым всё равно где лежать? Нет, неправда это. Для них выбирали красивые места. Чтобы оттуда открывался вид на окрестные поля и луга, на холмы и ложбины, на озеро, чтобы солнце пронизывало насквозь склонившиеся над могилами ветви.

Вот таким и было, например, место последнего упокоения русских и немецких солдат, погибших в ноябре 1914 года у посёлка Ручейки, бывшей деревни Эшергаллен.

Высокий обелиск и небольшой камень прикрыли тела и души 97 неизвестных русских воинов, а четыре креста с именами и без них – 13 немецких. В память о погибших на кладбище установлены два больших берёзовых креста. К воинскому кладбищу прилегает местное кладбище.

По дороге к Ручейкам повстречается с захоронением в посёлке Смирново, бывший Киаутен. Во время боев 20 августа 1914 года в Киаутене располагался 160-й пехотный полк русской армии. На высоком берегу безымянной реки, левого притока реки Красная, захоронено 102 русских и 42 немецких воина.

Захоронение расположено на городище эпохи раннего средневековья. В 2014 году здесь установлены католический крест на немецкой части кладбища и Православный на русской.

По материалам статьи Члена Правления Калининградского клуба краеведов Бориса Николаевича Адамова «Памятники Первой Мировой войны», опубликованной в девятом выпуске сборника «Балтийский альманах»

«Вечный покой всем солдатам, упокоенным на нашей земле», – с такими словами мы покидаем Озёрский район, уютно разместившийся между Правдинским, Черняховским, Нестеровским и Гусевским районами. Выезжая, окажемся в легендарной Ольховатке, где развернулись основные бои знаменитого Гумбинненского сражения 20 августа 1914 года...

Работа подготовлена

координатором Проекта «История. Люди. Память» – Эммой Басовой.